

БЕЛАЯ
ХРИЗАНТЕМА

МЭРИ ЛИНН
БРАХТ

Annotation

Корея, 1943-й. Хане шестнадцать лет, она никогда не покидала родной остров Чеджу, родилась и выросла под японской оккупацией. Она из рода хэнё – женщины моря, ныряльщицы. Ее младшая сестра никак не может дожидаться того дня, когда и она станет хэнё. Две девочки счастливы в своем маленьком идиллическом мире на берегу океана, но однажды судьба разлучает их, отправив Хану в чужие края, уготовив ей тяжкие испытания. Однако женщины моря сильны и упорны, и Хана не оставляет надежды когда-нибудь найти свой дом.

Южная Корея, 2011-й. Больше шестидесяти лет Эми старалась забыть то, что случилось с ней и сестрой в детстве. Но на закате жизни, чтобы примириться с собой, она должна взглянуть в лицо прошлому и вспомнить все. А может, и найти наконец сестру. “Белая хризантема” – драматическая и трогательная история о двух сестрах, разлученных насилием и войной, чья любовь друг к другу настолько сильна, что способна противостоять даже историческим бурям.

- Мэри Линн Брайт

- [illegible]

- [Хана](#)
 - [Эми](#)
 - [Хана](#)
 - [Эми](#)
 - [Хана](#)
 - [Эми](#)
 - [Хана](#)
 - [Джун Хви](#)
 - [Хана](#)
 -
 - [От автора](#)
 - [Памятные даты](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
-

Мэри Линн Брахт

Белая хризантема

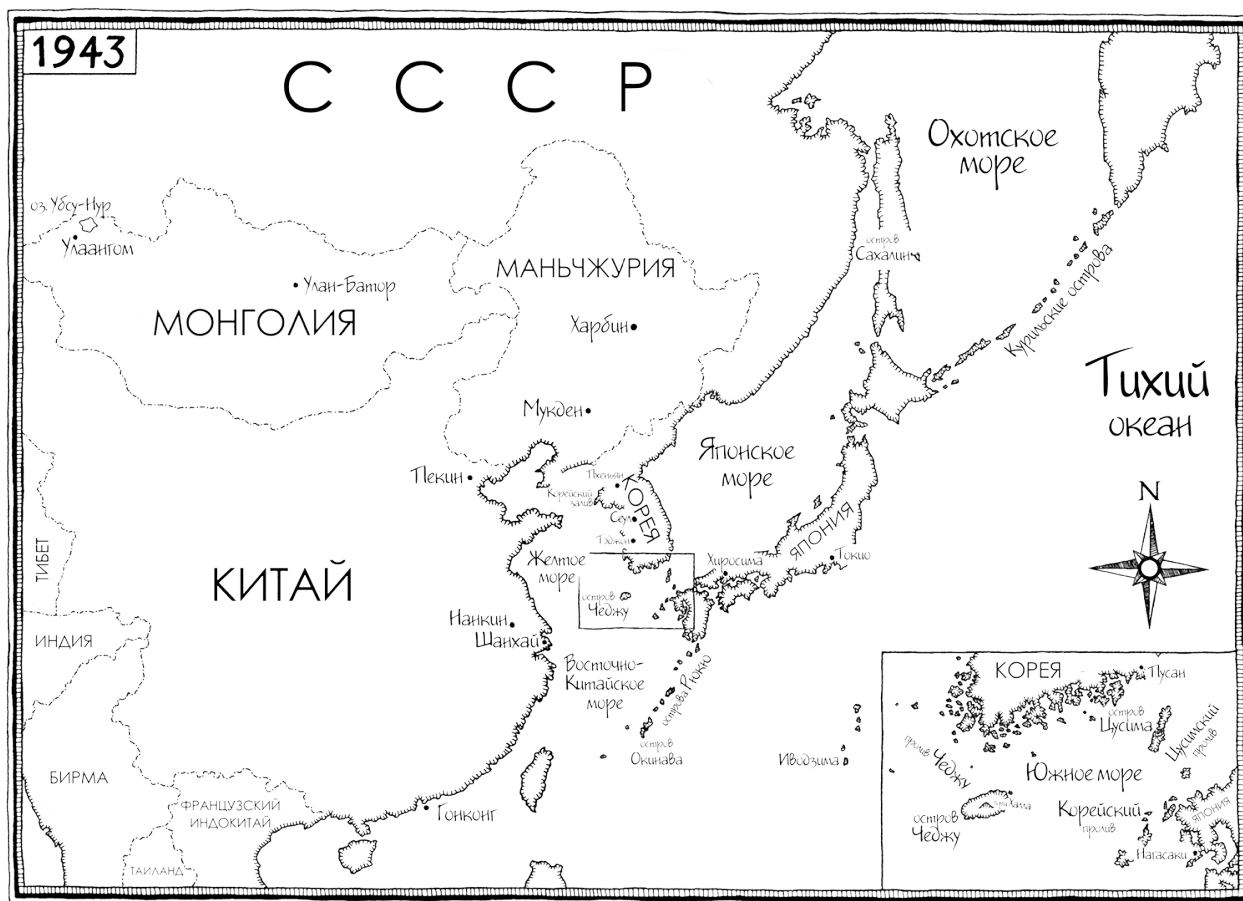
© 2018 by Mary Lynn Ltd

© А. Смирнов, перевод на русский язык, 2018

© “Фантом Пресс”, издание, оформление, 2018

* * *

Посвящается Нико

Почти рассвело, и в полутьме на тропинку ложатся диковинные тени. Хана старается не думать о существах, что вот-вот цапнут ее за ноги. Она идет за матерью к морю. Ветерок едва заметно треплет ночную рубашку. Сзади шуршат тихие шаги. Хана, не оглядываясь, знает, что за ними идет отец, на руках у него спит ее сестра. На берегу их уже ждет горстка женщин. Она узнаёт их лица в занимающемся рассвете, но шаманку видит впервые. Жрица одета в традиционный ханбок [\[1\]](#) – васильково-красный. Едва они спускаются на песчаную полосу, шаманка начинает танцевать.

Остальные отступают от кружащейся фигуры и замирают, слегка сгорбившись, околдованные грациозным танцем. Шаманка приветствует морского бога-дракона монотонным пением, приглашает его на их прекрасный остров, зовет пройти через бамбуковые ворота на безмятежные берега Чеджу. Горизонт чуть окрашен искристым золотом, и Хана моргает, поймав луч нового дня. Это недозволенная церемония, запрещенная японским оккупационным правительством, но мать настояла на соблюдении традиционного ритуала гут перед первым нырком Ханы, ее

посвящением в хэнё^[2]. Шаманка просит защиты и богатого улова. Она снова и снова повторяет слова, мать легонько толкает Хану в плечо, и обе склоняются в низком поклоне, касаясь лбами мокрого песка, чтобы почтить скорое прибытие морского бога-дракона. Когда Хана распрямляется, сестра сонно бормочет: “Я тоже хочу нырять”, и у Ханы сжимается сердце от тоски в ее голосе. “Скоро, сестренка, ты встанешь здесь, а я буду рядом и поприветствую тебя”, – шепчет она, не сомневаясь в их будущем.

По вискам стекают капли соленой морской воды, и она смахивает их тыльной стороной ладони. “Теперь я хэнё”, – думает Хана, глядя на берег, где белые ленты шаманки выписывают спирали. Она берет сестру за руку. Они стоят рядом, слушая шум накатывающих на берег волн. Группа безмолвно принимает ее в свой орден, слышен только океан. Когда солнце полностью взойдет над горизонтом, Хана погрузится с другими хэнё в глубины и займет свое место среди женщин моря. Но до того им придется вернуться в свои дома втайне от любопытных глаз.

Хана, вернись домой!

Громкий, как наяву, голос сестры возвращает ее в настоящее, рядом на полу спит солдат. Церемония тает во тьме. Отчаянно цепляясь за видение, Хана закрывает глаза.

Она почти два месяца в плену, но время здесь течет мучительно медленно. Она пытается не вспоминать того, что пришлось вытерпеть, что ее заставляли делать, кем приказали стать. Дома она была кем-то другим – да, кем-то другим.

С тех пор будто прошли столетия, и Хане ближе мысли о могиле, чем воспоминания о доме. О материнском лице, выныривающем ей навстречу из волн. О соли на губах. Ключки воспоминаний о чем-то светлом.

Церемония была полна силы, как женщины моря, как сама Хана. Лежащий рядом солдат шевелится. Ему с ней не справиться, обещает она себе. До самого утра она лежит без сна, воображая побег.

Хана

Остров Чеджу, лето 1943

Хане шестнадцать, и ей неведома иная жизнь, кроме как под оккупацией. Япония аннексировала Корею в тысяча девятьсот десятом, и Хана бегло говорит по-японски, разбирается в японской истории и культуре, а на корейском ей запрещено и говорить, и читать, и писать. В родной стране она человек второго сорта, бесправная, но ее корейская гордость от того меньше не стала. Хана с матерью – хэнё, женщины моря, и работают они на себя. Они живут в деревушке на южном берегу острова Чеджу и ныряют в бухте, которой не видно с ведущей в город большой дороги. Отец Ханы – рыбак. С другими мужчинами он выходит в Южное море, сторонясь японских рыболовецких судов, которые грабят прибрежные воды Кореи и вывозят улов в Японию. С японскими солдатами Хана и мать имеют дело только на рынке, где продают дневную добычу. Встречи эти редки, и потому у них есть чувство свободы, которым мало кто похвастается и на другом краю острова, и даже в материковой Корее. Тема оккупации под запретом, особенно на рынке, заговорить об этом рискуют лишь смельчаки, да и то шепотом, на ухо. В деревне устали от непомерных налогов, принудительных “пожертвований” на войну, от мобилизации – мужчин гонят на фронт, а подростков – на японские заводы.

Подводный промысел на острове – занятие женское. Женские тела лучше мужских подходят для океанских глубин. Женщины дольше задерживают дыхание, ныряют глубже и лучше сохраняют температуру, а потому на Чеджу они всегда были независимыми. Хана отправилась с матерью в море совсем еще младенцем. Учиться плавать она начала, как только стала держать головку, но на глубину мать ее взяла, только когда исполнилось одиннадцать, и показала, как срезать придонные морские ушки. Возбужденная Хана не рассчитала запас воздуха, тот кончился раньше, чем она думала, и ей пришлось спешить на поверхность. Легкие горели. Вынырнув, она глотнула больше воды, чем кислорода. Отплевываясь и еле удерживая лицо над водой, она запаниковала. Накатила волна, накрыла ее целиком. Голова ушла под воду, и Хана нахлебалась еще.

Мать подхватила Хану, чтобы лицо дочери оставалось над поверхностью воды. Хана судорожно вдыхала между приступами жестокого кашля. Нос и горло саднило. Материнская рука надежно держала ее, пока Хана не пришла в себя.

– Всегда смотри на берег, когда всплываешь, а то заблудишься, – сказала мать и развернула Хану лицом к суше. Там на песке сидела младшая сестра, сторожившая ведра с уловом. – Как вынырнешь – ищи сестру. Не забывай об этом. Если видишь ее, то тебе ничто не грозит.

Дыхание Ханы восстановилось, мать отпустила ее и нырнула на глубину, медленно кувыркнувшись вперед. Хана еще немного посмотрела на сестру, словно стараясь запомнить. Та безмятежно сидела на берегу и ждала, когда родные вернутся из моря. Оправившись полностью, Хана подплыла к бую и добавила морское ушко к материнскому улову, который колыхался в прочной сети. Затем тоже устремилась в гудящие глубины за очередной добычей.

Сестра была слишком мала и пока не ходила в море. Выныривая, Хана первым делом смотрела на берег и видела, как малышка гоняется за чайками и неистово машет палками. Бабочка, танцующая у кромки воды.

Хане исполнилось семь, когда родилась долгожданная сестренка, а ведь она боялась, что на всю жизнь так и останется единственным ребенком. Хана давно мечтала о младшей сестре – у всех подруг было по двое, трое, а то и четверо сестер и братьев, они вместе играли и вместе хлопотали по хозяйству, а ей приходилось мучиться в одиночку. Но потом ее мать понесла, и Хана сияла от радости при виде ее растущего живота.

– Мама! Никак ты еще потолстела? – спросила она в утро родов.

– Очень толстая и очень неуклюжая! – улыбнулась мать и принялась щекотать плоский и крепкий живот Ханы.

Хана восторженно завизжала и повалилась на спину. Отдышавшись, села рядом и положила руку на самую выпуклость живота.

– А что, сестренка или братик почти готовы?

– Почти готовы? Дурочка, можно подумать, что я варю в брюхе рис!

– Не рис, а сестренку... или братика, – возразила Хана и ощутила ладонью робкий толчок. – Когда она вылезет? Или он?

– Какая у меня нетерпеливая дочка. – Мать покачала головой. – А кого тебе хочется – сестру или брата?

Хана знала, что правильный ответ – “брат”, что отцу нужен сын, которого он обучит рыбацкому делу, но про себя ответила иначе. “Надеюсь, что будет дочка, и мы с ней когда-нибудь вместе отправимся в море”.

Вечером у матери начались схватки, и Хана не сумела скрыть радости, когда ей показали новорожденную. Улыбаясь до ушей, она попробовала изобразить разочарование.

– Жалко, что не сын, честное слово, жалко! – сказала Хана и покачала головой в притворной скорби. Но тут же потянула за рукав отца. Он

нагнулся, и Хана, приложив к его уху руки лодочкой, зашептала: – Папа, я хочу признаться. Мне тебя очень жалко, теперь тебе некого учить ловить рыбу, но... – Она сделала глубокий вдох. – Но я рада, что буду плавать с сестрой.

– Точно? – спросил он.

– Да, только маме не говори.

В семь лет Хана еще не овладела искусством неслышного шепотка, и гости – близкие друзья семьи – прыснули. Хана умолкла. У нее запылали уши. Она спряталась за отца и глянула из-под его руки на мать – вдруг и та услышала. Мать пристально посмотрела на старшую дочь, потом опустила глаза на малышку, жадно сосавшую грудь, и сказала столь же громким шепотом:

– Ты самая любимая сестренка на всем Чеджу. Знаешь об этом? Никто не полюбит тебя сильнее, чем старшая сестра.

Затем снова посмотрела на Хану, поманила к себе. Взрослые затихли, когда Хана опустилась подле нее на колени.

– Теперь ты ее заступница, Хана, – серьезно сказала мать.

Хана глядела на крошку. Погладила черный пушок на голове:

– Как мягко.

– Ты слышала, что я сказала? Теперь ты старшая сестра и должна оберегать младшую. Я не всегда буду рядом, море и рынок нас кормят, и ты станешь присматривать за сестрой, когда я буду занята. Можно на тебя положиться? – строго спросила мать.

Хана отдернула руку. Склонила голову и тихо ответила:

– Да, мама, я не дам ее в обиду. Обещаю.

– Это клятва навеки, Хана. Не забывай об этом.

– Я буду помнить, мама, всегда, – сказала Хана, не сводя глаз с безмятежного младенческого лица. Из приоткрытого рта вытекла капля молока, и мать стерла ее пальцем.

Прошли годы. Хана уже промышляла с матерью на глубине и привыкла видеть вдали сестру – девочку, с которой спала под одним одеялом, которой нашептывала в темноте всякие глупости, пока та не сморит сон. Девочку, которая так заразительно хохотала над всем подряд, что ей вторили все вокруг. Девочку, что стала для Ханы якорем на берегу и опорой в жизни.

Хана понимала, что защищать сестру означает держать ее подальше от японских солдат. Мать буквально вбивала ей в голову: “Никогда не показывайся им на глаза! А главное – не оставайся с ними наедине!” Зловещие материнские внушения были пропитаны страхом, и шестнадцатилетняя Хана радовалась, что ничего подобного не случилось. Но в один жаркий летний день все изменилось.

Уже давно перевалило за полдень и другие ныряльщицы ушли на рынок, когда Хана впервые увидела капрала Моримото. Мать решила наполнить еще одну сеть – для заболевшей подруги, которая не смогла выйти в море. Та всегда первой вызывалась помочь. Хана вынырнула и посмотрела на берег. Сестра сидела на корточках и, приставив ладонь ко лбу козырьком, выискивала в море Хану и мать. В девять лет сестренку уже можно было оставить на берегу одну, но ходить с Ханой и матерью на глубину ей еще рано. Не по возрасту маленькая, да и плавала пока неважно.

Хана только что нашла большую раковину. Ей хотелось на радостях окликнуть сестру, как вдруг она заметила идущего к берегу мужчину. Взбив ногами воду, Хана выпрыгнула над волнами и увидела, что это японский солдат. У нее свело живот. Зачем он здесь? Солдаты никогда не заходят так далеко от деревень. Она обвела взглядом берег – нет ли других, но солдат был один и направлялся прямо к сестре.

Сестру скрывал от него каменистый береговой риф, но если он не изменит курс, то наткнется на нее и тогда заберет – отправит морем на японский завод, как других деревенских девочек. Ее сестра не настолько крепка, чтобы вынести тяжелую работу на конвейере и грубое обращение. Она слишком мала и совсем домашняя, она не выдержит чужбины.

Осмотрев горизонт в поисках матери, Хана поняла, что та внизу, не подозревает о японском солдате, который направляется к воде. Ждать было нельзя: даже если мать вот-вот вынырнет, она слишком далеко – ловит у рифа, за которым открывается бездна. Караулить сестру – забота Ханы. Она дала матери слово и сдержит его.

Хана нырнула в волны и быстро погребла к берегу. Она надеялась, что доберется до сестры прежде солдата. Если его удастся отвлечь, сестра успеет убежать и спрятаться в соседней бухте, а Хана снова бросится в океан. Не полезет же он за ней в воду?

Течение тянуло ее обратно, словно пытаясь уберечь. В панике Хана вынырнула и глубоко вдохнула, успев отметить, докуда дошел солдат. Он по-прежнему держал курс на скалистый риф.

Хана поплыла поверху, сознавая, что вся на виду, но задерживаться под водой было нельзя, можно не уследить за солдатом. Она находилась на

полпути к суше, когда солдат остановился и принялся рыться в кармане – что-то искал. Хана нырнула и поплыла что есть мочи. Вынырнув для следующего вдоха, увидела, как солдат зажигает сигарету. С каждым ее вдохом оказывалось, что он прошел еще немного вперед. Солдат выпускал струйку дыма, затягивался – каждый раз, когда Хана выныривала, и вот последняя затяжка. Он посмотрел на океан и заметил наконец девушку.

До берега оставалось каких-то десять метров, и Хана взмолилась, чтобы солдат не увидел сестру. Ту все еще скрывали от него камни, но это ненадолго. Сестра уперлась ладошками в твердый песок, явно собираясь встать. Хана не могла закричать ей, чтобы та не двигалась. Она погрузилась в воду и бешено заработала руками и ногами, пока не коснулась песчаного дна. Тогда она встала и побежала. Солдат кричал ей что-то, пока она мчалась к береговому рифу, но она ничего не слышала. Кровь гулко стучала в ушах, перекрывая все остальные звуки. Казалось, будто в забеге до берега она пересекла полмира, но останавливаться было рано. Ноги понесли ее по песку к сестре, которая улыбалась ей, ни о чем не догадываясь. Малышка открыла рот, но Хана уже прыгнула к ней, схватила за плечи и прижала к земле. Лицо у нее было такое, что сестра поняла – лучше молчать. Взгляд Ханы был красноречивее слов. Она вдавила сестру в песок, жалея, что нет времени забросать ее водорослями, понадежнее укрыть от солдата.

– Куда ты подевалась? – крикнул солдат.

Он стоял на большом камне, откуда открывался вид на берег. Если шагнет к краю камня, то увидит их, лежащих прямо под ним.

– Никак русалка превратилась в девочку?

Над головой захрустели шаги. Дрожащее тело сестры было такое хрупкое и беззащитное. Ее страх передался Хане, и они дрожали вдвоем. Хана понимала, что бежать сестре некуда. Со своей верхотуры солдат видит все вокруг. Им обеим придется нырять в океан, но сестра не продержится в воде долго. Сама-то она может оставаться на глубине часами, но сестра наверняка утонет, если солдат окажется терпеливым. Хана не знала, что делать. Скрыться негде. От этой мысли ее сковал ужас.

Она медленно отняла ладонь ото рта сестры и, перед тем как встать, в последний раз заглянула в ее испуганное лицо.

Хана чувствовала, как глаза чужака шарят по ее телу.

– Да ты не девочка, а женщина, – сказал солдат и захохотал раскатисто.

На нем был светло-песочный мундир, полевые ботинки и кепи, укрывавшее лицо тенью. Глаза черны, как скальная порода под ногами. Хана еще не отдышалась после заплыва, и он смотрел на ее вздымающуюся грудь. В попытке прикрыться она быстро распустила волосы, белая

ситцевая рубашка для плавания была слишком тонкой и прозрачной. На ослабевшие ноги капала вода с таких же ситцевых коротких штанов.

– Что ты там от меня прячешь? – спросил солдат, пытаясь заглянуть за край скалы.

– Ничего, – быстро ответила Хана и отошла в сторону – пусть глядит на нее. – Там просто... улов. Вы не подумайте, что он незаконный. Я сама поймала.

Она подхватила ведро и двинулась вдоль кромки воды, уводя солдата от сестры.

Его глаза были прикованы к Хане. Наконец он отвернулся, посмотрел на море, обвел взглядом берег.

– Почему ты еще здесь? Все ныряльщицы уже на рынке.

– У меня заболела подруга, и я ловлю за нее, чтобы ей было что поесть.

Отчасти это было правдой, а потому выговорилось легко.

Солдат продолжал озираться словно в поисках доказательств. Хана глянула на буй, но мать не показывалась. Значит, еще не увидела солдата, даже не заметила отсутствия дочери. Хана забеспокоилась, не попала ли мать в беду. Солдат снова оглядел кромку скалистого рифа, будто чуял еще кого-то. Хана лихорадочно пыталась придумать, как себя повести.

– Могу продать вам, если проголодались. И товарищам отнесете.

Он с сомнением посмотрел на нее, и она приподняла ведро. Через край выплеснулась морская вода, и солдат отскочил, чтобы не намочить башмаки.

– Простите, пожалуйста, – торопливо сказала Хана и придерживала ведро второй рукой.

– Где твои родные? – вдруг спросил он.

Вопрос застал Хану врасплох. Она снова оглянулась на море и заметила мелькнувшую в волнах голову матери. Отец сейчас на своей лодке в океане. Они с сестрой один на один с этим солдатом. Она повернулась к нему и вдруг увидела вдали еще двоих. Они направлялись к ним.

В голове вспыхнули слова матери: “Главное – не оставайся с ними наедине”. Нет, ей уже не спастись, что бы она ни сказала. С солдатами императора ей не справиться. Они могут сделать с ней что захотят, но опасность угрожает не только ей. Хана перевела взгляд на мерно набегающие волны, которые так и манили нырнуть в них, скрыться.

– Они умерли. – Она почти верила в свои слова. Если она сирота, то делать с ней можно что угодно, и рот никому затыкать не придется. А

значит, ее семью не тронут.

– Русалка-сиротка. – Солдат улыбнулся. – Выходит, море и правда иногда выбрасывает на берег сокровища.

– Что у вас там, капрал Моримото? – крикнул один из приближающихся солдат.

Моримото не ответил, по-прежнему не сводя глаз с Ханы. Солдаты подошли, встали по обе стороны от девушки. Моримото коротко кивнул им и побрел по песку обратно, тем же путем, что пришел. Солдаты ухватили Хану за руки и поволокли следом.

Хана не закричала. Если сестра бросится на подмогу, они заберут и ее. Главное сейчас – уберечь от солдат сестру. Поэтому Хана не издала ни звука, но ноги ее отказывались идти, налились тяжестью, тянули вниз. Все тело противилось в безмолвном непокорстве. Но солдаты подхватили ее поудобнее и потащили, ступни Ханы оставляли в песке тонкие бороздки.

Остров Чеджу, декабрь 2011

На горизонте тонкая оранжевая линия прорезала серое декабрьское небо, нависшее над темными водами Южного моря. Час был предрассветный, холодный, колени Эми не слушались. Левая нога словно налита свинцом. Эми подволакивала ее, плетясь к берегу. Другие женщины уже надевали гидрокостюмы и маски. У самой кромки собралась горстка ныряльщиц в традиционных ситцевых костюмах. Их было совсем немного, наверняка из-за промозглого утра. В молодости она бы тоже дважды подумала, прежде чем выбраться из теплой постели и погрузиться в ледяную воду, но годы ее закалили.

Бредя по каменистому берегу, Эми слышала, как Чин Хи рассказывает женщинам одну из любимых своих историй. С Чин Хи они выросли вместе. Их дружба растянулась почти на семьдесят лет, пережила две войны. Чин Хи неистово размахивала руками, ну вылитая сломанная ветряная мельница, и Эми ждала театральной паузы, которая всегда предваряла заразительный взрыв хохота. Порыв ветра взметнул вверх кусок синей парусины, прикрывавший старую рыбацкую лодку, белая краска облезла на ней струпами. Ветер подхватил и унес смех, а синяя парусина снова опустилась на лодку. Грубоватые голоса подруг ласкали слух Эми. Она все ковыляла к ныряльщицам с черепашьей скоростью, и Чин Хи приветственно вскинула руку. Остальные женщины обернулись и тоже замахали.

– Наконец-то! – крикнула Чин Хи. – Заспалась? Эми не стала утруждать себя ответом. Она высматривала под ногами острые камни, боясь оступиться. Колени немного отпустило, и хромота сделалась не так заметна. Левая нога почти попевала за правой. Ныряльщицы ждали Эми, не спеша заходить в воду. Она уже была в гидрокостюме. Хорошо, когда от дома, даже если это крохотная лачуга, до воды рукой подать. Двое детей Эми выросли и давно уже живут в Сеуле, а ей вполне достаточно места для сна и готовки, больше ей и не нужно. Когда Эми подошла, Чин Хи протянула ей маску.

– Что это? – спросила Эми. – У меня своя.

Она вынула из пенопластовой сумки маску и показала Чин Хи.

– Это старье? Вся в трещинах, а ремешок уже сто раз чинили. – Чин Хи сплюнула. – А эта новая. Сын привез из Тэджона две штуки.

Она постучала по стеклу своей, уже надетой и сдвинутой на лоб.

Эми пристально рассмотрела маску. Корпус ярко-красный, а на стекле оттиснуто “закалено”. Хорошая вещь. Эми с грустью перевела взгляд на старую: резиновый ремешок в трех местах завязан двойными узлами, а в левом стекле кусок совсем уже мутный, так что мало что видно через него. Маска еще не протекает, но этот час недалек.

– Давай, надень и сама увидишь, – настаивала Чин Хи.

Эми колебалась. Она ощупала блестящее стекло. Женщины уже выставили в море буйки, обозначающие места ловли. Их головы какое-то время маячили у оранжевых поплавков, а затем поочередно скрылись под мелкими утренними волнами. Эми какое-то время наблюдала за ними, после чего протянула маску подруге.

– Я ее тебе принесла, – сказала та и оттолкнула ее руку. – Мне и одной хватит.

Чин Хи что-то бормотала, бредя к воде и шлепая ластами. Эми знала, что ее не переубедить. Упрямство у подруги беспредельное. Эми оглядела маски, выставив их перед собой. Ее черная – настоящая древность по сравнению с красной, но Эми было стыдно принимать подарок Чин Хи. Все равно ведь будет пылиться в шкафу.

– Твоя вся потрескалась, а ты ныряешь слишком глубоко. В один прекрасный день она лопнет и ты ослепнешь! – закричала Чин Хи, перед тем как нырнуть.

Эми положила красную маску в сумку Чин Хи и нагнулась, чтобы надеть ласты. Затем вошла в море. Холод пробирал до костей.

Чин Хи стояла в воде на удалении от берега, волны били ее в грудь.

– Кто сегодня? – спросила она.

Чин Хи всегда знает, если Эми накануне приснился кошмар. Возможно, угадывает по лицу, а может быть, за ночь у Эми прибавляется седины. Чин Хи непременно захочет узнать, что за демон пожрал девочку без лица.

Сегодня Эми не хотелось вспоминать тварь, из-за которой она в ужасе проснулась, но подруга ведь не отстанет.

Этот голос она слышит только во сне. Голос девочки – вроде бы знакомой, но в то же время чужой, и Эми ее не узнаёт. Девочка зовет Эми по имени, голос дрейфует к ней по волнам, как будто приплыл откуда-то издалека. Ей хочется ответить, но, как это бывает во сне, она не может издать ни звука. Лишь стоит на скале, вслушиваясь в голос девочки, который пытается перекрыть порывистый ветер, и голые пальцы ног прикипают к бритвенно-острой кромке скалы. Она старается разглядеть в

море девочку, но развевающиеся волосы хлещут по лицу, по глазам. Наконец она видит. К скале по яростным волнам летит лодка. В лодке стоит маленькая девочка и выкрикивает ее имя. Лицо – белое пятно посреди почти черного моря, черт не различить. Эми беззвучно кричит, когда лодка кренится и ее заглатывает огромный синий кит; иногда это кальмар, а иногда гигантская акула, но минувшей ночью был все же кит – синечерный, как полночь, и с острыми, как у монстра, зубами. Эми проснулась в поту, руки притиснуты к горлу, во рту пересохло. Сон быстро выветрился, остался только образ девочки, которую она знала давным-давно, еще во время войны.

– По-моему, кальмар, – сказала Эми, удивившись своей лжи. Наверное, просто легче выслушивать рассуждения о вымышленном сновидении, нежели о подлинном. – Да, это был кальмар. – Она решительно кивнула, будто разговору конец, но от Чин Хи так легко не отделаться.

– Снова серый? Или теперь уже белый? Давай, говори! Я же хочу помочь!

– Какая разница, какого он цвета? – Эми смахнула с лица прядь. – Он все равно ее пожирает.

– Серый – значит больной, а белый – это призрак. Здоровый кальмар красный или коричневатокрасный, иногда ярко-оранжевый. Тебя преследует кальмар-призрак, призрак из прошлого.

Эми вздохнула. Чин Хи всегда была фантазеркой, но сегодня она даже себя переплонула. Эми побрела в море, переступая лапами медленно, точно еще шагала по суше. Когда вода достигла плеч, она нырнула и внезапно преобразилась. Эми – рыба, она плоть от плоти морской, прекрасная и невесомая. Мертвая подводная тишина успокаивала, пока она обшаривала дно в поисках добычи.

Умение нырять – дар свыше. Так говорила мать, когда настала очередь Эми учиться семейному ремеслу. В свои семьдесят семь Эми думает, что наконец-то понимает те давние слова матери. Но тело напоминает о возрасте. В такие, как это, холодные зимние утра оно ноет, а в летний зной протестует, и каждый день грозит отказать, но Эми знает, что надо лишь перетерпеть боль и добраться до воды, где она миглом освободится от груза лет. Невесомость умиротворяет ее старые кости. Задерживая дыхание на две минуты, она ныряет за дарами океана, и это погружение сродни медитации.

На глубине восьмидесяти – ста футов царит мрак. Кажется, будто проваливаешься в утробу, и единственный звук – неспешная, ровная пульсация крови в ушах. Осколки солнца пронзали мглу, и старые глаза

Эми быстро привыкли к мутной дымке. Окрепшая телом, она устремилась ко дну, к своему рифу. Рассудок успокаивался, мысли занимала только охота. Медленно текли секунды. И вдруг ее одиночество нарушил голос. “Усни, – спокойно и безмятежно проговорил он, и по лицу словно провела ласковая рука. – Покончи с этой жизнью”.

Эми остановилась, успев не врезаться в каменистое дно. Ее спас опыт. Она изгнала голос из мыслей и сфокусировала взгляд на дне. Прочесав кусты колышущихся водорослей, заметила красного осьминога, который преследовал синего краба. Краб, чуя опасность, дернулся в сторону, но осьминог был коварен и спрятался в расщелину. Краб помедлил и снова принялся рыться в донном соре. Два осьминожьих щупальца заскользили по песку, а вот и все луковичное тело в сплетении остальных щупалец показалось из укрытия. Подводной молнией осьминог метнулся к крабу и тут же с добычей скрылся в щели. Эми уже не раз наблюдала эту драму. Она ощущала родство с этим осьминогом, с его кожей, испещренной боевыми шрамами. Одно щупальце короче других – не иначе, повезло откуда-то вырваться. Щупальце отрастет заново – в отличие от ноги Эми.

Возле расщелины расположилось семейство морских ежей, и Эми подобрала их. Осьминог, уловив ее присутствие, выбросил чернильное облако, и щель в скале скрыл туман. Эми разогнала облачко, рука коснулась чего-то мягкого, пористого. Она отдернула руку и стрелой взлетела к поверхности, а внизу осьминог удирал прочь, растворяясь в мутной воде.

Эми перевела дух.

Тоже уже вынырнувшая Чо Сон принялась выговаривать:

– В следующий раз ткни его ножом! Господин Ли щедро заплатит за этого осьминога, а ты его постоянно отпускаешь. Что за расточительность!

Ныряльщицы присматривали друг за дружкой. Они приучены наблюдать за соседками – вдруг кто-нибудь попадет в беду. Мулсум, вдох под водой, – смерть для хэнё, и в этом году погибли уже две ныряльщицы. Но Эми не хочется, чтобы ее опекали. Она не собирается задерживаться под водой дольше, чем хватит воздуха. Возможно, Чо Сон не терпит сменить Эми, забрать ее участок и наконец умертвить старого осьминога.

– Оставь ее в покое, – строго сказала подплывшая к ним Чин Хи.

Чо Сон пожала плечами и, выполнив элегантный кувырок, нырнула, без плеска, точно морской лев.

– Ей просто завидно, что ты задерживаешь дыхание дольше, чем она, – сказала Чин Хи, прочищая нос от воды.

– Но ты с нею согласна, – ответила Эми.

– Вовсе нет, – возразила подруга. Она подтянула свою зеленую сеть, и

раковины чуть гроыхнули.

– Ничего особенного не произошло. Я понимаю, что это глупо, но мне совестно ловить этого осьминога. Он мне как старый товарищ.

– Ага, друг-старикашка! – рассмеялась Чин Хи и едва не захлебнулась. Она брызнула в Эми и затрясла головой.

Они нырнули вдвоем и возобновили поиски.

Наполнив сеть на четверть, Эми поднялась на поверхность, чтобы дать легким отдых. Сегодня они работали тяжеловато, да и плавалось труднее обычного. В голове стоял туман. Чин Хи тут же возникла рядом:

– Все в порядке?

С минуту Эми изучала небо, посмотрела на взошедшее солнце. Скоро оно поднимется высоко, и море заполнят рыбаки на своих моторках. Голос в голове помалкивал. Слышался лишь плеск волн, нестройные *сумбисори*^[3] подруг, выдыхавших остатки воздуха при каждом подъеме на поверхность, да галдеж морских птиц в небе. Эми перехватила взгляд подруги.

– Скоро уже ехать? – спросила Чин Хи.

– Да. Отнесешь мой улов на рынок?

– Конечно. Удачи. – Подруга коротко салютнула. Эми кивнула и поплыла к берегу. Она скользила в воде, радуясь дару, который передала ей мать. Кажется, что прошла тысяча лет с тех пор, как она училась нырять. Эми поспешно отогнала воспоминания. Она выбралась из воды и отправилась в утомительный путь до лачуги. На суше ее плоть тяжким бременем навалилась на хрупкие кости. Эми споткнулась, чуть не упала и долго стояла, приходя в себя.

С моря наплывала пасмурная дымка, и мир погружался в серость. Эми чувствовала груз всех своих лет, да еще десяток сверху. Каждый шагок сопровождался короткой остановкой, чтобы подтянуть левую ногу. Нащупывая путь среди камней, она сравнивала себя с синим крабом, ковыляющим по морскому дну. Перед каждым шагом Эми тщательно выглядывала место, куда поставить ногу. И все-таки она не краб и нынче не достанется старому осьминогу. Сегодня ей предстоит дальняя дорога, и время не на ее стороне.

Хана

Остров Чеджу, лето 1943

Японские солдаты загнали Хану и еще четырех девушек в кузов грузовика. У двух девушек разбиты лица. Очевидно, сопротивлялись. От потрясения и страха девушки молчали. Хана поглядывала на спутниц, гадая, знакомы ли они, – может, виделись на рынке. Три девушки были старше ее, две – на пару лет, а третья намного, четвертая же была явно младше. Она напоминала Эми, и Хана ухватилась за эту мысль. Девочка попала в грузовик, потому что у нее нет старшей сестры, потому что некому было защитить ее. Хана мысленно посылала ей слова утешения, по щекам девочки безостановочно текли слезы. Плакала она беззвучно – не хотела, чтобы солдаты заметили ее отчаяние.

Когда солнце село за крыши, грузовик подъехал к полицейскому участку. Кое у кого из девушек вспыхнули надеждой глаза. Хана посмотрела на здание и прищурилась. Здесь им никто не поможет.

Четыре года назад ее дядю отправили воевать против китайцев за японского императора. Его приписали именно к этому полицейскому участку. Корейцы редко занимали государственные должности, а если кто и попадал на чиновничью службу, то сплошь предатели, коллаборационисты, японские прихвостни. Дядю заставили сражаться за страну, которую он презирал.

– Если нас не уморят голодом, то перебьют на поле боя. Его посылают на смерть! Ты слышишь? Они убьют твоего младшего брата! – кричала мать на отца, когда узнала, что дядю отправляют в Китай.

– Не волнуйся, я за себя постою, – отвечал дядя, ероша Хане волосы. Эми он ущипнул за щеку и улыбнулся.

Мать замотала головой, гнев исходил от нее, как пар от кипящего чайника.

– Ты не умеешь за себя постоять! Тебя и мужчиной еще не назвать! Не женат. Детей нет. Ты мальчишка! Нас истребят на этой войне. В стране не останется ни одного корейца!

– Хватит, – произнес отец Ханы так тихо, что все тут же умолкли.

Он со значением посмотрел на Хану с сестрой. Мать вызывающе стояла перед ним, явно желая добавить очередное хлесткое слово, но проследила за его взглядом. Лицо ее сморщилось, она осела на пол, обхватила себя руками и, стоя на коленях, принялась раскачиваться взад и

вперед.

Хана ни разу не видела ее такой. Мать всегда была сильной и уверенной в себе. Хана даже назвала бы ее твердой, как тверда омываемая океаном скала – гладкая, если потрогать, но нерушимая. Однако в тот день мать обратилась в беспомощную маленькую девочку. Хана испуганно схватила руку сестры.

Отец сел рядом и обнял мать. Так они и сидели, обнявшись, раскачиваясь вместе, пока мать не посмотрела на отца и не произнесла слова, которых Хана никогда не забудет.

– Кого они заберут, когда его не станет?

Дядя ушел в полицейский участок, забросив за плечо вещмешок со сменой одежды и едой, заботливо собранный материнскими руками. А через месяц они получили похоронку.

Хана помнила его молодое лицо. Он умер в девятнадцать лет. Ей, двенадцатилетней, он казался совсем взрослым, потому что был намного выше и говорил басом. Теперь-то она понимает, что он и вправду был мальчишкой, слишком молод для смерти. И наверняка испытывал тот же ужас, что и она сейчас. Страх пульсировал в теле. Страх перед неведомым будущим. Страх больше не увидеть родителей. Страх за сестру, которая останется в море одна. Страх перед смертью на чужбине. Японская армия прислала домой дядин меч – японский, и отец зашвырнул его в море.

Сидя в грузовике у полицейского участка, Хана понимала, почему мать так горевала из-за дядиного ухода. Ей не хотелось думать, что теперь ее черед отправляться на императорскую войну, а мать будет снова беспомощно раскачиваться на полу.

– На выход, – скомандовал солдат, опуская борт кузова.

Он завел девушек в участок. Хана старалась держаться не первой и не последней. Как в стае рыб, она надеялась, что в середине ее не достанут хищники. В участке стояла тишина. Хана никак не могла усмирить дрожь. Волосы были еще мокрые от морской воды, а купальный костюм не особенно прикрывал тело. Она обхватила себя руками и старалась не лязгать зубами. Ее не должны слышать, тогда, может, и не увидят.

Сержант за стойкой окинул девушек взглядом и кивнул солдату. Это было кореец, коллаборационист, изменник. Он им не поможет. Погасла последняя искра надежды. Дежурный сержант велел девушкам записать имена и фамилии в журнал, указать возраст и род занятий родителей. Хана уже солгала на берегу, назвавшись сиротой, и теперь не знала, как поддержать ложь.

Чиновник за стойкой не знает ее, но может знать родителей – по

крайней мере, по их японскому имени, Хамасаки. Корейское имя матери – Ким, отца зовут Лян; замужние женщины всегда сохраняют свои фамилии. Две девушки, стоявшие перед Ханой, послушно вписали навязанные японские имена, чтобы задобрить солдат, но Хана подозревала, что покорность им не поможет. Она свела имена родителей воедино: Ким Лян Ха. Может, вымышленное имя мешает японцам выяснить, что родные еще живы, и вернуться за сестрой. Лелеяла она и шаткую надежду – родители прочтут имя в журнале и поймут, что она здесь была. Этот призрак надежды придавал ей толику сил.

После того как девушки записались в журнал, их отвели в маленький кабинет. Обшарпанные кремовые стены обклеены пропагандистскими плакатами, превозносящими выгоды добровольной службы в японской армии. Такие же висят на рынке, где рыбаки и хэнэ сбывают дневной улов землякам и японским солдатам. Люди на плакатах улыбаются, их японские глаза блестят. Хане никогда не нравились эти картинки. Они сродни тем фальшивым улыбкам, что возникают на лицах торговцев, когда на рынке появляются солдаты.

Отец – единственный из взрослых, кто не способен лицемерно улыбаться. Его простецкое, заурядное лицо искажало не подобострастие, а гнев, порожденный гибелью брата. Если солдат, стволом винтовки ворошивший на прилавке морских гадов, натыкался на яростный взгляд отца, он тут же терялся. Руки начинали дрожать, и он поспешно уходил, в смятённом молчании.

Хана много раз наблюдала такую сцену и неизменно спрашивала себя, что же видит солдат в отцовских глазах – боль или нечто более грозное. Быть может, предвестие собственной гибели? Хана с радостью смотрела, как солдат словно ошпаренный торопится прочь.

Стоя с девушками среди бумажных лиц, лучащихся фальшивым счастьем, она пробовала дать волю гневу, чтобы всякий, кто взглянет на нее, отшатнулся, потрясенный яростью в ее взгляде. Возможно, и она обладает этим отцовским даром. Хана еще немного приободрилась.

– Одеваться! – заорал солдат.

Он раздал девушкам песочного цвета платья, нейлоновые чулки, белое ситцевое белье. Платья разного покроя, но все из одной материи.

– Зачем это? – прошептала одна из девушек по-японски.

– Наверное, форма, – ответила другая.

– Куда нас увезут? – с ужасом спросила третья, та, что, на взгляд Ханы, была едва ли старше ее сестры.

– Это для Женского патриотического корпуса. Учитель говорил, туда

набирают добровольцев, – сказала девушка, стоявшая рядом с Ханой. Голос у нее был уверенный, но сама она дрожала.

– Для чего добровольцы? – хрипло выдавила Хана.

– Молчать! – крикнул солдат из-за двери и стукнул прикладом об пол. – Две минуты!

Девушки поспешно переоделись и выстроились рядом возле дальней стены. Дверь распахнулась, и все съежились. В комнату вошел капрал Моримото, оглядел Хану и только потом изучил остальных девушек. Он ее поймал, он ее и отправит на чужбину. Хана старалась запомнить его лицо – надо знать, кого проклинать, когда вернется домой.

– Хорошо. Очень хорошо. Теперь ступайте и подберите обувь. Потом возвращайтесь в грузовик. – Он выпроводил их жестом, но Хану придержал за руку: – В платье ты выглядишь гораздо моложе. Сколько тебе лет?

– Шестнадцать, – ответила она, пытаясь высвободиться, но его пальцы впились в локоть.

Моримото словно обдумывал ответ, наблюдая за ее искаженным лицом. Хана опустила голову, но он взял ее за подбородок и заставил посмотреть на него. Казалось, он упивается ею – будто утоляет жажду.

– Эта поедет со мной.

Он разжал пальцы.

Стоявший за дверью солдат отдал честь и увел Хану выбирать обувь. Она взяла пару бесформенных туфель. В коридоре, привалясь к стене, стоял какой-то старик, он отвернулся, когда она проходила мимо. Ей стало тошно от его трусости, но она тут же простила – ему страшно. На острове все боялись. Солдату ничего не стоит проломить корейцу голову, а если родные потребуют наказания за убийство, то их дом сгорит дотла или же вся семья бесследно исчезнет.

На улице девушек обжег холодный ветер. Похоже, боги перепутали времена года и с приближением летней ночи решили отрядить им в конвоиры стужу. Работавший вхолостую двигатель заглушал рыдания, в которых зашлись девушки, осознав, что их и вправду увозят из дома. Хане не хотелось отрываться от группы. Солдат подтолкнул ее к кабине, она упиралась, рвалась за последней девушкой к кузову.

– Эй, тебе не туда. Вон там твое место. – Солдат тычком направил ее к распахнутой дверце кабины.

Девушки смотрели на Хану из кузова, на лицах – страх пополам с отчаянием. Бредя к дверце, Хана думала, что к страху и отчаянию примешалось и облегчение – их не тронули.

Она села рядом с водителем. В грузовике было не теплее, чем снаружи. Шофер покосился на нее, но тут же устремил взгляд вперед: в кабину залез Моримото. От него пахло табаком и спиртным.

Они молча ехали сквозь ночь. Хане было слишком страшно, чтобы смотреть на солдат, и она сидела неподвижная, точно камень, стараясь не привлекать их внимания. Солдаты не разговаривали ни с ней, ни между собой, тоже бесстрастно глядели вперед. Побережье скрылось, черная глыбища горы Халла^[4] выросла и осталась позади, когда они достигли дальнего края острова. Водитель опустил стекло и закурил. Снаружи повеяло океаном, и Хана впитывала этот умиротворяющий запах, пока грузовик петлял по серпантину, спускавшемуся к проливу, что отделял Чеджу от южной оконечности материковой Кореи. Хану замутило, она прижала руки к животу, сдерживая тошноту.

У каменистого берега далеко внизу она различила какое-то большое судно. Вскоре грузовик остановился у причала. Когда девушки и Моримото вылезли, водитель козырнул капралу. Солдаты отвели новоприбывших к толпе женщин, сгрудившихся в подобии загона. Морские птицы кричали в вышине, не ведая о происходящем внизу. Как бы Хана хотела расправить крылья и взмыть к ним, в небо. Солдат покрикивал, направляя женщин и девушек на паром. Пленницы молчали.

Взбираясь по ступеням на верхнюю палубу, Хана смотрела под ноги. Каждый шаг все дальше уводил ее от дома. Она еще ни разу не покидала остров. Мысль, что ее отправляют в другую страну, наполняла ужасом, от нее слабели ноги, отказываясь делать очередной шаг. Если она окажется на борту этого судна, то, может, уже никогда не увидит родных.

– Шевелитесь! – надрывался солдат.

Девушка сзади толкнула ее в спину. Выбора нет. Хана попрощалась с домом. С сестрой, по которой будет тосковать в первую очередь. И все же Хана радовалась, что спасла ее от своей участи, что бы ни сулило будущее ей самой. Она попрощалась с матерью, которой желала спокойного моря. С отцом – ему она желала стойкости в море, но втайне просила ее разыскать. Она представляла, как его рыбацкая лодка следует за паромом, готовая доставить ее домой. Глупо, конечно, но она вцепилась в эту картинку.

Вдоль верхней палубы тянулись двери, ведущие в крошечные каюты, и Хану с девушками из грузовика затолкали в одну из них, и без того уже набитую битком. Там было не меньше тридцати пленниц. Все одеты в такую же форму, и на всех лицах написан такой же страх.

В дороге кое-кто из девушек делился той небогатой едой, что успели запихнуть в карман. Некоторые солдаты, проникшись сочувствием,

подкармливали пленниц – пара рисовых шариков, полоска сушеного кальмара; одной девушке досталась груша. Но большинство были слишком напуганы, чтобы есть. Молодая, никак не старше двадцати лет, женщина дала Хане рисовый шарик.

– Спасибо, – сказала Хана и захрустела подсохшим рисом.

– Откуда ты?

Хана не ответила, не уверенная, можно ли с кем-нибудь разговаривать. Она не знала, кому доверять.

– Я живу южнее горы Халла, а почему оказалась здесь – не пойму, – заговорила женщина, не дождавшись ответа. – Я сказала им, что замужем. Что муж воюет с китайцами. Мне нужно домой, он же пишет, – кто без меня получит его письма? Я сказала, что замужем, но... – Ее глаза молили о понимании, но Хана была не в силах ей помочь. Она не понимала.

В разговор вступили другие.

– Почему тебя забрали, если ты замужем? Может быть, у мужа долги?

Вокруг замужней женщины собралась небольшая группа.

– Нет, у него нет долгов.

– Тебе известных, – уточнила еще одна.

– Она же сказала, что долгов нет. Он на войне.

Посыпались мнения, и вскоре расспросы переросли в спор. Младшие девушки помалкивали, и Хана выбралась из гомонящей толпы, надеясь найти уединение среди тех, кто молчит. От страха глаза у девушек были круглые.

– Если сюда согнали должников, тогда почему здесь девчонки? Это же дети!

– Значит, родители задолжали.

– Их продали, как и нас.

– Неправда! – вскрикнула Хана, от возмущения ее голос дрожал. – Мы с матерью – хэнё и никому не должны. С нас может спрашивать только море.

В каюте наступила тишина. Старшие женщины были удивлены, что такая молодая позволила себе подобную дерзость, они тут же указали ей на это. Девушки помладше придвинулись к Хане, будто надеясь набраться от нее смелости. Хана привалилась к стене, руками обхватила колени. Девушки последовали ее примеру. Все молчали. Хана гадала, какая судьба ждет их на материке. Куда их везут – в Японию или в воюющий Китай?

Она принялась восстанавливать в памяти поездку в кабине грузовика. Водитель ни разу не отреагировал на ее присутствие, зато Моримото, похоже, подмечал каждое движение. Если она сдвигалась, то смещался и

он; если кашляла – толкал плечом. Он словно слился с ней, с ее дыханием. Хана предпринимала невероятные усилия, чтобы не смотреть на него, и не удержалась только однажды.

Он закурил, и огонек согрел ей щеку. Она повернулась, боясь обжечься, и взгляды их встретились. Он наблюдал за ней, проверяя, посмотрит ли и она. Хана не отвела глаз, изучая его лицо, и он выдохнул в нее дым. Она закашлялась, быстро отвернулась и снова уставилась в лобовое стекло.

Паром вышел в открытое море, и Хану замутило от качки. Нырнуть бы сейчас, очутиться в глубине океана, поплыть к дому. Перед ней возникло испуганное лицо сестры. Хана закрыла глаза. Она уберегла сестру от этой дороги в неизвестность. Пусть хоть ей ничего не грозит, и то хорошо.

– Как по-твоему, нас везут в Японию? – спросила девушка, сидевшая рядом.

Хана открыла глаза и поймала на себе взгляды. Вокруг лица, полные ожидания, но почему спрашивают ее?

– Не знаю, – виновато ответила она.

Девушки, съездившись, покачивались в унисон с паромом. Ей нечем было их утешить. В памяти всплыли рассказы односельчан. Никто из увезенных девушек не вернулся. Их скорбящим родителям не прислали мечей и благодарственных грамот. Девушки просто исчезли. До родины доходили лишь слухи, которые скрывали от оставшихся детей.

* * *

Вскоре после того как Хана стала полноправной хэнё, она подслушала на рынке приглушенный разговор двух женщин о деревенской девочке, которую нашли на северной стороне острова.

– Вся больная и умом тронулась после того изнасилования, – сказала одна.

Хана насторожилась, она толком не знала, что такое “изнасилование”, и подобралась ближе – вдруг разъяснится.

– Отцу приходится прятать ее дома. Совсем дикая... чисто животное.

Другая женщина скорбно покачала головой и опустила глаза.

– Никто на нее больше и не посмотрит, даже если чудом поправится. Бедняжка.

– Да, бедная девочка и бедный отец. Позор сведет его в могилу.

– Еще бы, такой удар.

Женщины продолжили причитать, но Хана так и не поняла, почему девочка одичала, а отцу грозит безвременная кончина. Вечером она спросила у матери.

– Где ты услышала это слово? – всполошилась та, будто Хана совершила невиданный проступок.

– На рынке, женщины говорили о девушке, которую забрали солдаты.

Мать со вздохом вернулась к шитью. Они сидели в молчании. Хана смотрела, как мать штопает купальные шорты. Иголлка так и порхала, заворачивая Хану. Погружение в море, шитье, стряпня, уборка, починка, огородничество – всем этим мать владела в совершенстве.

– Ты, наверно, сама не знаешь, что это такое, – пожала плечами Хана, не сомневаясь, что мать возмутится и ответит.

– Если скажу, то слов уже не воротишь. Ты правда хочешь узнать? – Мать не отвела глаз от штопки, и вопрос повис между нею и дочерью мрачноватым облачком.

Хана хотела. Она это заслужила. В конце концов, она теперь тоже ныряльщица, ежедневно сталкивается с теми же опасностями, что и старшие женщины, – штормы, акулы, каждый день рискует утонуть. Она уже взрослая. Даже соседские парни отпускают шуточки о женитьбе, когда она мимо проходит.

Один ей даже нравился. Самый высокий и самый смуглый, но с удивительно ясными глазами и чудесной улыбкой. И вроде бы поумнее других, поскольку не отпускал шуточки ей вслед – в отличие от приятелей. Он регулярно покупал у них моллюсков на рынке и всегда заводил с матерью и Ханой вежливую беседу. Его отец был учителем, но в школах теперь преподавали японцы, и парню пришлось пойти в рыбаки. У юноши были две младшие сестры, и ему понадобится хорошая жена, которая будет рада обществу девочек. Хана не знала, как его звать, но однажды узнает. Возможно, когда рядом будет ее отец, он и спросит, а потом они, может быть, обручатся.

– Да, – ответила Хана. – Я хочу знать.

– Ладно, тогда скажу, – бесцветным голосом проговорила мать. – Изнасилование – это когда мужчина силой заставляет женщину с ним лечь.

Хана вспыхнула, а мать продолжила:

– Но если насилуют солдаты, то дело не ограничивается одним разом. Ту девушку заставили лечь с собой много-много солдат.

– Зачем им это? – выдавила Хана, чувствуя, как горит лицо.

– Японцы считают, что это укрепит солдат. Позволит выиграть войну. Они думают, что имеют право получать удовольствие даже вдали от дома,

потому что на фронте рискуют за императора жизнью. Они настолько уверены в этом, что забирают наших девушек и развозят по всему белу свету. Но этой повезло, ее оставили дома.

И мать выжидающе посмотрела на Хану, но та молчала. Тогда мать встала и протянула ей купальные шорты. Хана уставилась на безукоризненную штопку. Она понимала, что означает лечь с мужчиной, – во всяком случае, имела об этом некоторое представление. Самого действия она ни разу не видела, но иногда слышала по ночам, когда родители думали, что она спит. Шепот, тихий смех матери, сдавленные стоны отца. Она не понимала, как можно к этому принудить и что будет делать с женщиной сразу много-много солдат. Мать сказала, что той девушке повезло, что она осталась дома. Хана не стала передавать слов женщин об отце бедняжки, которого случившееся сведет в могилу.

* * *

Дверь каюты открылась, пропуская двух солдат. С минуту они разглядывали девушек и выбрали одну – скорее всего, наугад. Девушка слабо запротестовала, и один из солдат наотмашь ударил ее. Она замолкла, потрясенная неожиданным ударом. Второй солдат продолжал разглядывать девушек.

– Девушка-хэнё, на выход! Капрал Моримото требует тебя.

Хана узнала голос водителя грузовика, но не шевельнулась.

– Давай поторапливайся, тебя зовут.

В воздухе разлилось тревожное ожидание. Девушки наверняка уставились на нее, и он вот-вот догадается, кто ему нужен. Боясь выдать себя малейшим движением, Хана замерла, вот только все тело ее сотрясала мелкая дрожь. Солдат наверняка вычислит ее по этой дрожи.

На другом конце каюты послышался высокий голос:

– Здесь нет хэнё. Вы, должно быть, ошиблись дверью.

Девушки согласно загомонили, но водитель уже заметил Хану.

– Вон ты – да-да, ты, живо сюда. Я тебя помню. Ты хэнё. Пойдешь со мной. – Он положил руку на кобуру. – И не заставляй меня ждать.

Ничего не оставалось, как подчиниться. Хана поднялась, сразу будто отделившись от девушек, с которыми чувствовала себя в относительной безопасности, и шагнула к солдату. Он схватил ее за руку, вытолкнул за дверь и потащил по коридору – будто на расстрел. Палуба парома кренилась на каждой волне. Свободной рукой Хана хваталась за стену,

чтобы сохранить равновесие.

– Сюда, – буркнул солдат и открыл железную дверь.

Хана вошла. Дверь с лязгом захлопнулась. Под затихающее эхо Хана оказалась лицом к лицу с капралом Моримото. Он молча смотрел на нее, от его взгляда у Ханы по спине пробежал озноб. Она невольно отступила к двери.

– Ложись, – властно велел Моримото и указал на койку у стены.

Хана вжалась в дверь. Пальцы судорожно нащупывали ручку.

– За дверью пара часовых, – сказал Моримото. Его голос был спокоен, как будто происходящее было делом привычным, но лицо выдавало вождение. На лбу блестели крупные бусины пота.

Хана повернулась и заглянула в дыру-окошко. Моримото не лгал. По обе стороны двери стояли часовые, пусть Хана и видела только их плечи. Она развернулась к Моримото.

– Ложись, – повторил он и посторонился, давая ей пройти.

Хана медлила. Моримото вытер пот носовым платком, нетерпеливо скомкал его и сунул в карман.

– Если мне придется повторить еще раз, я позову солдат и все окажется куда неприятнее, чем только со мной.

Он говорил все с той же невозмутимой властью, но Хана уловила перемену в нем. Он походил на акулу, которая бесшумно движется в темной глубине, сосредоточенную на жертве.

Мысль о солдатах в этой крошечной каюте напугала Хану, и она подчинилась. Моримото коротко рассмеялся и принялся расстегивать ремень. Хана зародышем сжалась на койке. Закрыла глаза. С тихим шорохом ремень медленно выскальзывал из петель. Волоски на шее у Ханы встали дыбом, когда японец шагнул к койке. Она переборола желание открыть глаза, еще плотнее сжала веки. Вздогнула от прикосновения. Его пальцы отвели от лица волосы, погладили по щеке. Она чувствовала его дыхание. Он стоял возле койки, опустившись на колени. Ладонь поползла по ее шее, плечу, бедру и замерла на колене. Хана открыла глаза.

Он в упор смотрел на нее. Она не могла понять, что выражает его лицо. Оно налилось краснотой. Хана смотрела не отводя взгляда, ожидая чего-то ужасного. Он улыбался, но глаза его были пусты. Хана отпрянула еще до того, как его рука забралась под платье.

– Пожалуйста, не надо, – прошептала она из последних сил. Слов своих не расслышала даже она сама.

– Не переживай так. В дороге я успел тебя изучить. И ты мне понравилась.

Хана попыталась увернуться, но он схватил ее за бедро и так сжал, что она вскрикнула от боли.

– Не дергайся, иначе разорву платье и в Маньчжурию поедешь нагишом. Ты этого хочешь – сутки за сутками ехать в набитом солдатами поезде без единой тряпки, прикрывающей твоё прекрасное тело?

Его взгляд подстрекал ответить. Хана перестала вжиматься в стену, но дрожь унять не удалось. Он сказал – Маньчжурия. Это же самый край света, такая даль, что и вообразить невозможно.

– Умница.

Он ослабил хватку, медленно задрал платье выше пояса, стянул с Ханы ее новые нейлоновые чулки, затем ситцевые трусы. Аккуратно сложил все и стопкой положил на край койки. После встал, и форменные брюки упали до лодыжек. Хана смотрела на вздыбленный член.

– Я буду добр и вскрою тебя с любезностью, которой остальные не получают. Обычно для девушек тут все происходит внезапно. А ты будешь знать, чего ждать.

Он придавил ее своим телом, и Хана закрыла глаза. Его дыхание на лице, его тяжесть на ней – все это она ощущала, пребывая во тьме. Он проник в нее и мощными толчками в клочья разорвал ее невинность. Боль была такая, будто в нежную кожу между пальцами вонзили нож, вот только взорвалась она в ином месте и быстро переместилась в сердце, в мозг.

Он пыхтел, и стонал, и рычал, будто вепрь. Хана представила, что так и есть, что это черный чеджуйский хряк, тот, что живет у них за домом у нужника и питается человеческими испражнениями. Она цеплялась за этот образ, чтобы не думать о том, что происходит с ней, чтобы заглушить боль где-то в самой середине своего существа. Рычание участилось, и его тело на ней словно забилося в судорогах. Потом он обмяк и будто обратился в мертвеца – лежал, вдавив ее в жесткий матрас, не позволяя вдохнуть.

Наконец Моримото встал, и Хана быстро отвернула лицо к стене, сжалась, баюкая боль. Она слышала, как он одевается – шуршание брюк, присвист кожаного ремня, шарканье ботинок.

– У тебя кровь, – сказал он.

Хана оглянулась. Он указывал пальцем на простыню. Она увидела кровавое пятно на белой ткани. Сердце на миг остановилось. Она умирает? Хана поплотнее стиснула колени. Моримото улыбался.

– Что ж, я сделал, что задумал. Теперь ты женщина. – Лицо у него было довольное. – Вытрись. Потом можешь возвращаться к своим.

Он бросил ей носовой платок и вышел. Клочок материи нежным лепестком опустился ей на живот.

Остров Чеджу, декабрь 2011

Такси опаздывало. Эми сидела у дороги на чемодане и грела ладони о дымящуюся крышку-чашку от термоса с женьшеневым чаем. Она всматривалась в каждую машину, выискивая опознавательный маячок такси, но мимо проносились только легковушки, водители которых либо спешили на работу, либо везли детей в школу. Кое-кто махал ей, а один даже напугал, резко просигналив. Горячий чай выплеснулся на розовые брюки. Эми вытерла растекшееся пятно перчаткой-митенкой, не обращая внимания на боль.

К детям Эми выбиралась не чаще раза в год. Когда была помоложе – дважды, но могла и вовсе не поехать. С детьми у нее были прохладные отношения. Ей легче их вспоминать, чем встречаться с ними. На острове дети почти не бывали, разве что на похороны отца приехали. Он умер, когда дети уже давно вылетели из гнезда, но возвращение под родительскую крышу будто перенесло их в детство. Они неловко стояли с ней рядом, немолодые уже люди, не скрывающие чувств, дочь плакала всхлеб. На острове они пробыли три дня и улетели к себе в Сеул. В аэропорту они скучали, совершенно не похожие на детей, которых Эми помнила, – одетые в черные деловые костюмы, они не смотрели ей в глаза, когда настало время прощаться. Наверное, рассудили как она: воспоминания лучше свиданий.

Обычно Эми пользовалась паромом, что курсировал между островом и материком. Автобусная остановка недалеко от дома, можно дойти пешком. Автобус идет до порта на другой стороне острова, ближней к материку, а оттуда ежедневно отходит в Пусан паром. Он плывет всю ночь и причаливает рано утром, а там пассажиров поджидает бесплатный автобус до Сеула, но теперь такое путешествие чересчур утомительно для нее. Нет больше сил трястись через всю страну на автобусе, глядеть на проносящиеся мимо деревья и горы. Кости ноют, память порой подводит, а потому на этот раз Эми решила полететь самолетом, надеясь, что облачности не будет и она сможет весь полет видеть землю.

Грудь снова сдавило, и Эми прикрыла глаза. “Не вспоминай, – велела она себе. – Это просто аэропорт. Только раз. Туда и обратно. И больше никогда”. Воспоминания она позволит себе на обратном пути. Она потеряла рукой грудь, укрощая боль. Вот только будет ли обратный путь? Из-за

спуска вынырнула машина, и Эми подняла голову. Огонек такси на крыше, Эми встала и помахала рукой.

– Простите, что опоздал, бабушка, – извинился шофер, хватаясь за чемодан. – Дороги скользкие, из-за аварии случился затор. Придется объехать по пути в аэропорт.

Эми посмотрела на часы.

– Не волнуйтесь. У нас уйма времени, – сказал водитель, укладывая чемодан в багажник.

Эми не ответила. Она затолкала в сумку маленький термос. Шофер устроил ее на заднем сиденье, захлопнул дверцу и быстро запрыгнул за руль. В спешке он слишком резко развернул машину и чуть не съехал в кювет. Эми ухватила за ручку двери и приготовилась к падению, но шины вцепились в асфальт и удержали автомобиль на шоссе. Эми воздержалась от комментариев по поводу водительских умений. Если водитель плох, незачем отвлекать его разговорами.

На месте аварии еще стояла суeta. Автомобили притормаживали, водители и пассажиры главели на последствия случившегося. На обочине рыдал мужчина. Тело его содрогалось, и бирюзовое одеяло, в которое он был закутан, ходило морскими волнами. Покореженный “хёндэ” лежал на боку. К нему медленно пятился эвакуатор. Эми заметила на обочине в траве игрушку. Микки-Маус. За сухие бурые стебли зацепились детские красные шорты. Она отвернулась.

– Говорю же, серьезная история, – сказал таксист. – Я никогда не опаздываю.

Эми смотрела на человека в одеяле. Они миновали его, и таксист какое-то время еще глядел в зеркало заднего вида. Эми подумала, что лучше бы он следил за дорогой, иначе она точно опоздает на самолет.

Шофер перехватил в зеркале ее взгляд, кашлянул и наконец посмотрел вперед на шоссе. Они обогнали пару машин и вырвались на свободное пространство, где таксист тут же прибавил скорости. Эми все думала о сиротливой игрушке в траве, о плачущем мужчине и красных шортах. У нее всегда было обостренное чувство на утраты.

* * *

В международном аэропорту Чеджу Эми водрузила чемодан на тележку и двинулась, ориентируясь на указатели “Корейских авиалиний”. Она старалась не отвлекаться и держать разбредающие мысли в узде,

читая надписи, которые направляли ее к стойке регистрации, контрольному пункту, выходу на посадку и, наконец, к проходу до лайнера, что доставит ее в Сеул.

Когда самолет взлетел, Эми перевела дух. Она представила, как увидится в Сеуле с детьми. В международном аэропорту Гимпо ее встретит сын, хотя она и сказала, что способна сама добраться на подземке до дома дочери. Но сын у нее упрямец и слушать не стал. Возьмет напрокат машину и будет ждать в зале прибытия.

– Ты не в том возрасте, чтобы одной кататься в метро, – сказал он по телефону.

– Неужели я так стара, что полчаса не способна высадить в поезде?

– Ты можешь заблудиться и потеряться, – отрезал он, и Эми поняла, что вопрос решен.

Стюардесса объявила, что до Сеула лететь чуть больше часа, а во время полета пассажиры могут что-нибудь купить из перечисленного в каталоге.

За несколько дней до отлета Эми попросила Чин Хи свозить ее в город, чтобы пройтись по магазинам, но та отсоветовала.

– В самолетном каталоге столько всего чудесного. Там и купишь подарки. И незачем таскаться в город. Так и никакой лишней поклажи не придется тащить. Кроме, конечно, твоей ноги. – И Чин Хи, ухмыльнувшись, кивнула на хромую ногу Эми.

– Мне нужно что-нибудь приличное, а не мусор, – возразила Эми.

– Мусор?! Да там даже шанель номер пять есть! По-твоему, это мусор? – Чин Хи удрученно покачала головой.

Эми нажала кнопку, вызывая стюардессу.

Ее сын равнодушен к виски, и она купила бутылку “Джека Дэниелса”. Невестка и внук любят шоколад – значит, две коробки конфет-ассорти. Для дочери возьмет духи “Шанель № 5”, но Чин Хи ничего не скажет. Дочь не замужем, детей у нее нет, зато есть собака. Эми выбрала в детском разделе каталога плюшевую кошку – вполне сгодится как игрушка для собаки.

Командир посадил лайнер, вызвав в салоне переполох. Самолет жестко приземлился, и со всех сторон раздались испуганные вскрики, через минуту сменившиеся смущенным смехом. Эми дождалась, пока выйдут почти все пассажиры, затем встала и начала стаскивать покупки с багажной полки. Мимо протиснулась молодая женщина, Эми пошатнулась, и пакет с покупками, упав с полки, ударил ее по голове.

– Простите, бабушка, – бросила через плечо пассажирка, но и на миг

не задержалась.

Эми потеряла лоб. А этот виски тяжелее, чем она думала. На помощь уже спешил стюард:

– Вы ушиблись? Принести лед?

– Нет, спасибо. – Эми рассмеялась. – Надо бы мне быть пошустрее.

– Уверены? Похоже, вам здорово досталось.

Он испуганно смотрел в ее лицо, будто оно было все в крови. Эми отвернулась, взяла сумочку и упавший в кресло пакет с подарками.

– Не беспокойтесь. Всего лишь ссадина. Бывало и хуже, – сказала она и заковыляла по проходу.

Эми и правда помнила вещи похуже, чем упавшая на голову бутылка. Солдатский ботинок. Образ всплыл так неожиданно, что она вздрогнула. Чтобы не упасть, остановилась и глубоко вдохнула. Затем распрямилась и двинулась к выходу, пока никто опять не пристал с предложением помочь.

– Спасибо, что воспользовались “Корейскими авиалиниями”, – поклонился командир экипажа, когда она проходила мимо. Рядом с ним стояла хорошенькая стюардесса, которая принимала ее заказ. Пуговицы на кителе пилота сияли, будто только что из магазина, и Эми спросила себя, не впервые ли этот юноша самостоятельно посадил самолет.

В зале встречающих она сразу углядела сына – он был на голову выше толпившихся вокруг женщин. Эми подивилась их количеству: уж не происходит ли в Сеуле нечто особенное, но тут же одернула себя – лучше бы помнила о цели собственного прилета в столицу.

Сын, увидев ее, не смог скрыть тревоги:

– Что стряслось? Ты ударилась головой?

Вот так, наморщив лоб, он выглядел много старше своих шестидесяти. Когда он был ребенком, Эми всегда разглаживала морщинки на детском лбу сына и говорила, что он превратится в старичка, если будет так сильно переживать по всяким пустякам. Она подавила желание дотронуться до его лица.

– Нечаянно вышло. Какая-то девушка неслась, ничего не видя вокруг, только и всего. Беспокоиться не о чем. У тебя усталый вид.

– Так оно и есть. Пришлось идти на работу в четыре утра, чтобы в обед забрать тебя из аэропорта.

Он повернулся и подтолкнул к Эми мальчика, стоявшего чуть в стороне. Эми с улыбкой раскинула руки:

– Как же ты вырос, уже выше меня!

Мальчик покраснел, когда она обняла его и прижала к себе, руки его так и остались висеть вдоль тела. Отпустив внука, Эми посмотрела ему в

лицо, для чего пришлось чуточку задрать голову.

– Я тебе кое-что привезла. – Эми полезла в пакет за коробкой с конфетами.

– Не сейчас, мама. Давай сначала дойдем до машины. Я запарковался на час.

Сын повел ее к выходу, внук покорно следовал за ними. Эми была восхищена его новоприобретенной выдержкой. Годом раньше он закатил бы истерику, помешай ему отец получить подарок. Ее невестка забеременела только после сорока, мальчик – поздний ребенок, и родители его избаловали. Эми провела много бессонных ночей, тревожась, кем он вырастет, но сейчас довольна. Скромный, послушный, любезный. Без напоминания взял чемодан, избавив от ноши не только ее, но и стареющего отца. А ведь ему всего двенадцать. Надо же, год – и такая перемена.

Эми шла за сыном к парковке, то и дело оглядываясь на внука и радуясь его зрелости. Она припомнила, каким был в этом возрасте сын. Не таким высоким, нет. Наверно, дело в западной пище. Она подумала, что зря купила ему сласти, но тут же решила, что немного шоколада никак не повредит растущему организму.

Эми вспомнила, как впервые попробовала шоколад. Это случилось после рождения дочери. Муж принес шоколадку и разломал на мелкие кусочки – для нее и сына. Пища богов. Ей никогда не забыть того первого квадратика. Как он таял на языке. Как она взяла и второй, и третий, пока муж не передумал и не отнял. Но он не отнял. Просто сидел и смотрел, как она ест шоколад. Тогда она впервые подумала, что все же не безразлична ему. Она не понимала, почему он сам не ест, хотя отлично знает, как это вкусно, но ничего не сказала. Она никогда не разговаривала с ним без надобности, поэтому их брак и продержался так долго. В их браке не было любви, но он не рухнул, потому что она всегда следила за языком, не давала волю чувствам.

– Пришли, – сообщил сын и распахнул дверцу. Эми забралась на пассажирское сиденье и, все еще вспоминая о своей первой шоколадке, извлекла из пакета коробку с конфетами и протянула внуку. При виде конфет мальчик расплылся в наивной детской улыбке, нетерпеливо содрал целлофановую обертку и открыл крышку – как Эми и надеялась.

Засунув в рот трюфель, он покраснел и застенчиво предложил ей угощаться.

– Нет-нет, это тебе. Но мне нравится смотреть, как ты ешь. Давай же, бери еще.

Хана

Корея, лето 1943

Хана долго лежала неподвижно. Промежность пылала болью. Между ног было мокро, на Хану навалился страх. Может, она истекает кровью и скоро умрет? Она медленно села, не решаясь посмотреть вниз – на то, что он с ней сотворил. Усмиряя боль, сделала глубокий вдох и медленно выдохнула через нос. И еще раз. Когда дыхание выровнялось, она опустила взгляд. Кровь, но и еще что-то вязкое, густое. Именно от него это ощущение влажности, не от крови. Она вовсе не умирает.

Хана промокнула между ног платком. Каждое прикосновение отзывалось в голове новой болью. Это то самое изнасилование, о котором рассказывала мать. Хана закрыла глаза, мечтая, чтобы случившееся оказалось кошмарным сном, от которого она скоро очнется.

Железная дверная ручка со скрежетом повернулась, и Хана торопливо натянула ситцевые трусы и нейлоновые чулки. Наперекор боли заставила себя сдвинуть колени и настороженно встала, ожидая, что на нее снова набросятся.

– Шевелись, нам нужна эта комната, – буркнул конвоир и отвел ее обратно в маленькую каюту к остальным пленницам.

Хану встретили вопросительные взгляды. Ничего не говоря, она пробралась в дальний конец комнаты, уткнулась лицом в стену, чтобы ни на кого не смотреть. Она чувствовала взгляды на себе, но ей было все равно. Солдаты выбрали двух девушек, и дверь снова захлопнулась.

Вскоре поднялся встревоженный гул, женщины обсуждали, чем там занимаются солдаты. Некоторые пытались расспросить Хану, что с ней случилось, но остальные поняли и так, и в каюте набирали силу причитания. В дверь с силой грохнули кулаком. Тут же воцарилась тишина.

Хана прятала лицо в ладонях. Она не сомневалась, что достаточно взглянуть на нее, и сразу станет ясно, что с ней стряслось. Наконец-то пришли слезы. Она задержала дыхание, насколько могла, сосредоточилась на желании глотнуть воздуха. Зародившиеся в горле рыдания отступили, и Хана судорожно вдохнула.

Между ног все еще горело огнем. Хана старалась не думать о боли, но снова и снова видела голые ляжки Моримото и остальное. Она зажмуривалась, давила на веки, пока перед глазами не начинали мерцать белые всполохи, заслонявшие эту картину. Когда ей показалось, что глаза

вот-вот взорвутся, прямо в ухо ей прошептали:

– Куда тебя водили?

Хана вздрогнула. Всполохи мешали видеть, и она не сразу узнала девочку с острова Чеджу. Такая хрупкая, платье болтается точно мешок. Хане сделалось еще больнее от мысли, что Моримото или другой солдат сотворит с этой малышкой то же, что с ней.

– Держись позади всех, – сказала Хана. – Может, тебя не заметят и все обойдется.

– Не расскажешь?

– Лучше тебе не знать.

Девочка не успела ответить, дверь снова открылась. Вернулись две девушки, которых увели конвоиры. Больше никого не забрали, щелкнул замок. Свет погас, и каюта погрузилась во мрак.

Покорно, точно скот, девушки возились, пытаясь устроиться на ночь, они уже примирились с долгим путешествием, так что надо поспать. В темноте слышались всхлипывания. Хана и девочка лежали, почти прижавшись друг к дружке. Девочка взяла Хану за руку:

– Так ты проснешься, если придут за мной, а я проснусь, если придут за тобой.

Ее наивные слова тронули Хану. Эта девчушка как умела пыталась взять под контроль свой страх. Она не должна спать, когда придет беда, она хочет видеть, как приближается ужас, пусть она перед ним и бессильна. Здесь все бессильны.

– Меня зовут Норико, но мама зовет Сан Су, – прошептала девочка Хане в волосы. Ее теплое дыхание согрело шею.

Хана не ответила. Она бы и рада, но сил говорить не было, губы будто запечатаны наглухо, словно прячут боль случившегося. Мать называла девочку Сан Су только дома – это ведь ее настоящее, корейское имя. Как множество корейцев, между собой родные Сан Су говорят по-корейски, а на людях – как им навязано, по-японски. Хана всегда считала, что ей повезло с матерью, она у нее очень умная. По-корейски “хана” означает “одна” или, в ее случае, – “первая”, но и на японском есть такое слово – “цветок”. Поэтому Хане не пришлось менять имя. Сестре повезло меньше, как и Сан Су.

– Спокойной ночи, старшая сестра.

В темноте голос Сан Су легко принять за родной. Хана вдруг ощутила, как свинцовой тяжестью навалилась на нее неволя. Сестра так далеко. И каждый миг взаперти на этом пароме еще больше отдалял ее. Тонкие пальцы сжали ее руку, и Хана крепко сжала их в ответ.

Очнулась она внезапно. В каюте по-прежнему было темно, но из-под двери пробивался слабый свет, в котором можно было различить лежащие вповалку тела. Хана понятия не имела, сколько времени проспала. Она осторожно высвободила руку из ладошки Сан Су и села. Хотелось в туалет, но где он и как туда попасть, она не знала. Мочевой пузырь грозил лопнуть.

– Мне нужно в уборную, – громко прошептала Хана.

В темноте заворочались. Не дождавшись ответа, она повторила погромче.

– Тихо, дура, – долетело из темноты.

– Извините, мне нужно...

– Я уже слышала, дважды, – оборвал ее женский голос. – Ты что, не чувствуешь? Всем тут нужно в уборную.

Хану огорошил резкий ответ. Она медленно втянула воздух. Ничего. Она ничего не чувствует. Может быть, с носом что-то неладно?

– Я ничего не чувую.

– Это потому что от нее одеколоном разит. Вот и не разбирает сквозь мужицкую вонь, – сказал другой голос.

– Ну да, видать, всю бутылку вылил себе на голову.

Слова ранили ее, Хана ощутила, как запылало лицо. Она подтянула к носу ворот платья и вдохнула. Так и есть – она пахнет как он. Он поселился в ее одежде. Ей захотелось сорвать все с себя, разодрать в клочья, но в памяти вспыхнули его слова: “Ты этого хочешь – сутки за сутками ехать в набитом солдатами поезде без единой тряпки, прикрывающей твоё прекрасное тело?”

Чтобы избавиться от мерзкого запаха, Хана опорожнила мочевой пузырь: пусть уж лучше от нее несет нужником. От шума проснулась Сан Су, снова взяла Хану за руку, будто и не заметив, что та сделала. Ее молчание чуть успокоило Хану, она прижала к себе руку Сан Су. Лежа рядом в остывающей луже, они снова заснули.

От гулкого удара в металлическую дверь все мигом проснулись. Послышались испуганные вскрики. Тускло загорелась лампа под потолком, наполнив каюту зеленоватой мглой. Дверь распахнулась, вошли четверо солдат; трое рывками подняли на ноги по девушке. Последний поймал взгляд Ханы и начал пробираться к ней. Нагнулся, схватил за плечо, но тотчас отшатнулся и зажал нос.

– Она обоссалась! – крикнул он и с отвращением пнул Хану. – Вы,

корейцы, животные. – Его взгляд перескочил на Сан Су. – Придется тебе! – Он дернул ее за руку, рывком перевалив через тело Ханы.

– Она же совсем ребенок, – взмолилась Хана.

Сан Су посмотрела на нее:

– Не тревожься, старшая сестра, ничего мне не сделается, как и тебе. – Голос ее чуть подрагивал, но тон был твердый. У Ханы разрывалось сердце.

– Я пойду вместо нее. Сама. – Хана быстро вскочила, глядя солдату в глаза.

Вся каюта смотрела на них, ни вдоха, ни слова – все замерли. Словно ждали, что солнце сейчас сорвется с небес и обратит Хану в пепел. Она осмелилась перечить японскому солдату. Они-то поумнее – лучше помолчат. Мгновения всё тянулись, напряжение нарастало. Колени у Ханы сделались ватными, она боялась, что не сможет переставлять ноги. И тут случилось внезапное – каюта наполнилась гомоном, женщины, девушки постарше наперебой предлагали себя вместо Сан Су.

В тесном пространстве их голоса напоминали галдеж морских птиц, и вот уже все предлагали свои тела взамен детского. Несколько девушек попытались высвободить руку Сан Су, убедить солдата взять их, но он ударил одну из них в живот. Девушка согнулась пополам, судорожно лоя ртом воздух.

– Следующей, кто откроет пасть, будет хуже, – рывкнул солдат, заломил Сан Су руку и выволок ее из каюты.

Железная дверь захлопнулась, и комнату снова затопила темнота – будто провели черту, за которой необратимость. Темнота постепенно заполнялась тихим плачем по девочке, которую увели, потому что Хана замаралась.

* * *

Паром причалил к материку. Хана почти обезумела. Солдат так и не вернул Сан Су в каюту. Три другие девушки возвратились одна за одной, но младшей, заменить которую вызвались все, по-прежнему не было. Снова появились солдаты, приказали всем выходить. Хане отчаянно хотелось спросить, где Сан Су, но она сдержалась.

Пленниц согнали с парома и повели к колонне военных грузовиков. Хана всматривалась в лица девушек, надеясь увидеть знакомые, полные страха карие глаза Сан Су.

Недолгое время женщины тряслись в грузовиках, а затем им приказали выгружаться. Их привезли на железнодорожную станцию. Хану вместе с незнакомой девушкой втокнули в купе. Окно было заклеено газетой и закрашено черной краской, ничего не разглядеть. Хана шепотом спросила девушку, не видела ли та Сан Су, описала ее. Соседка помотала головой. На пароме она находилась в другой каюте. Вместе с ней было еще не меньше сорока женщин, и всех вроде бы отправили в Токио на ткацкую фабрику, шить мундиры. И только ее почему-то забрали и посадили в поезд к Хане. Она не знает почему.

Они с Ханой были почти ровесницы. Девушка была по-настоящему красива: луноликая, как сказала бы мать, с белой кожей и розовыми губами. Зубы ровные, не выдаются, а глаза круглее обычного. Парни из деревни Ханы потеряли бы от нее голову.

– Тебя выводили из каюты? – тихо спросила Хана.

– Нет. Никого не выводили. А что, тебя забирали? – Девушка явно встревожилась.

– Да, и мою подругу тоже, совсем еще девочку, Сан Су. Но ее не вернули.

– А зачем? – настороженно спросила соседка и быстро обвела взглядом купе, словно боялась, что их подслушивают.

Хана не могла выговорить это слово. Оно такое простое, а эта девушка чуточку старше и знает, конечно, что оно означает. И все-таки Хана не могла произнести его. Она отвернулась, вжалась в стенку купе. Ей было страшно за Сан Су, стыдно за свою нечистоплотность, но в то же время Хана радовалась ей – и ненавидела себя за эту радость.

Состав медленно тронулся, дверь купе внезапно отодвинулась. За дверью стояли двое солдат и Сан Су, которую тут же втокнули в купе. Хана быстро отодвинулась, освобождая для девочки место.

Сан Су была очень бледной, нижняя губа распухла, в углу рта запеклась кровь, шея в синяках, тело била дрожь. Платье разорвано и скреплено булавками там, где прежде были пуговицы. Хана осторожно взяла ее за руку, и Сан Су судорожно всхлипнула. Ни слова не говоря, Хана стиснула пальцы девочки. “Она выжила”, – подумала Хана, но ее радость угасла, когда она поняла, насколько истерзана девочка.

Один солдат уселся на скамейке рядом со второй девушкой, другой переступил через ноги Ханы и втиснулся на место у окна. Хане было слишком страшно, чтобы взглянуть на его лицо, но, когда поезд набрал скорость, она поняла, кто это. Узнала запах одеколона. Оцепенев, Хана покосилась на его руку, опирающуюся о скамейку. Пальцы Моримото

коснулись подола ее платья, он был будто кот, играющий с мышью, – трогает лапой, отрезает путь к отступлению, но на жертву не смотрит.

Моримото безостановочно курил, клубы дыма висели в купе. Пальцы продолжали глумливо теревить подол, на Хану он по-прежнему не смотрел. Сердце гулко колотилось, Хана с трудом дышала и старалась не шевелиться, только медленно, очень медленно отодвигала ногу, когда его пальцы подбирались слишком близко и угрожали коснуться кожи.

Поезд шел всю ночь, в тесном купе все дремали – за исключением Ханы. Она была сама не своя от страха и гнева, которые жаркими волнами плыли к сидящему рядом японцу. Он похитил ее из дома, увез от всего, что она знает и любит, а потом изнасиловал. Хана думала, как бы убить его спящего. Время текло, и мысль эта становилась все навязчивее. Она осторожно повернула голову в его сторону. Он что, и Сан Су изнасиловал? Хана перевела взгляд на другого солдата, сидевшего напротив. Может быть, они оба над ней измывались?

Хана снова посмотрела на Моримото. Его грудь мерно вздымалась, и Хана представила, как бьется сердце под мундиром. На ремне она заметила кобуру. Сумеет ли она вытащить пистолет, не разбудив Моримото? Хана рассматривала черное оружие, выглядывавшее из кожаной кобуры. Она представляла, как сжимает его и целится в сердце. Тяжел ли пистолет? Что надо сделать – просто нажать на спуск или что-то еще, посложнее? Сможет ли она и впрямь его застрелить? В конце концов она решила, что нет, застрелить не сумеет, но может зарезать. Это ей показалось правильным и почему-то утешило.

Ножом-то она владеет. Она ныряла с ним ежедневно – срезала с рифов морские ушки, резала водоросли и даже вскрывала раковины моллюсков, оставшиеся после прохождения японских промысловых судов. Она вырежет сердце Моримото, как жемчужину, сокрытую в устричном мясе. От этой мысли Хану пробрал озноб, по позвоночнику предвестниками мести пробежали мурашки. Так вот что чувствуют смельчаки. Хана представила, как бьет его ножом в грудь, увидела удивление на его лице. Гнев вскипел в ней. А после они с Сан Су выскользнут из купе, спрячутся в поезде или выпрыгнут из окна. Как жаль, что у нее нет ножа и ничему из этого не суждено сбыться.

Моримото шевельнулся во сне. Хана вздрогнула и легонько толкнула привалившуюся к ней Сан Су. Кожа у той была холодная, но дрожать она перестала. Хана тронула лоб девочки. Ледяной. Губы синеватые. Превозмогая панику, Хана наклонилась, припала ухом к губам Сан Су. Ничего.

Хане вдруг стало нечем дышать. Она попыталась вдохнуть, но лишь зашлась в хрипе. От шума проснулись остальные.

– В чем дело? – вскинулся Моримото. – Что тебе неймется?

Он встал, рывком поднял Хану, развернул к себе лицом. Она задыхалась, хрипела, схватившись одной рукой за горло. Моримото что-то снова крикнул, Хана ткнула пальцем в сторону неподвижной Сан Су. Моримото повернул голову и тут же отпустил Хану, уставился на малышку, никак не отреагировавшую на кутерьму. Он молчал. И тут заголосила сидевшая напротив Ханы девушка.

– Она умерла! Умерла! – выкрикивала она снова и снова. Красивое лицо обезобразил ужас.

Из коридора донесся топот. Дверь отъехала в сторону, и в купе просунулись два встревоженных лица. Моримото наконец подал голос:

– Эта мертва. Унесите ее. На следующей станции похоронить.

– Похоронить? – переспросил солдат.

– Да, похоронить. Положите ее к другим.

– Слушаюсь, господин.

Солдаты подняли тело Сан Су, словно мешок с рисом, и вынесли из купе. Дверь закрылась, Моримото сел и как ни в чем не бывало почти мгновенно погрузился в сон. Хана пыталась осмыслить его слова. *К другим*, сказал он. Сколько же в поезде еще мертвых девушек?

Мысль о том, что Сан Су бросят в яму, была невыносима, и Хана заплакала. Она так долго сдерживала горе и страх, так долго подавляла угрызения совести и теперь не могла остановиться, как будто невидимый кулак вышибал из ее нутра эти рыдания. Никто не произнес ни слова, не потребовал замолчать. Моримото, словно в ответ на ее рыдания, захрапел.

Соседка время от времени гладила Хану по колену, изредка скорбно всхлипывала, но больше в тесном купе ничто не указывало на то, что еще минуту назад здесь сидела Сан Су, а теперь ее не стало. Ни закрашенная газета на окнах, ни тень от лампы, качающаяся над головами. Ни стены, подрагивающие в такт движению поезда, ни крепко спящие солдаты. Ничто не напоминало о Сан Су.

Где-то за пределами поезда, что змеился по незнакомому краю, – где-то далеко за морем, на острове, родители Сан Су не ведают, что их дочери больше нет. Возможно, они сейчас спят и им снится ее возвращение, ведь наверняка вопреки здравому смыслу они ждут ее, надеются, что однажды снова увидят, что время вернет ее. Хана представила, как они ждут дочь, которая никогда не придет, которая умерла уже через считанные дни после исчезновения. Они будут годами гадать, где она, что с ней, но никогда не

узнают, что она покинула их безвозвратно.

Прошло два дня, прежде чем поезд прибыл на какую-то станцию. Солдаты похоронили Сан Су прямо возле путей в безымянной могиле вместе еще с четырьмя телами. Девушек заставили смотреть – пусть знают, что бывает с теми, кто ослушается приказов. Покойницы были завернуты в тряпье, но Хана узнала труп Сан Су – самый маленький, самый жалкий. Теперь ей было понятно, как к ним относятся солдаты, кем они считают девушек.

Моримото сказал, что Сан Су поранила ногу и умерла от инфекции, но Хана знала правду. Она видела на сиденье кровь. Та въелась в кожу, ее струйки, как вены, прочертили поверхность скамьи, сбегая на пол, лужей собрались под сиденьем. Сан Су истекла кровью. Она была слишком мала годами и телом, чтобы вынести такие мучения. Сколько же человек ее насильовало?

Хана невольно сравнивала Сан Су со своей Эмико. Не пойдя Хана с Моримото, он бы забрал сестру. При мысли о том, что сестру могла постичь участь Сан Су и она умерла бы вдали от дома такой ужасной смертью, внутри у Ханы будто разверзлась пустота. Но с Эмико все в порядке, ей ничто не грозит.

А на родине Сан Су состоялся бы погребальный обряд, воззвали бы к богам, прося направить ее дух к предкам. Хана не знает, кем они были. Ей неизвестно об этой девочке ничего, кроме того, что она тоже с острова Чеджу, а ее японское имя – Норико. Сан Су, Норико, Младшая Сестра. Хана знала, что никогда ее не забудет.

Она сидела с закрытыми глазами и желала духу Сан Су благополучного пути домой, желала ему не приходить в смятение от столь мучительной смерти, желала не посещать во снах ее, Хану, не мстить той, кого должны были забрать вместо Сан Су.

В купе завели двух новеньких, и поезд вскоре снова тронулся. Хана старалась отвлечься от мыслей о Сан Су. Она думала о сестре, о том, как хорошо той дома, куда так остро хотелось ей самой. По крайней мере, она хоть одну спасла от солдат. Она слишком много о себе возомнила, вообразив, будто спасет и вторую.

Хана цеплялась за образ Эми, чтобы не видеть бледной кожи Сан Су. А чтобы не чувствовать пальцами ледящего холода, вспоминала, как ныряла в море, как колышутся черные водоросли, представляла синюю глубину, что простирается на много миль во все стороны, – лишь бы не видеть красного цвета смерти. Когда Хана в конце концов сдалась сну, ей приснились родные, они скользили в темной глубине океана, но она не

понимала, сами они плывут или их несет течение, – глаза их были безжизненны, а кожа бледна.

Сеул, декабрь 2011

Джун Хви, дочь Эми, жила рядом с Женским университетом Ихва. Пятнадцать лет назад Эми помогла ей с первым взносом за небольшую квартирку. Это показалось хорошим вложением средств, а потому Эми продала родительский дом у мандариновой рощи и переехала в придорожную лачугу. Джун Хви преподавала в университете корейскую литературу и неплохо зарабатывала. При каждой встрече она предлагала вернуть долг, но Эми не брала денег. Ей хватает морских даров, ими она и живет. Сегодня пришла подруга Джун Хви, которую Эми знала. У кофейного столика она кормила небольшую собаку с палочек для еды.

– Ты же помнишь Лейн? Она преподает в университете антропологию.

Джун Хви представляла подругу при каждом приезде матери. Той казалось немного странным, что Лейн постоянно торчит здесь, вечно возится с собакой и чувствует себя как дома. Эми подозревала, что они подружились задолго до того, как она сама о ней узнала.

– Привет, мама, хорошо выглядите.

– Привет, Лейн, – ответила Эми.

Лейн прожила в Южной Корее больше десяти лет и переняла многие обычаи. В корейской культуре никого не называют по имени – все они матери, отцы, старшие и младшие сестры и братья, дяди и тети, бабушки и дедушки. Так обращаются даже к чужим. Если бы Джун Хви была замужем и имела детей, как большинство женщин ее возраста, то Лейн называла бы Эми не мамой, а бабушкой, но в доме Джун Хви нет детей, так что Эми всего лишь мама. Даже сын забывается и называет ее при внуке мамой, а не бабушкой. Наверно, Эми заслужила бы звание бабушки, навещайся она почаще и постарайся деятельнее участвовать в его жизни.

Вдобавок Лейн безупречно говорит по-корейски. Ее сеульское произношение звучит немного странно для американки. У большинства американцев акцент ужасный, для ушей Эми – дурацкий, как у туристов, которые навещают ныряльщиц острова Чеджу. Они приезжают из аэропорта группами на такси и фотографируют хэнё на телефоны и дорогие цифровые камеры. Иным хватает самоуверенности заговорить с ныряльщицами на примитивном корейском, а те потешаются над их потугами. Чин Хи каждый раз в восторге от таких визитов, но Эми туристов не одобряет.

– Ты им спасибо скажи, – заметила однажды Чин Хи, когда Эми пожаловалась. – Они хоть за людей нас считают, поговорить хотят.

– Они глазеют на нас как в зоопарке, – ответила Эми, не глядя на подругу.

– Да нет же! И к тому же поддерживают наш образ жизни.

Эми даже рассмеялась:

– Как же это они его поддерживают?

Чин Хи дружески потрепала ее по плечу:

– Они возвращаются на родину и делятся восторгами. Рассказывают о нашей жизни друзьям, расписывают, какие мы. А раз о нас говорят, то мы никогда не исчезнем.

Эми тогда уставилась на Чин Хи, дивясь ее мудрости.

* * *

Из воспоминаний ее выдернул голос дочери:

– Ты проголодалась? Могу приготовить ланч.

– Я поела в самолете. Взяла в дорогу сушеного кальмара и кимбап^[5], – ответила Эми, все еще думая о подруге. Как странно, что ей не хватает ее здесь, в доме дочери.

– А где Ха Ён? – спросила дочь.

– Вернулся на работу. Сказал, что встретимся за обедом. По дороге он завез Ён Сука на баскетбольную тренировку. – Эми уже скучала по внуку. – Он так вырос!

– Слышишь, Лейн? Ён Сук небось хочет уехать в Америку и стать профессиональным баскетболистом.

Дочь села рядом с Эми на диван, и обе смотрели, как Лейн отточенными движениями переправляет рис в разинутую собачью пасть.

– Если этот паренек будет расти с такой же скоростью, то вполне может стать, – отозвалась Лейн. – Станет корейским Яо Мином^[6].

Песик твякнул, подруги рассмеялись, и Эми показалось, что Лейн подмигнула дочери.

– Ой, мама, что у тебя с волосами? – спохватилась дочь, снова переключаясь на Эми. – Завивка никуда не годится. Давай-ка приведем тебя в порядок до обеда. Пойдем в “Чонсик”, парикмахерская там рядом.

Дочь потрогала волосы Эми, и та засмеялась.

– Нет-нет, не нужна мне парикмахерская. Я слишком стара, чтобы

красоту наводить. – И она снова рассмеялась.

– Мама, выглядеть ухоженно нужно в любом возрасте, – сказала Лейн, встала и подхватила тарелку с остатками риса.

Пес запрыгнул к Эми на колени. Это был карликовый пудель, белый, с пушистым шариком на конце хвоста. Эми погладила его по голове, затем достала из пакета плюшевую кошку, которую купила в самолете.

– Можно ему такое? – спросила она.

– Конечно, – сказала Лейн. – Ой, посмотри, Джун Хви, какая прелесть!

Джун Хви взяла игрушку, оторвала ярлыки и с силой бросила кошку в коридор:

– Взять, Снежок! Лови!

Снежок кинулся по коридору, схватил игрушку и принес ее Эми. Та бросала кошку через комнату, пока пес не выдохся. Тогда он плюхнулся у Эми в ногах и принялся терзать плюшевую кошачью голову.

* * *

После парикмахерской Эми распространяла волны химического запаха и в ресторане старалась лишний раз не шевелиться. Все тут было слишком диковинно для нее, и теперь она понимала, почему дочь отвела ее в парикмахерскую. И заставила сменить розовые брюки в пятнах от жасминового чая. Эми приехала ненадолго, одежды с собой взяла немного, так что пришлось надеть черные брюки, в которых она рассчитывала ходить следующий день. Глядя на ее черные брюки и черный свитер, дочь неодобрительно сказала:

– Мама, ты же не на похороны идешь. Неужели у тебя нет ничего повеселее?

Эми скосила глаза на свой наряд. Она вовсе не намеревалась наряжаться во все черное, но ей вдруг показалось, что им и в самом деле предстоят похороны. От внезапной тяжести на душе она невольно расплакалась.

– Мама, прости. Я не хотела.

– Нет-нет, ты ни при чем. Это просто...

Но нужных слов не нашлось. Джун Хви дала ей салфетку, и Эми вытерла слезы. Дочь молча, с пристыженным видом сидела напротив.

– Ты ничего особенного не сказала, – утешила ее Эми, высморкавшись. – Давай же приведем меня в приличный вид. – Она взяла Джун Хви за руку и подвела к чемодану. – Что мне надеть к обеду?

Джун Хви рассмеялась и принялась рыться в скудных материнских пожитках. Остановились они в результате на кремовом свитере из гардероба дочери. Рукава оказались длинноваты, но Джун Хви ловко подвернула их, и Эми, наблюдая за ее действиями, вспомнила мать. Ей всегда казалось, что Джун Хви похожа на своего отца, но сейчас она видела, что в ней больше от ее матери. Это согрело, она даже сумела улыбнуться, изучая свою новую прическу в зеркале салона красоты.

Официант принес чай, поставил поднос перед Эми. Он разливал чай по керамическим чашкам, а Джун Хви передавала их дальше. Эми окружали лица родных. Все они выглядели старше, чем ей помнилось. Сыну пора уже быть дедушкой, а дочери – бабушкой. Внуку следовало быть ее правнуком. Все болтали, смеялись, заказывали еду. Лейн рассказала о своей последней статье, она писала о том, что в западных странах участились случаи женского обрезания и как это связано с интернетом. Невестка то и дело поправляла мальчику воротник. Сын Эми раз за разом заказывал чистый виски. Эми слушала разговоры вполуха, но вдруг все умолкли и уставились на нее.

– Ты слышишь? – спросил сын.

Эми растерянно заморгала.

– Я спросил, какие у тебя планы на завтра.

– На завтра? – переспросила Эми и вдруг поняла, что забыла, зачем она здесь.

В ресторане было необычно тихо. Внук покраснел, словно стыдился за нее.

– Да, на завтра, – сказала Джун Хви и погладила Эми по руке. – Мы с Лейн хотим поехать с тобой.

Эми мутило. От химического запаха, исходившего от волос, кружилась голова. И столько глаз вокруг. Ей стало нечем дышать. Она поднялась, дочь следом. Опираясь на руку Джун Хви, Эми вышла на холодный вечерний воздух. Машины сновали под яркими городскими огнями, вспыхивавшими, мерцавшими на каждом здании. Навалилась тоска по тишине одинокой лачуги, реву океана, простодушному смеху подруг-ныряльщиц.

– Я не хотела лететь, – сказала Эми. – Но я была должна.

Она коснулась ссадины на лбу.

Джун Хви не ответила, но крепче сжала плечи матери. Стоя вплотную друг к другу, они смотрели на город, что несся мимо в блестящих иностранных автомобилях, цокал по тротуару модельными каблуками. Эми вспомнила картину в иллюминаторе взлетающего самолета. Черная взлетно-посадочная полоса бежала вдоль жухлого зимнего бурьяна, и глядя

на удаляющуюся землю, Эми невольно думала о том, что уже много-много лет покоится под бетоном. Кто покоится. Снизу на нее смотрело столько лиц. Эми не хотелось их вспоминать сейчас. Она стряхнула с себя их безучастные взгляды и сосредоточилась на суете вечернего города. Сознание охотно окунулось в мерцание огней, уличный шум, тепло дочкиной руки на плечах.

* * *

Эми проснулась среди ночи. Ее разбудил то ли шум, то ли голос, причудилось, что кто-то зовет ее по имени. Она села в постели, стянула на горле ворот ночной рубашки. В комнате было темно, только светились красные цифры будильника. Три часа. Рядом похрапывала дочь. Эми вылезла из-под одеяла, стараясь ее не разбудить. Вытянув руки, на ощупь добралась до двери.

В тесной кухоньке поставила на плиту чайник. Пудель Снежок прибрел, чтобы проверить, что это за суета посреди ночи. Эми села за стол, и пес запрыгнул ей на колени. Она потрепала его по кудлатой голове. Посмотрела на голую стену, выкрашенную в небесно-голубой цвет. Поглаживая пса по мягкой шерстке, она вспоминала сон.

В океане плавает девочка, охотница за ракушками. Она машет ей и показывает морскую звезду. Эми стоит на берегу, но она не в купальном костюме, а в белом ситцевом платье чуть ниже колен. Оно плохо скрывает старческие складки ее тела. На ногах блестящие черные туфли, которых она в жизни не видела. Девочка смеется и снова ныряет. Она похожа на дельфина, что изящно и легко выпрыгивает из воды и погружается в море, опять и опять.

“Никак это я сама, в прошлом?” – подумала Эми.

К ним издали мчит черное облако. Оно окружает их и разбухает, точно злобное море, набирает силу, растет. Эми кричит девочке, зовет на берег. Шторм – кричит она, но девочка не слышит. Она снова ныряет, а потом все исчезает в пелене дождя, грохоте грома и всполохах молний. Огромные капли лупят по телу, Эми прячется под нависающей скалой и ждет, когда девочка покажется над водой. Но той все нет.

Минуты летят, и Эми начинает бояться, что девочка утонула. Буря все усиливается. Могучие волны обрушиваются на берег. Девочке уже не выплыть. Эми сбрасывает туфли. Стягивает платье. Нагишом прыгает в кипящее море и ныряет. Как только ее голова оказывается под холодной

водой, она слышит свое имя.

Засвистел чайник, и Снежок у нее на коленях тявкнул. Эми успокоила пса и сняла чайник с плиты. Налила кипятка в кружку, опустила пакетик зеленого чая. Когда села, песик снова запрыгнул ей на колени. Эми грела руки о кружку и ждала, когда вода станет насыщенного желто-зеленого цвета. У нее никогда не было блестящих черных туфель. Белое платье, возможно, и было, но туфли – нет.

Эми отпила из кружки, гадая, к чему снятся туфли. Чин Хи должна знать. Она толкует любые сны – и добрые, и дурные. И кто эта девочка в море? Может, она сама в детстве? Может, это сон о том, что детство умерло, или предсказание скорой смерти?

“Ты ее знаешь”, – обвиняюще прозвучал голос в голове. Эми была бы рада его заглушить, но все пыталась вспомнить лицо девочки, и оно вдруг всплыло перед глазами.

– Хана, – прошептала Эми. Она не произносила это имя шестьдесят лет.

Снежок посмотрел на нее. Взяв кружку с чаем, Эми, прихрамывая, проковыляла в гостиную. Посидит тут на диване, чтобы не тревожить дочь. Пудель запрыгнул на диван, устроился рядом, привалившись к ее бедру. Эми страшилась закрыть глаза. Боялась снова увидеть мертвую девочку, которая плавает в океане и смотрит на нее безжизненными черными глазами. Она гладила пса и неторопливо пила остывающий чай, пока на подоконник не упал первый утренний свет.

Хана

Корея, лето 1943

Поезд вез припасы и шел только ночью, когда его не разглядеть с воздуха. Остановки были частые, но девушек из вагона не выпускали. Еды и воды им давали самую малость. Чувство голода не покидало Хану ни на миг. Желудок будто поедал себя изнутри. Днем на стоянках время тянулось мучительно. Девушкам полагалось сидеть тихо, тогда как солдаты ели, курили, веселились.

Две девушки, которых подсадили к ним в купе, вели себя дружелюбно, но Хана после истории с Сан Су была не склонна к разговорам. Круглолицая красавица, при которой умерла Сан Су, явно радовалась возможности поболтать с новыми подругами. Миловидность к ней вернулась, шок забылся. Иногда девушки оставались в купе одни, и тогда они рассказывали о себе.

Троим отчаянно хотелось поделиться своими историями. Хана молчала и слушала, следя за солнечным лучом, пробравшимся в затемненное окно. На освещенную полосу за окном падали тени, и она не знала, чьи они – проходящих мимо солдат или гражданских, которые, возможно, помогли бы.

– Мама послала меня в Сеул помочь по хозяйству тете, но я не доехала, – рассказывала одна девушка.

Она самая старшая, ей лет девятнадцать. Щеки в ямочках, густые кудрявые волосы перехвачены сзади.

– Я ждала автобуса. До Сеула было уже недалеко, всего-то три остановки, и тут подъехал этот офицер. Он спросил, куда я еду, и я ответила. Он сказал, что автобус отменили, и предложил подвезти. – Она виновато оглядела попутчиц, ожидая осуждения, но все молчали, и она продолжила: – Я знаю, что ему нельзя было верить. Мама велела никогда не верить японцам. Они нам не друзья, потому что считают корейцев людьми низшего сорта, но он... он был такой любезный. Я решила, что он и правда хочет помочь. – Ее голос упал до шепота. – Я прежде ни разу не уезжала из дома...

Хана не отрывала глаз от полосы света и мелькавших за окном теней. Она тоже впервые покинула дом. Ее мать тоже не верила японцам. Она не спускала с девочек глаз, а когда не могла уследить, строго-настрого запрещала Хане заговаривать с незнакомцами. Отец нередко уходил на весь

день в море за крохами, оставленными японскими сейнерами. Он часто возвращался к вечеру, когда Хана с матерью и сестрой уже давно вернулись с рынка, и с гордостью демонстрировал улов.

“Полюбуйтесь, какие яства!” – восклицал отец, входя в их традиционный корейский домик.

Хана с сестрой взвизгивали от восторга. Они мчались к нему, едва отец переступал порог, и повисали на его ногах. И он шагал вразвалочку, будто морское чудище, явившееся из океанских глубин. Даже когда Хане исполнилось шестнадцать, она соблюдала ритуал – ради сестры. Та радостно верещала, когда отец с усилием переставлял ногу, на которой она висела. Хана помогала ему, но так, чтобы сестра не замечала. Разыгрывая этот маленький спектакль, они наполняли дом радостью, пусть даже отец и выглядел смертельно уставшим.

“Но где моя королева?” – спрашивал он, перед тем как сестра и развязать мешок.

“На кухне, где же еще!” – кричала сестра, и мать заглядывала в комнату.

“А, вот и она, моя благоверная, и до чего вкусно пахнет в нашем дворце! Итак, мои солдаты удачи, передайте моей хозяйшке наши праздничные трофеи”.

Для Ханы с сестрой это был сигнал – можно рыться в мешке и восхищаться при виде рыбы, морской капусты или риса. Иногда отец баловал их грушами, которые выменивал на рыбу, но это был особый деликатес, позволительный только пару раз в год. За день до того, как Хану похитили, отец как раз принес две большие груши. Она до сих пор чувствовала во рту их сочную мякоть, помнила аромат.

– Он привез меня на армейский склад, и мне пришлось подписать бумагу, но я не понимаю по-японски. Я не ходила в школу, – пристыженно продолжала рассказывать девушка. – Я понятия не имела, что происходит. Он оставил меня с каким-то корейцем, который сказал, что тетя больше не нуждается в моей помощи. Теперь, сказал он, я нужна императору. Я буду трудиться во славу Японии.

Хана посмотрела на девушку, во взгляде той светилась невинность. Ее не насиловали. Может, солдаты совершили налет только на одну каюту? Хана не могла рассказать этим девушкам о случившемся, хотя они молча ждали – настал ее черед. Хана обвела взглядом выжидающие девичьи лица и отвернулась, уставилась на тающую полоску солнечного света.

К концу недельного путешествия Хана осталась в купе одна, трех попутчиц высадили раньше. Моримото ни разу не заговорил с ней, даже

почти на нее не смотрел. Он, кажется, забыл про нее и вспомнил только по прибытии в Маньчжурию. Там он вдруг развил бурную деятельность, велел Хане выйти из вагона, передал ее бумаги дежурному офицеру и исчез – словно и не он это уволок ее на край света.

Новый солдат ушел узнавать насчет транспорта. Хана осмотрелась, готовая броситься через дорогу, и снова увидела Моримото. Он возвращался. Остановился рядом, закурил. Несколько раз затянулся и протянул сигарету ей:

– Курить умеешь?

Хана посмотрела на сигарету, потом на него, не понимая, в чем подвох. Он рассмеялся – легко, беззаботно, точно парень, предлагающий глупой девчонке сигарету.

– Это просто, смотри на меня, – сказал он, затянулся, длинно выдохнул и, прищурясь, наблюдал, как дым, извиваясь, уплывает в ночное небо.

Потом вынул сигарету изо рта и вставил в губы девушки. Хана не шевелилась, боясь, что он ее обожжет или сделает что похуже.

– Вдыхай, – велел Моримото.

Хана замотала головой, он вырвал сигарету и отбросил в сторону. Хлестнул по щеке. Хана ошеломленно замерла, на глаза навернулись слезы. Моримото поднял из дорожной пыли сигарету и снова зажег. Всунул ей в губы:

– Я научу тебя подчиняться. Вдыхай.

Отказаться было безумием, и Хана подчинилась, втянула дым и зашлась в кашле, когда горячий дым обжег горло.

Моримото снова хохотнул и хлопнул ее по спине, как старший брат. Сигарета выпала изо рта Ханы, Моримото вдавил ее в пыль носком ботинка. Вернулся солдат, и Моримото принялся болтать с ним, будто никакой Ханы рядом и не было. Моримото ткнул солдата в плечо, они захохотали, солдат козырнул, и Моримото ответил тем же. Подошел еще один солдат и повел Хану к джипу, стоявшему у здания станции. Моримото снова закурил, выпустил клуб дыма в сторону Ханы. Во рту девушки все еще стоял горьковатый привкус табачного дыма.

* * *

Было темно, и она мало что различала в маньчжурской глуши, лишь мелькали редкие кусты, за которыми открывался бесконечный простор. Она никогда не видела такого черного-черного неба, ни луны, ни звезд, нечему

осветить путь. Водителю еле хватало света фар, чтобы держаться ухабистой грунтошки. Хана заснула, в чувство ее привел грубый тычок.

– Приехали, вылезай, – велел солдат.

Фары высвечивали большое деревянное строение. Два этажа, верхние окна зарешечены. Открылась дверь, выпускающая конус света. Еще один солдат поманил их внутрь.

– Пополнение? – крикнул он.

– Да, от капрала Моримото.

– Само собой. – Взрыв смеха.

Они козырнули друг другу, и водитель, не оглянувшись на Хану, запрыгнул в кабину. Хана смотрела, как он заводит мотор и отъезжает. Солдат впустил ее в дом и запер дверь. Он кого-то позвал, и тут же появилась старуха, одетая на китайский манер. Она обвила рукой талию Ханы и повлекла девушку куда-то в глубину здания. Хана не сопротивлялась, присутствие женщины ее чуточку приободрило. Возможно, это какая-то мастерская.

– Скажите, где я? – спросила она по-японски. Женщина не ответила. Хана повторила вопрос, но старуха молча подвела ее к обшарпанной деревянной лестнице, уходившей в крошечный мрак.

– Что там? – спросила Хана.

Женщина зажгла свечу и начала подниматься. Хана медлила, стоя у подножия лестницы. В сумраке она различила на стене портреты девушек в рамках. У всех одинаково угрюмые лица и остриженные волосы. Под рамками номера. Темные глаза будто следили за Ханой, когда она поднималась за женщиной, тщетно пытаясь отогнать подступивший страх.

Пламя свечи отбрасывало неверные блики на стены мрачного коридора, но света было так мало, что Хана ничего не могла разглядеть. Они миновали несколько дверей, женщина остановилась перед очередной, отомкнула ее ключом. Хана неуверенно вошла, и старуха тут же развернулась, чтобы уйти.

– Подождите, – окликнула ее Хана. – Пожалуйста, скажите, где я?

Но шлепанцы старухи уже шаркали по деревянным ступеням.

Хана осталась одна в темноте. Когда глаза немного привыкли к мраку, она увидела циновку у стены, рядом – таз. Хана бросилась к нему, таз был полон холодной воды. Она подняла его, поднесла к губам, и вода потекла в горло. Она пила и пила, не задумываясь, чиста ли вода и зачем она здесь. Выпила все до капли. Затем легла на циновку и стала ждать.

Скрипнула дверь, и Хана резко пробудилась. Перед ней стояла старуха с подносом в руках. Она поставила поднос на пол – рисовая похлебка и японские пикули. Хана села и обрушила на старуху град вопросов:

– Где я?.. Зачем я здесь?.. Когда мне можно поехать домой, к маме? – В отчаянии глядя на старуху, повторила вопросы по-корейски.

Женщина помотала головой. Она говорит на другом языке, решила Хана, на мандаринском, наверное. Старуха ткнула пальцем на рис и заковыляла к двери. Когда она выходила, в комнату вплыл глубокий, какой-то нечеловеческий стон.

– Что это? – испуганно спросила Хана, но старуха снова лишь мотнула головой, не оглянувшись.

Хана подошла к двери и выглянула в коридор. Старуха шаркала прочь, сутулая, почти горбатая. Хана решила, что место не такое уж скверное, раз ее не заперли. Кажется, она вольна бродить по дому, как будто вовсе не пленница, а если пленница, то старухе, похоже, все равно – пусть бежит. “Или бежать отсюда некуда”, – тут же мелькнула мысль.

Звук повторился – не то стон, не то вой, утробно-низкий, словно то был голос самой смерти. Хана едва не захлопнула дверь и не забилась в угол, но она должна выяснить, что за создание издает этот страшный звук. И тогда, может, поймет, где она и зачем ее сюда привезли.

Оказалось, что ее комната выходит на галерею, откуда видно небольшой зал, а там новые двери. Внизу горели свечи, и Хана видела довольно отчетливо. В зале было пусто, как будто в дом еще не завезли мебель.

Стон раздался снова, Хане показалось, что он донесся из ближайшей к лестнице двери. Она стояла нараспашку, внутри двигались тени. Забыв о страхе и желая лишь одного – определить источник звука, Хана крадучись спустилась по деревянным ступеням, морщась при каждом скрипе. Лица на портретах девушек будто парили над ней, следя за ней, обличая. Хана отвела взгляд и на цыпочках подобралась к открытой двери. Задержав дыхание, заглянула в комнату.

На циновке у дальней стены сидела женщина. Ноги ее были раскинуты, бедра в крови. Между ее ног сидел на корточках мужчина, лицо прикрыто повязкой. Волосы на шее у Ханы зашевелились, когда она осознала, что жуткие стоны исторгает окровавленная женщина.

– Ей надо тужиться, – сказал мужчина по-японски.

Хана не видела, к кому он обращается, но тут раздался женский голос, сказавший по-корейски:

– Доктор велит тебе тужиться.

Хана судорожно втянула воздух. Корейнка. Женщина снова закричала – низко, утробно, скорее звериный крик, нежели человеческий. Хана собралась взбежать обратно наверх, ей было страшно, и в то же время она ощущала надежду – она попала к корейцам.

– Она не хочет, – сказал японец.

Хана застыла.

– А ребенок? – спросила невидимая ей корейнка.

– Он уже мертв.

– А операция ей не поможет?

– Слишком велик риск инфекции.

– Так что же с ней делать?

– Пусть тужится или умирает. Скажи ей, что пусть напряжется, если жизнь дорога.

Хана не стала ждать дальнейшего. Она бесшумно взлетела на второй этаж, нырнула в комнату и упала на циновку. Ее трясло, и, чтобы усмирить дрожь, она подтянула к груди колени, плотно обхватила. Прислушиваясь к мучительным крикам роженицы, она поглядывала на поднос с водянистым рисом и пикулями. В желудке заурчало. Хане было тошно себе признаться, что ей хочется есть, несмотря на летящие снизу предсмертные вопли. Но их было недостаточно, чтобы перешибить это тянущее чувство голода.

Она взяла миску и выхлебала рисовую жижу. Опустошив посудину, в один присест проглотила пикули и вытерла лицо подолом. Из-за двери донесся очередной стон, и Хану замутило. Тошнота была столь нестерпимой, что Хана едва успела наклониться над тазом. Ее вывернуло.

Рис, вода, пикули – все выплеснулось в таз. Утершись ладонью, Хана встала и подняла таз, чтобы снести его вниз и найти, куда можно опорожнить. На полпути к лестнице ее настиг новый стон-вой, и она быстро вернулась в комнату.

У двери Хана заметила деревянную табличку. На ней по-японски были вырезаны название цветка и цифра: “Сакура 2”. Поставив таз, она снова вышла в коридор и изучила другие двери. “Цубаки 3”, “Хината 4”, “Кику 5”, “Аямэ 6” и “Рико 7”^[7]. Дойдя до последней двери, она услышала шум с другого конца коридора, где находилась ее комната.

Хана вернулась и обнаружила, что ее дверь не последняя, за ней есть еще одна. И на табличке вовсе не название цветка, а женское имя. “Кейко

1”^[8]. Из-за двери донесся шорох. Надеясь найти хоть кого-то, кто объяснит ей, где она и зачем здесь находится, Хана коснулась дверной ручки. Сердце сбилось от страха с ритма и колотилось слишком быстро, слишком сильно, дыхания не хватало. Ручка подалась легко.

Комната была в точности как у Ханы. На циновке сидела на коленях женщина, лицо она закрывала ладонями. Подле циновки горела свеча. Плечи ее вздрагивали от сдавленного плача. Хана хотела было закрыть дверь, но женщина уже заметила ее, опустила руки.

Они с Ханой молча смотрели друг на друга.

– Ты, наверное, новая Сакура, – сказала наконец женщина по-японски.

Хана с облегчением поняла, что теперь-то сможет расспросить.

– Вы Кейко? – спросила она, вспомнив табличку.

Женщина кивнула. Значит, на табличках написаны имена. И Хану теперь зовут Сакурой.

– Ты такая молодая, – покачала головой Кейко. – Сколько тебе лет?

– Шестнадцать, – ответила Хана, стыдясь своего тонкого девчоночьего голоса. При свете свечи ей казалось, что Кейко за тридцать.

– Когда-то и мне было столько. А сейчас кажется будто прошла целая жизнь.

Женщина внизу опять застонала, и Кейко зажала руками рот, подавляя всхлип.

– Вы ее знаете?

– Она моя подруга, – ответила Кейко после долгой паузы.

– Ребенок умер, – вырвалось у Ханы. Желудок снова свело судорогой.

– Это хорошо. – Фарфоровое лицо Кейко потемнело.

Хана была обескуражена.

– Она тоже может умереть. – Неужели и это приятная новость?

– Тоже было бы хорошо. – Но голос женщины был полон тоски.

– Не понимаю, – тихо произнесла Хана.

– Скоро поймешь, – ответила Кейко, не глядя на нее. – Ступай к себе. Если тебя здесь застанут, нам обеим придется плохо.

Хана порывалась спросить, что она имеет в виду, но снизу донесся мужской голос.

– Уходи! – яростно прошептала Кейко.

Хана быстро вышла, подхватила стоящий у двери таз и скользнула в свою каморку. Тесное пространство быстро наполнилось вонью желчи. Хана подумала, не опорожнить ли таз в окно, но, вспомнив страх Кейко, отказалась от этой мысли. Она легла на циновку, в голове крутились зловещие слова соседки. В тот день никто так и не пришел, и Хана заснула,

обхватив руками пустой ноющий живот.

На следующий день она узнала, что подруга Кейко умерла в родах, но еще до этого поняла, зачем она сама здесь.

Сеул, декабрь 2011

Дочь мягко сжала плечо Эми, та проснулась. В глаза будто песку насыпали.

– Завтрак готов, – улыбнулась Джун Хви.

Эми уловила запах кофе, риса и жареного сига. В желудке у нее заурчало. Она с трудом поднялась с дивана, на котором заснула под утро, колени хрустнули. Снежок приветственно завилял хвостом и увязался за ней в ванную. Его вовсе не смущал ее утренний ритуал. Да они с этим песиком как давние сожители, будто знакомы много лет. Эми поплескала в лицо холодной водой, набрала в сложенные ковшиком ладони и промыла глаза. Освежившись, поманила собаку и зашаркала в кухню.

Дочь превзошла себя. Помимо двух тарелок с дымящимся рисом на столе красовался целый строй фарфоровых блюдец со всякой всячиной.

– Мой любимый панчхан!^[9] – обрадовалась Эми, изучая мисочки.

– Вчера все утро готовила, – призналась Джун Хви и села напротив.

Эми взяла палочки и попробовала фасоль. Восхитительно, тут же доложила она дочери. Какое-то время они ели молча, лишь Снежок то и дело напоминал о себе. Джун Хви угостила его кусочком рыбы.

После завтрака они перенесли кофе в гостиную, и дочь включила проигрыватель. По комнате растеклась фортепианная музыка, Джун Хви убавила звук.

– Красивая музыка, – сказала Эми.

– Это Шопен. Тебе и в прошлый раз понравилось.

– Да, очень красивая.

Джун Хви, улыбаясь, глядела в окно. Эми догадалась, что дочь ждет Лейн.

– Мама, ты точно не против Лейн? Не возражаешь, если она тоже пойдет?

– Я же сказала, что нет. И не беспокойся обо мне. А твой брат приедет?

– Нет, он работает.

– А мой внук?

– Он в школе. Мы с ними увидимся вечером, за обедом.

Джун Хви вздохнула. Эми показалось, что она расстроена. Вот только непонятно из-за чего. Эми сидела в ожидании, хотя уже допила кофе и пора бы одеваться.

– Мама, можно спросить?

Дочери пятьдесят восемь, а все еще боится заговорить с матерью. Эми не понимала, чем уж таким напугала она дочку в детстве.

– Конечно, о чем угодно.

Джун Хви отпила кофе и посмотрела на свою чашку. Облизнула губы и, не поднимая глаз, спросила:

– Ты была женщиной для утешения?

Между ними невидимой пеленой повисла тишина. Эми ответила не сразу, долго рассматривала свои руки.

– Ты поэтому, как ни приедешь, ходишь на демонстрации по средам?

[\[10\]](#) – продолжала дочь, напряженно морща лоб.

Эми потрогала столик. Гладкий и прочный. У нее сжалось сердце. Демонстрации по средам проходят еженедельно уже двадцать лет с тех пор, как о себе заявили так называемые женщины для утешения, хотя Эми бывает на них только раз в год последние три года. На демонстрациях требуют справедливости: японское правительство должно признать свои военные преступления, совершенные против тысяч женщин в период Второй мировой войны.

Война давным-давно закончилась, протесты тоже звучат много лет, а преступления по-прежнему остаются безнаказанными. Чем заслужить прощение? Выдать кого-то одного? Эми потерла грудь. Сердце немного отпустило. Сегодняшняя демонстрация – особенная, тысячная по счету.

– Мне-то почему не сказать? – Голос дочери дрожал от обиды.

Эми положила ладони на бедра. Она никогда не умела разговаривать с дочерью. Джун Хви – научный сотрудник, главное для нее – логика. Перед тем как принять решение, она все тщательно взвешивает, а потом исполняет задуманное, точно и аккуратно. Поэтому она и не пошла с Эми в море, не стала хэнё. Джун Хви предпочла университет, надеясь отыскать там мир, понятный ей, а Эми никогда не понимала вселенной, где обитала дочь. Точно так и Джун Хви не понять вещей, которые Эми всю жизнь от нее скрывает. Не хватит слов, чтобы объяснить дочери свое упорное молчание. Но и лгать она больше не может.

– Я никогда не была женщиной для утешения. Можешь не сомневаться. – Эми посмотрела на дочь в надежде, что этих слов хватит.

– Я... я не сомневаюсь в тебе, а просто... прошу рассказать о своей жизни. Поделиться прошлым. – Джун Хви все так же заглядывала в свою чашку. Вид у нее был смущенный, но и немного сердитый.

– Джун Хви, – тихо позвала Эми.

Дочь посмотрела на нее. Она не прятала гнев, будто бросала вызов

матери. Свирепая тигрица еще жива в ней, подумала Эми и ощутила прилив гордости.

– Я кое-кого ищу, вот и все. И надеюсь отыскать однажды.

– Кого? Это твоя подруга?

В мысли ворвалась девочка из сна. Эми видела юное лицо. Так кого она ищет? Девочку, исчезнувшую давным-давно? Женщину, состарившуюся на чужбине? Рассказав дочери правду, она распечатает склеп, который был заперт шестьдесят лет, и запереть его вновь не удастся. За его дверью обман, боль, страх, тревога, стыд – все, что она скрывала от детей, а с годами и от себя. И прошлое обрушится на нее тяжелым ботинком безликого солдата, вышибет из нее дух. Эми съежилась, плечи поникли, на дочь она смотреть не смела. Уставилась в линолеум, расписанный нежными белыми цветами.

* * *

Именно этот белый цветок и отправил Эми на первую демонстрацию. Три года назад Чин Хи уговорила ее пойти на церемонию открытия Чеджуйского Парка мира. Парк посвятили памяти о восстании сорок восьмого года, когда погибло двадцать тысяч островитян. Многих убили ни за что ни про что. Эми помнила царивший в деревне страх – каждый боялся прослыть коммунистом, красным. Всех заподозренных в симпатии к Северной Корее, которую поддерживал Советский Союз, отправляли в тюрьмы; их избивали, пытали, а после убили, когда переходное правительство Южной Кореи при поддержке армии США распорядилось казнить предполагаемых левых, что стало упреждающим ударом в начавшейся Корейской войне.

Эми было четырнадцать, когда их дом спалили. Ее деревня оказалась в числе многих, чьих жителей заподозрили в укрывательстве мятежников-леваков, сражавшихся за коммунистический Север. Она никогда не заговаривала об этом даже с лучшей подругой, но Чин Хи пережила то же самое. Та понимала, сколь болезненны воспоминания Эми, потому что тяготилась своими. Торжественное открытие Парка мира было первым шагом в попытке залечить раны, оставленные кровавым прошлым острова Чеджу, и Чин Хи не отставала, пока Эми не согласилась пойти.

– Твои кошмары сами собой не пройдут, – сказала Чин Хи как-то раз после затянувшегося утреннего лова.

Они сидели на рынке с уловом. День выдался удачный, Эми набрала

лишнюю корзину морских ушек.

– С прошлым надо бороться, – добавила подруга.

– Прошное есть прошное, – ответила Эми, наблюдая за покупателями.

Ее внимание привлекла маленькая девочка, уцепившаяся за палец матери. Явные туристы с материка. Лучистые глаза девочки остановились на ней. Малышка просияла, и Эми отвернулась. Кошмары уже давно ее терзали. Она не помнила, когда они начались, знала лишь, что после смерти мужа.

– С этим ничего не поделать, – вздохнула Эми.

– Вот же упрямая! Цепляешься за свой хён^[11], а он – за тебя. – Чин Хи негодуяще покачала головой и помахала рукой девочке, та прыснула и прикрылась ладошкой.

– Ничего подобного, – ответила Эми и принялась массировать больную ногу.

– Мы все туда поедem. Найдем фургон и поедem.

Эми промолчала. Она оглянулась на девочку, которая беззаботной пушинкой порхала вокруг матери среди шумного рынка. Эми ощутила укол зависти – как всякий раз при виде счастливого ребенка. Рану ее разбередило. Японская оккупация причинила страдания всем. Многие пережили Вторую мировую войну только для того, чтобы погибнуть на Корейской. Но те, кому удалось, как Эми, пережить обе войны, несли бремя бессилия и неутрахающего горя. Родных убивали, морили голодом, похищали; соседи шли друг на друга – все это было их хён. Каждый кореец знал, что это, и терпеливо нес свой хён, вселенское бремя. Хён несли все, и Чин Хи, и другие ныряльщицы, но то, как несла свое бремя Эми, никого не касалось.

Чин Хи коснулась здоровой ноги Эми:

– Упрямство мешает тебе обрести покой, не допускай этого.

Эми хотела возразить, но Чин Хи вскинула руки:

– Я заткнусь, обещаю...

– Вот и ладно, – сказала Эми, и поторопилась.

– Но только если поедешь с нами! – крикнула Чин Хи и прихлопнула в ладоши. – Иначе ты никогда не помиришься ни с собой, ни со мной!

Над торговым рядом взлетел ее знаменитый смех, на них оглянулись, и Эми осталось лишь улыбнуться.

Поездка к мемориалу оставила тягостное впечатление – рассказы, слезы, воспоминания о восстании и последовавшей за ним бойне. В то время многие ныряльщицы были детьми, многие потеряли родителей, дядюшек и тетюшек, братьев и сестер, дедов и бабок. Эми сидела впереди,

смотрела в окно и молчала. Слушала разговоры спутниц. Ее память затуманивалась при попытке вспомнить период после освобождения Кореи от японцев. Пятьдесят лет прошло, пятьдесят лет правительство замалчивало случившееся после ухода японцев, и вот теперь можно свободно об этом говорить. Но она не может. Не помнит. Она выжила и вырастила детей только потому, что вытеснила из памяти те трагические события. Из памяти, но не из снов.

– Все в порядке? – спросила Чин Хи, когда они приехали на место.

Эми пожала плечами. Чин Хи не унялась, кудахтала и кудахтала над нею, как наседка. Пришлось даже накричать на нее, чтобы оставила в покое.

На церемонии собралось больше пяти тысяч человек. Эми всматривалась в толпу, гадая, сколько из них жили на острове Чеджу и уехали из-за зверств соотечественников. Мимо прошла женщина с букетом белых цветов. Внезапно почудилось, что белые цветы повсюду, что все принесли их. Эми не понимала, чем ее так расстроили безобидные растения, но люди с цветами всё шли и шли. Она начала задыхаться. Схватила за грудь и вдруг осознала, что все идут в одну сторону, и двинулась следом.

Сердце снова забилося чаще, когда она приблизилась к группе людей, обступивших большой стол. Тот был усыпан белыми хризантемами – символами зарождающегося утра. Ворох цветов становился все выше, все новые и новые паломники несли их своим давным-давно сгинувшим мертвецам. Сочетание белого и темно-зеленого растревожило память, выпустило на волю воспоминание о другой, совсем давнишней церемонии. Эми увидела мать, та протягивала ей призрачный, белый цветок.

С того дня сны сделались живее и ярче. Чин Хи уже жалела, что заставила Эми поехать на церемонию поминовения павших. Но теперь Эми преследовали не только сны, ее тревожили воспоминания, которые она слишком долго держала под спудом. Воспоминания могли всплыть днем или когда она готовила завтрак, даже в море. Поначалу это были быстрые вспышки: девочка, плывущая к скалистому берегу; солдат, стоящий на камнях; затихающие вдали голоса. Со временем картины набрали силу, от них стало невозможно отделаться. Они мешали работать, не давали спать. Преследовали. Сквозь открывшуюся брешь воспоминания проникли в сознание и причиняли такую боль, что у Эми случился сердечный приступ. Врач посоветовал успокоиться и во что бы то ни стало избегать переживаний. Но воспоминания продолжали изводить, ей уже не удавалось их игнорировать. И потому в очередной раз отправившись автобусом в

Сеул к дочери, Эми улизнула и впервые пришла на демонстрацию, чтобы отыскать ту исчезнувшую девочку.

* * *

Тявкнул Снежок, и Эми вернулась в настоящее. Дочь ждала объяснений. Эми взяла собаку и прижала к себе. Коротко остриженная шерсть точно бархат на ощупь, от тепла собачьего тельца ей стало чуть легче.

– Мама?

– Это было давно, во время войны. Японцы забрали из нашей деревни девочку, и она не вернулась.

– Кто она?

– Дорогой для меня человек.

Дочь молчала, но гнев ее прошел, во взгляде лишь вопрос. Эми молчала. Она опустила пса на пол и осторожно встала. Заковыляла в спальню переодеться.

– Ты ведь знаешь, что я люблю Лейн? – раздался за спиной голос дочери.

Эми остановилась и оглянулась. Для нее дочь все та же девчушка, которую она учила плавать в холодной воде Южного моря. Как сейчас, она помнит ее идеально круглое личико, улыбающееся, когда они брызгают друг в друга и плавают кругами возле возвращающихся с промысла хэнё. Эми мечтала, что дочь когда-нибудь будет нырять с ней вместе, как дочки подруг со своими матерями. Но Джун Хви выросла так быстро и в голове у нее зароилось столько идей, что Эми не сумела угнаться за ее взрослеющим умом, полным новых и непостоянных мыслей. Худшим днем в жизни Эми-матери стал тот, когда дочь заявила, что не хочет учиться нырять. Следовало это предвидеть. Джун Хви совершенно не походила на остальных девочек. Вместо того чтобы погружаться в пучину, она витала в облаках.

– Почему мне больше нельзя ходить в школу? – спросила однажды дочь.

Ей было десять, она всего год проучилась на хэнё. Это был также последний год школьного обучения. Эми только что вернулась с дневного лова и разбирала на берегу добычу. Невдалеке копались в сетях другие женщины, и Эми знала, что все прислушиваются.

– Потому что я научу тебя всему, что нужно ныряльщице. В школе

этому не научишься.

Джун Хви ненадолго задумалась. Казалось, она тщательно взвешивает слова. Эми продолжала разбирать улов. Похвалилась, что морских ушек как никогда много. Чин Хи и еще несколько женщин поддакнули.

– Мама, – сказала Джун Хви, снова требуя внимания Эми.

– Что, дочка?

– Я решила... в общем, хорошенько подумав, я решила, что хочу ходить в школу, как старший брат.

Эми, потрошившая кальмара, прервала свое занятие. Долго смотрела на дочь, не говоря ничего.

– Не сердись, мама. Я все обдумала. Я хочу поступить в университет. Хочу стать учительницей.

– Точно? – Эми вновь принялась возиться с добычей.

– Да, мама. Точно-преточно.

Джун Хви уперла руки в узкие бедра и расправила худенькие плечи. Вскинув голову, она посмотрела Эми в глаза. Эми призвала все свою выдержку, чтобы не просить от гордости за свою глупую и такую упрямую дочь. И чтобы не выдать боли, которую ей причинили слова Джун Хви.

– В нашем роду все женщины становятся хэнё. Мы женщины моря. Это наше призвание. Мы не бываем учителями. Это наш дар и наша судьба. – Эми сверлила дочь взглядом, подчеркивая важность сказанного.

Джун Хви и глазом не моргнула.

– Так было до войны. Сейчас можно и по-другому. Я умная, и учитель говорит, что я даже умнее старшего брата, когда он был в моем возрасте. Он говорит, что я слишком умная, чтобы разменивать способности на такую работу и батрачить в океане, рисковать жизнью в морской пучине. Нет, мама, мое место в школе.

– Батрачить? – раздались удивленные голоса.

– Кто это называет нас батрачками?

– Как этого типа зовут?

– Твой учитель – мужчина, – сказала Эми строго. Остальные притихли. – И он не с нашего острова. Он с материка, а там понятия не имеют, кто такие хэнё.

– Правильно! – подхватили женщины.

– Мы ныряем, как это делали сотни лет наши матери, бабки и прабабки. Этот дар – наша гордость, и мы за него ни перед кем не отчитываемся. Ни перед отцами, ни перед мужьями и старшими братьями; даже японские солдаты были нам не указ. Мы сами добываем себе

пропитание, сами зарабатываем и живем своей добычей, которую дарует нам море. Мы существуем в гармонии с миром, а сколько учителей могут похвастаться тем же? Твой получает жалование из наших денег. Без нас, “батрачек”, он с голоду помрет.

Женщины дружно кивали, пока Эми говорила. Она замолчала, и послышались одобрителные возгласы, смех. Лицо Джун Хви сделалось пунцовым, руки сжались в кулачки, а на глаза навернулись – но не пролились – слезы.

– Неважно, что говорит учитель. Важно, чего хочу я, – сказала девочка. – Я уже поговорила с отцом, и он согласился. Я просто хотела сказать тебе. Сегодня я ныряла в последний раз. Отец уже заплатил за школу. И я когда-нибудь все равно поступлю в университет.

Отец. Настала очередь Эми залиться краской. У нее за спиной он поддержал бунт дочери против родового ремесла. С его стороны это стратегический ход, Джун Хви не ведает, что так он намерен утвердить свою власть над Эми. Нож задрожал у нее в руке. Другие женщины молчали, отвернувшись.

– Мне будет тебя не хватать.

Это была правда. Чин Хи подалась к Эми и придержала нож.

Слезы у дочери все-таки потекли, но от радости. Она обняла мать, прижалась к ней.

– Спасибо, мама! Ты не пожалеешь. Еще будешь мною гордиться!

Той ночью Эми не сомкнула глаз, лежа рядом с мужем. Он знал, что разговор состоялся, так как позднее побывал с дочкой в городе и купил школьные принадлежности и форму. Эми видела, как дочь улыбнулась ему перед сном, благодарная за возможность проститься с морем и не подозревающая, в чем ему помогла.

Сидя на крыльце и прислушиваясь к дыханию спящих домочадцев, Эми расплакалась – и от горечи, и от гордости. Горечь породил выбор дочери, а гордилась она силой ее характера, ибо решение было трудным. Из дочери получилась бы отличная хэнё. Среди сверстниц она дольше всех задерживала дыхание, быстрее всех плавала и так же проворно наполняла сеть. Реши она все-таки стать хэнё – обогнала бы Эми. Теперь этого уже не проверить. Эми всмотрелась в небо, пытаясь увидеть то, что видела дочь в окружающем мире. Ее приветствовала черная пустота, но в этой бездне имелось и утешение. Джун Хви искала материнского одобрения, хотя не нуждалась в нем. Ее решимость не перевесила потребность в материнском согласии.

Сейчас, глядя на Джун Хви, Эми видела ту девочку с решительным

взглядом, которая все еще ждет ее одобрения. Она нашла любовь – мало кому выпадает такой подарок – и теперь счастлива. В жизни Эми радостей было мало. Теперь, когда в ее стране демократия и своего рода мир, ей казалось справедливым, чтобы хоть дети были счастливы. Тогда разорвется замкнутый круг страданий, которые выпали на долю ее народа.

Эми улыбнулась дочери и, чуть подволакивая больную ногу, скрылась в спальне.

Дочь уже выстирала и выгладила розовые брюки, и Эми надела их. Натянула черный свитер и посмотрелась в зеркало. Оттуда глядела старуха. Эми смотрела на грудь и спрашивала себя, когда откажет невидимое сердце. Она коснулась зеркала, накрыла ладонью сердце старухи.

* * *

Лейн ждала их на улице. Холодный ветер трепал ее шарф. Она протянула Джун Хви пакет с кофейным печеньем.

– Мы уже поели, – чуть виновато сказала Джун Хви.

– А я бы пожевала, Лейн, – улыбнулась Эми.

– Я так и знала, мама. Это лучшее кофейное печенье в округе. Мы заказываем его в университете по особым случаям. Но берегитесь, а то подсядете на него.

Эми взяла из пакета печенье. Дочь приготовила такой вкусный завтрак, что она наелась до отвала. Да и к печенью она равнодушна. Вообще избегает сладкого с прошлого года, когда ей удалили четыре коренных зуба. Эми откусила и удивленно улыбнулась. Мягкое, как булочка с корицей. Доев, облизнула пальцы.

– Еще? – спросила Лейн. Нос у нее от холода покраснел.

– Нет, хватит одного. Очень вкусно.

– Идемте, пока не превратились в сосульки. – Дочь взяла мать и Лейн под руки.

Лейн быстро глянула на Эми, и та улыбнулась ей. В груди разливалось тепло, когда они плотным рядом шли к станции подземки. Дочь снова была похожа на маленькую девочку, спешащую с ней бок о бок. Она выглядела такой счастливой, словно с ее плеч свалилась тяжкая ноша, и вместо угрюмой немолодой женщины возник кто-то новый, радостный, легкий на подъем. Эми цеплялась за этот образ, не давая ему растаять.

Хана

Маньчжурия, лето 1943

Хана доедала на кухне завтрак, состоящий из жидкого риса и ошметков сухого кальмара, когда поймала на себе пристальные взгляды девушек. Именно их лица она видела вечером на стене вдоль лестницы. Сзади раздался голос Кейко:

– Пора тебя постричь. Чтоб была как все.

Она обошла ее и щелкнула садовыми ножницами. Хана уже простилась со своими красивыми локонами, которыми втайне гордилась. Кейко подняла ножницы, и Хана приготовилась к щелчку совсем близко от головы, но тут вмешался охранник:

– Некогда этим заниматься. Просто завяжи сзади. Кейко подчинилась, и охранник приказал всем расходиться по комнатам и ждать. Не глядя на Хану, девушки вымыли свои тарелки и направились к лестнице. Она двинулась следом, не зная, чего нужно ждать.

– погоди. – Солдат остановил Хану и достал из лежавшей на стойке сумки фотоаппарат. – Сядь вот сюда. – Он повозился с фотоаппаратом. – Не улыбайся, – и он дважды клацнул затвором.

Хана едва успела сообразить, что к чему. Солдат велел возвращаться в комнату и грубо подтолкнул к лестнице. Она поднималась, глядя на лица, смотревшие на нее со стены. Одной фотографии не хватало – пустая рамка с цифрой “2”.

Кейко стояла на пороге своей комнаты, словно поджидала ее, словно хотела что-то сказать, но при появлении Ханы опустила голову и молча скрылась за дверью. Хана дотронулась до таблички на своей двери. Ее фотографию повесят к другим. Это она номер два. Руки покрылись мурашками.

Сидя на циновке, Хана ловила звуки, которые доносились из-за тонкой деревянной двери. Послышались мужские голоса, поначалу далекие. Они звучали в нижнем зале, но постепенно становились громче, и вскоре уже казалось, что на второй этаж поднимается целая толпа. Хана боролась с желанием выглянуть, но лучше сидеть тихо, лучше думать, что если ее не слышно, то никто не догадается, что она тут.

Дверь распахнулась, и Хана увидела очередь из солдат – все они прибыли к новой Сакуре. Позже Хана узнает, что весть о появлении новой девушки распространяется по лагерю как лесной пожар и солдаты спешат с

утра пораньше – наперегонки, ведь каждому хочется опередить остальных.

Вошел первый. Здоровенный, уже спустил брюки. Хана не окаменела, как тогда, на пароме, с Моримото. Она завопила. Солдат опешил на миг, но тут же улыбнулся.

– Ладно-ладно, обещаю, быстро управлюсь. Я всегда управляюсь быстро.

Брюки упали на щиколотки, и солдат опустился коленями на циновку. Хана вжалась в самый угол. Солдат смотрел на нее, и его пенис медленно напрягался.

– А ты красавица, – сказал японец и схватил ее за лодыжку.

Хана брыкалась, молотила руками, но его это не остановило, он за ногу подтащил ее к циновке. Хана собралась снова закричать, но солдат уже навалился на нее. Тяжесть массивного тела расплющила ее, она извивалась и колотила его по спине кулаками, царапалась, укусила за плечо.

Солдат приподнялся, Хана постаралась вдохнуть, но от удара в живот из нее точно выпустили весь воздух. А солдат снова принялся за свое. Пока Хана задыхалась, он силой развел ей ноги и вторгся.

Она все никак не могла вдохнуть, а он уже двигался вовсю. Хана пыталась восстановить власть над телом, над легкими, руками и ногами, но те не отзывались, будто и не принадлежали ей вовсе. Наверное, вот так и приходит смерть.

Солдат внезапно замер, напрягшись всем телом, а затем медленно слез с нее. Хана перекатилась на бок, хватая воздух ртом.

– Я же сказал, что быстро управлюсь, – сказал японец и натянул штаны.

Он ушел, но тут же появился второй. Глянув на Хану, заорал:

– Эй, ты резинку не надевал!

– Она не просила, – долетел ответ.

Новый солдат фыркнул и схватил Хану за ноги. Брюки у него уже были спущены.

– Прошу вас, не надо, – взмолилась она, обретя наконец дыхание. – Помогите, помогите мне сбежать! Меня похитили, мне всего шестнадцать, помогите найти родителей...

Она не понимала, слышат ли ее. Он уже был внутри – стремительно, словно она его не о помощи молила, а просила действовать быстрее, энергичнее. Этот использовал все положенные полчаса. Когда вошел третий, у Ханы текла кровь. Она дотронулась до красной струйки, сбегающей по внутренней стороне бедра.

– Смотрите, что они наделали. – Хана показала новому солдату окровавленные пальцы.

Он спустил брюки, не глядя на нее, оттолкнул ее руку, перевернул на живот и овладел. Она кричала и кричала, но он не останавливался. Ни он, ни те, что пришли за ним. Хана затихла. Лежала неподвижно, пока японцы один за другим терзали ее тело.

Когда все закончилось и больше в комнату никто не вошел, уже стемнело. Хана лежала на окровавленной циновке в непроницаемой тьме. Ее полузабытые прорезал глумливый голос Моримото: “Я окажу тебе любезность и вскрою тебя. Будешь знать, чего ждать”.

* * *

Солнце медленно поднималось над деревянным забором, которым была обнесена территория вокруг дома. Стоя позади Ханы, Кейко обрезала ее длинные волосы. Над их головами провисали бельевые веревки, облюбованные мелкими желтыми птичками. Пичуги щебетали, сухой ветер ерошил желтые перья. Хана стояла на коленях и слушала птиц, ветер сдувал волосы ей на лицо. Хане было странно, что такие радостные трели звучат в месте, где царят ужас и боль.

– Ну вот и все, маленькая Сакура, – сказала Кейко, сухой тряпкой смахивая пряди волос с голых плеч Ханы. – Теперь ты такая же, как мы.

Она подняла зеркальце, которое умещалось в ладони, и Хана невольно посмотрела в него. Кончики волос доходили до плавной линии подбородка, но не это приковало ее внимание. Вокруг правого глаза лиловый синяк, а на левой щеке красная отметина в форме сердца. Нижняя губа рассечена и распухла, шея вся в ссадинах и синяках. Так вот как выглядит снаружи ее боль. Хана отвела глаза. Это больше не она, это уродина по имени Сакура.

Она провела пальцами по черной земле. Ногти обломаны, под ними набухли кровоподтеки. Если неподвижно стоять на коленях, то боль слабеет, но она не в силах перестать скрести землю. Все мышцы ныли, сокровенные места пульсировали. Хана еле спустилась по лестнице, когда ее разбудила Кейко. И вот теперь сидит в грязи и гадает, повторится ли все опять.

– Не надо сопротивляться, – наставляла Кейко. – Все было бы лучше, если бы ты лежала смирно. Тебя не оставят в покое, пока не насытятся. От сопротивления только хуже. Ты слышишь, Сакура? – Кейко положила руку на плечо Ханы.

Хана стряхнула ее. Перестала царапать землю. Вспомнила, как училась нырять; как однажды затянула с возвращением на поверхность, машинально вдохнула и набрала воды в легкие. Не оказись рядом матери – конец. Разрывающая легкие боль и страх утонуть закрепили урок на всю жизнь. Больше такого не повторялось. Даже когда на глубине кончался воздух, она всплывала медленно и держала себя в руках, хотя легкие готовы были взорваться. Хана научилась терпеть, потому что боль, когда она захлебнулась, была еще хуже. Боль – учитель. Но как смириться с тем, что она познала, как прекратить сопротивление? Это казалось невозможным.

– И давно ты здесь мучаешься? – спросила она.

– Слишком давно, – ответила Кейко.

В ее голосе отчетливо прозвучала горечь, Хана взглянула на японку. Кейко можно было бы назвать красавицей, если бы не болезненная худоба. Волосы угольно-черные, лишь серебристые прядки на висках. Она выше других девушек, всегда ходит в пестром шелковом кимоно, а не в простом, как у них, бежевом ситцевом платье. Хана потрогала подол кимоно. Ткань гладкая и приятная на ощупь.

– Когда-то я была гейшей, – сказала Кейко. – В Японии. Вела красивую жизнь, развлекала богатых дельцов. Это кимоно – подарок моего любимого покровителя.

Она огладила кимоно, напомнив Хане белого журавля, стоящего у воды, – голова царственно вскинута, птица безучастна ко всему вокруг: деревьям, небесным птицам, воздуху.

– А тебя откуда выдернули, маленькая Сакура? – спросила Кейко, пытливо глядя на Хану.

Для Ханы ее новое японское имя – как нож по сердцу. Всех девушек называли в честь того или иного цветка, и у дверей висят таблички, – всех, кроме Кейко.

– Кейко – твое настоящее имя?

– Конечно, но ты не ответила.

– Почему тебе его оставили, а у нас отняли наши имена?

– Не хочешь говорить, откуда ты, маленькая Сакура? – Кейко повела подрисованной бровью, но Хана молчала. Кейко взяла веник и принялась сметать волосы в кучку. После долгой паузы она все-таки сказала: – Тебе было нужно японское имя. У меня оно было сразу.

Глядя, как она сметает последние прядки, Хана подумала, что Кейко лжет. Деревянные таблички висят давно, резьба старая, гвозди заржавели. Девушкам предоставили комнаты и заодно – имена. Возможно, в комнате

Кейко всегда держат японскую девушку и находят новую, когда прежняя уезжает или умирает.

– Как же ты угодила сюда? – спросила Хана. – Тебя похитили?

Кейко застыла.

– Я постарела, – сказала она горько. – Старая гейша хуже обычной старухи. Это профессиональная трагедия. Я приехала сюда, потому что решила, что так будет лучше. Исполню долг перед Японией и послужу солдатам, а заодно выплачу долги, которые наделала с тех пор, как покровители перестали меня посещать.

Она смотрела через двор на жалкую хурму – ветви почти голые, деревце едва выживает в бедной почве. Внезапно Кейко поежилась и в упор взглянула на Хану:

– Не верь мужчине, которому должна деньги.

Хана подумала, что больше вообще никому не станет верить. Она смотрела на бороздки в земле, оставленные ее пальцами. Ее не волновали ни Кейко, ни таблички с именами. Она думала о том, что ее ждет завтра. Может, лучше умереть сейчас, чем снова и снова терпеть насилие, до тех пор, пока не скончается в родах, как та несчастная женщина.

– Пойдем, Сакура. Надо позавтракать. – И Кейко направилась к дому.

Через открытую дверь черного хода Хана видела девушек, евших в кухне за большим круглым столом. К косяку привалился вооруженный охранник. Девушки поглядывали на Хану, лица их выражали сочувствие. Она отвернулась. Эти полные жалости взгляды были невыносимы.

Ни Хана, ни ее родные никогда не знали подобной жалости. Народ в их деревне гордый, даже маленькие дети не позволяли себе плакать на людях. Непомеренные налоги съедали большую часть дохода от улова, но никто никогда не жаловался. Рыбаки и хэнё лишь подольше задерживались в море, занимались промыслом в любое ненастье, но сохраняли независимость. Каждодневный риск наполнял их жизнь смыслом. И она той же породы, по крайней мере Хана считала себя таковой. Ей и в голову не приходило, что у нее могут отнять независимость и гордость и превратить ее... в то, чем она стала.

Девушки явно обсуждали новенькую. До Ханы долетали обрывки фраз. Все девушки были корейками, но говорили на японском. Все старше ее, в основном лет за двадцать, разве что две выглядели почти ровесницами Ханы. Кейко явно самая старшая, и Хана, разглядев ее при свете дня, решила, что той за сорок. Входить в дом Хана не стала, села на землю недалеко от двери, и Кейко вынесла ей железную миску – рисовая размазня с крохами сушеного мяса. У Ханы ныл от голода живот, но к еде она не

притронулась.

– Ее беда в том, что она слишком сильная, – сказала одна девушка громко, чтобы услышала Хана. Звали ее Рико. – Я слышала, как она дралась, прямо львица.

– Так нельзя, – загомонили остальные.

– Лучше быть слабой и уступать, – сказала Хината.

За сегодняшнее утро Хана успела запомнить имена всех девушек.

– Им даже нравится нас лупить, – подхватила Рико.

– Настоящие звери, – вынесла вердикт Хината, и все умолкли, набив рты рисом.

– Наверное, из батрачек... – сказала Цубаки, прожевав, – вон плечи какие сильные.

– И ноги! – Хината повернулась к Кейко: – Ты знаешь, откуда она?

Хана поймала взгляд Кейко. Та смотрела с искренним состраданием, ласково.

– Оставьте ее в покое. Она скоро привыкнет, как все мы привыкли. Иначе не выживет.

Девушки закивали, виновато поглядывая на Хану. Она не чувствовала в них никакой враждебности, никакой злости. Их любопытство было искренним, но ей все равно казалось, что они ее предали. Они же знали, что произойдет, но ни одна ее не предупредила. Не попыталась остановить происходящее.

Хана вспомнила девушек из поезда. Что с ними случилось? Возможно, то же, что и с ней. Она ехала дольше всех, на место прибыла последней, последней все и узнала. Можно было бы посмеяться над собственной наивностью, но смех куда-то подевался. Будто обратился в неведомый ей иностранный язык. Хана вспомнила Сан Су. Как ее маленький труп зарыли в безвестном месте, вдали от дома. Хана завывала.

Из горла рвались звериные крики, и она не могла унять их. Желтые птички переполошенно сорвались с бельевых веревок и растворились в солнечном свете. Солдат велел заткнуть рот этой дуре. Кейко с Хинатой выскочили на улицу, сели рядом с Ханой, обняли.

– Тише, тише! – шептала Кейко, обхватив ее лицо ладонями. – Молчи, девочка, молчи.

Они обнимали, гладили ее по голове, но она отбивалась и продолжала выть в голос. Горло начало саднить от крика. Кейко влепила ей пощечину.

Тотчас воцарилась тяжелая тишина, но уже через миг из кухни донесся сдавленный плач. Солдат раздраженно рявкнул, приказывая всем разойтись по своим комнатам. Кейко увлекла Хану в дом, подтолкнула к лестнице,

провела в комнатку, где накануне умерла девочка, которой когда-то была Хана.

Сеул, декабрь 2011

Перед японским посольством волновалось людское море. Повсюду Эми видела плакаты со словами “Тысяча дней”. Еженедельные демонстрации начались в девяносто втором, но и к тысячной среде резолюции по выжившим женщинам так и нет.

Час был ранний, но демонстрантов и сочувствующих собралось изрядно, однако вели себя люди сдержанно, будто на похоронах великого вождя, когда толпа охвачена торжественной скорбью. Эми посмотрела на здание посольства. Все окна закрыты, жалюзи опущены. Она заметила, что и остальные смотрят на закрытые окна. И наверняка все, как она, гадают, на месте ли посольские работники? Следят ли они за происходящим на улице? Испытывают угрызения совести или радуются внезапному выходному? Может, все посольство укатило развлекаться на ее остров? Внутри поднималась горечь, опаляя желудок, точно угли, тлеющие после пожара.

– Вы как, не замерзли? – спросила Лейн. – Может, пойдем в палатку, там не так дует.

– Нет, мне и тут хорошо. – Эми не замечала, что дрожит, но после слов Лейн и в самом деле ощутила холод. Она сунула руки в карманы пальто.

– Сбегаю куплю какао, – предложила Лейн и исчезла в толпе.

Какой-то мужчина постучал по микрофону:

– Проверка, раз-два-три, раз...

Эми отключилась от происходящего. Мужской голос из колонок, гомон толпы, японцы, прячущиеся за жалюзи, – все отступило на задний план. Лишь от холода не удалось отрешиться. Он пробирался под одежду, жалил тонкую морщинистую кожу. Так же холодно было в ту ночь, когда она потеряла отца. Воспоминание застало Эми врасплох, пришлось его впустить.

Видеть смерть – ужасно и странно. Только что человек был здесь – дышал, думал, двигался, а через миг ничего не стало. Ни дыхания, ни мыслей, ни сердцебиения. Лицо застывшее, бесстрастное. Эми видела такое у отца, а секундой раньше его лицо искажал ужас. Он умер мгновенно. Эми лишь на миг закрыла глаза, просто моргнула, и он уже мертв.

Она никому об этом не рассказывала. Проще было не думать, не

вспоминать, вытеснить понадежнее, чтобы не переживать заново. Но теперь она слишком стара, и сил подавлять воспоминания у нее уже не хватает. Тело обветшало, рассудок тоже. Воспоминания всплывают постоянно, наполняя ее одиночество болью и сожалением. Чин Хи говорит, что застарелые раны бывает нужно вскрыть, чтобы зажили как положено, а Эми так и не оправилась от смерти отца у нее на глазах.

Стоя в гуще толпы, Эми сдалась, и перед ней возникло лицо отца. Его добрые, кроткие глаза смотрели прямо на нее, она видела его, каким он был всегда – жизнелюбивым, полным достоинства, большая редкость в смутные времена. Шел сорок восьмой год, Эми исполнилось четырнадцать. Корейская война еще не началась, но уже всюду шли ожесточенные партизанские бои. Стычки между бунтарями левого толка и полицией переросли в полноценные столкновения, и вскоре на Чеджу вспыхнуло восстание.

* * *

Полиция пришла в деревню под покровом ночи. За воем декабрьского ветра ее приближения не слышали. Удар – и входная дверь распахнулась. Ворвавшиеся полицейские вытащили Эми и родителей из постелей, выгнали на холод. Эми плакала, не понимая, что происходит, полицейские били и ее, и родителей, кричали, чтобы они заткнулись. Полицейские были молодые и злые. Эми не знала, чем провинилась ее семья. У нее не было ни старших братьев, ни дядюшек, которые могли бы воевать за повстанцев, ее семья попросту не могла хоть чем-то привлечь внимание полиции. Они были самыми обычными людьми, вот только их страну разрывали надвое могучие силы.

Полицейский схватил отца и поставил его перед Эми и матерью. Толчком вынудил опуститься на колени и приставил к горлу кривой нож.

– За укрывательство мятежников, – сказал он, и время остановилось.

Эми, не веря глазам, смотрела, как лезвие рассекает отцовскую шею слева направо. Хлынула кровь, заливая во тьме ночную рубашку черным. Отец не отвел от матери полных ужаса глаз, и Эми подумала, что он боится больше за нее, чем за себя. Затем глаза угасли, жизнь покинула их. Мать огласила воем небеса, с которых сыпалась ледяная крупа, но второй полицейский с силой ударил ее в висок. Она умолкла. Эми с криком поползла к отцу.

– Не умирай! – повторяла она опять и опять. – Папа, не умирай!

Полицейский оторвал ее от обмякшего отцовского тела. Эми попыталась вырваться, но он обхватил ее крепче, до синяков на руках.

– Не дергайся, а то и тебе перережу глотку, – предупредил он.

– Брось ее, перепачкаешься, она вся в крови, – сказал третий полицейский. Он выглядел старше других и казался главным.

– Я без этого не могу, когда убиваю, – ответил первый, выкрутил ей руки, и Эми опустилась перед ним на колени.

– Мы не закончили. Есть еще дома. Потом делай что хочешь. – Старший глянул на Эми и двинулся прочь.

Державший ее полицейский немного подумал. Затем сплюнул и кивнул. Пнул Эми в спину. Она упала на четвереньки, и он наподдал еще раз. Она растянулась на холодной сырой земле и закрылась руками.

– Вымойся к моему возвращению, – хохотнул он. Затем поддернул штаны и оправил куртку.

Они ушли так же тихо, как прибыли, подобно тиграм в ночи. Эми с матерью сидели на земле, обнимая труп отца и глядя, как горит их дом. Все случилось так быстро, что Эми не заметила, кто его поджег. Оглядевшись, она потрясенно увидела, что на холмах повсюду полыхают огни, а за воем ветра различила крики – а может быть, это кричала мать, но только у Эми в голове, потому что рот ей заткнули.

Полицейские спалили деревню почти целиком. Мать с Эми похоронили отца в неглубокой могиле, так как земля промерзла, засыпали песком, который ведрами натаскали с берега. Мать стояла у могилы на коленях и плакала. Пришли соседи – несколько старух и совсем уж древних стариков. Большинство молодых, включая мальчиков и девочек, увезли полицейские. Никому не хотелось думать куда. Люди желали одного – похоронить близких и найти кров. Эми не знала, почему тот старший полицейский выручил ее. Спас от страшной участи.

– Как же так можно со своими? – пробормотала старуха, когда Эми засыпала тело отца песком.

Старики завели речь о том, как боятся друг друга Советский Союз и Америка, но так и не объяснили братоубийства.

– Мы все корейцы, – сказала старуха. – Японцы ушли.

Ее лицо было исчерчено глубокими морщинами. Всю жизнь прожив под оккупацией, теперь она очутилась под новым гнетом. Вот и отец, подумала Эми, пережил японскую оккупацию, затем войну, но погиб от рук соотечественников.

Они с матерью побрели вместе с горсткой других выживших к берегу, прочь из деревни. Один из стариков сказал, что прожил на острове без

малого восемьдесят лет и знает пещеру, незаметную со стороны бухты. Мать еле выдержала путь, занявший весь день. Казалось, что она делает шаг, а умерший муж оттаскивает на два, держа ее на невидимом поводке. Эми ныряла уже пять лет, ее тело было стройным и крепким. Сила, обретенная в море, пригодилась и на суше – Эми на себе дотащила мать до убежища.

* * *

В пещере нашли приют девятнадцать человек. Нескольких Эми узнала, но большинство были с другого берега бухты. Она боялась за Чин Хи, свою лучшую подругу, – пережила ли та резню? Выйти из пещеры на поиски осмелилась только одна женщина – мать, отправившаяся искать дочь, которую увели полицейские, после того как подпалили дом. В пещеру она вернулась с пепельным лицом. Сколько ее ни упрашивали рассказать, что там снаружи, она молчала. Эми представила самое худшее.

Ночами эта женщина просыпалась с криком и звала дочь. Эми затыкала уши, чтобы не слышать.

Опасаясь полиции, они не разводили огонь и ночами замерзали, хоронясь в глубине пещеры. Эми с матерью спали вместе с двумя пожилыми женщинами, тесно прижавшись друг к дружке. Мужчины тоже ложились вместе. Но зима выдалась слишком суровой, и в скором времени начали умирать старики – неслышно отходили во сне.

Эми с матерью помогали относить ледяные трупы в дальний конец пещеры. Перед сном Эми заставляла себя вспоминать страшные истории, что так любила Чин Хи, словно воспоминания могли защитить подругу. Скорбя по отцу, заботясь об обезумевшей от горя матери, Эми жила надеждой, что и Чин Хи сейчас прячется в какой-нибудь пещере.

Ели они то, что находили в пещере, – мох со стен, насекомых, каких-то зверьков, которых изредка удавалось поймать, Эми подозревала, что это крысы. Через четыре недели, когда голод стал нестерпим, мать Эми решила, что пора возвращаться. Они покинули убежище, опираясь друг на друга и щурясь на январское солнце.

Ослабленные, едва живые, они добрались до своего дома по свежему снегу, мимо сгоревших до основания домов. Вокруг не было ни души. При виде обугленных руин родного дома, торчащих из пушистых сугробов, Эми не нашла в себе сил расплакаться. Сгинуло все. Без остатка. Место, где раньше жила ее семья, стены, хранившие память о каждом из них,

помнившие серьезное лицо сестры, слышавшие отцовское пение под цитру, впитавшие запахи еды, что готовила мать, – их больше не было.

Где теперь дух отца и тело сестры? Мать опустилась на колени и закрыла лицо руками. После долгого молчания Эми отвела ее туда, где они похоронили отца.

Могилу укрывал слой белейшего снега. По холмику зигзагами вились следы-веточки. Эми посмотрела в белое небо, там на холодном январском ветру парили чайки. Может, они навещали отца, чтобы почтить его отлетающий дух?

Мать стояла на коленях, склонившись и касаясь лбом снега. Она тихо всхлипывала, и Эми, опустившись рядом, обняла ее дрожащее тело. Оно исхудало, как у старухи. Матери не было и сорока, но война надломила ее – сперва отобрала старшую дочь, затем мужа. Вся ее жизнь ушла в мерзлую землю вместе со сгоревшим домом. Разрыдалась и Эми, оплакивая всех – живых и мертвых.

Внезапно до нее донеслись голоса, она замолчала и выпрямилась, прислушиваясь. Ветер стих, на смену свисту пришла мертвящая тишина, которую раскалывали пронзительные вскрики чаек. Снова слышались голоса – мужские.

– Мама, кто-то идет, – прошептала Эми.

Из-за пригорка показались стволы винтовок.

– Надо уходить. – Эми безуспешно пыталась поставить мать на ноги.

Сердце пустилось вскачь. Покидать пещеру было ошибкой. Главное – выжить, вернуться можно и позже. За косогором виднелась купа мандариновых деревьев, почерневших после пожара, можно спрятаться за ними и подождать, пока полицейские пройдут. Эми начисто забыла о следах, что останутся на снегу.

– Пожалуйста, мама, – взмолилась она. – Нам надо спешить!

Они пересекли косогор и спустились в мандариновую рощу, где сжались за самым высоким деревом. Холодный ветер уберег от огня ствол и корни.

Полицейские дошли до пепелища, голоса смолкли – наверное, ворошили давно остывшие угли. Эми сильнее прижала к себе мать.

– Глянь сюда, – позвал один.

– Что там? – спросил другой.

– Свежие следы.

Дальше – тишина. Эми представила, как они изучают их следы, как идут по ним, как через минуту-другую найдут их. Она совершила глупость, позволив матери вернуться. Она ведь знала, что мать не в своем уме, что

они обе обезумели от горя, но ей самой хотелось сбежать из пещеры, обратившейся в склеп. Так хотелось взглянуть, уцелел ли их дом.

Первым появился юнец в добротном тулупе и желтом шарфе.

– Ранена? – спросил он, подходя. Затем посмотрел на мать: – Ей плохо?

Эми не ответила, лишь теснее прижалась к матери, пытаясь прикрыть ее своим телом. Подошли еще двое, пристально и молча долго разглядывали женщину с девочкой. Эми сжалась в ожидании окрика, удара.

– Глухая она, что ли? – спросил один полицейский.

– По-моему, у нее шок, – ответил младший. – Все в порядке. Мы вас не тронем. Мы ищем выживших. Пойдемте с нами. Мы отведем вас в безопасное место.

Он протянул руку, и Эми отпрянула. Мать подняла голову и плюнула в парня. Тот отступил. Двое других заорали, наставили на мать винтовки.

– Нет-нет, стойте. Ничего страшного. Они просто боятся. Смотрите, они с головы до ног в саже... Следы вели сюда с могилы...

Он замолчал.

– Его убили, – сказала Эми.

Полицейские уставились на нее.

– Кто? – спросил парень с ласковым голосом. Он присел на корточки, чтобы их глаза оказались на одном уровне. – Ты видела, кто это сделал?

– Не говори ему ничего, – прохрипела мать.

Эми заглянула в ее темные глаза, потом снова посмотрела на парня.

– Они пришли среди ночи. Мы ничего не видели. Было темно.

– Ты уверена? – спросил он по-прежнему добродушно, даже участливо. Как будто искренне переживал.

Она кивнула. Он выпрямился и с минуту размышлял. Оглядел опаленные мандариновые деревья. Эми проследила за его взглядом и невольно вспомнила, как в жаркие летние дни они с сестрой бежали по тенистой роще и смеялись – просто так, от радости. Воспоминание застало ее врасплох, и тоска затопила сердце. Никогда она уже не увидит рощу прежней. Ничего не увидит прежним. Все исчезло.

Полицейский сделал глубокий вдох и с силой выдохнул через ноздри.

– Увести их!

Эми опешила. Ласковости как не бывало, ее сменил приказной тон военного. Двое других полицейских подняли Эми с матерью на ноги и повели прочь от рощи, от сгоревшей деревни. Проходя мимо отцовской могилы, Эми задержала взгляд на жалкой кочке. Она помнила отца высоким и крепким, он всегда нависал над ней горой, его большие руки

давали уютное чувство защищенности, но смерть стерла этот образ, теперь вместо него – едва заметный холмик, да и тот со временем исчезнет. Эми смотрела под ноги, пока ее вели мимо родных камешков и ракушек – добытых в море сокровищ. При виде грузовика она уперлась, но было поздно.

Полицейские отвезли их в участок, где оказалось не протолкнуться от людских тел – кто-то в форме, кто-то в окровавленном тряпье. Голоса сливались в какофонию гнева, боли и страха.

У стены сидела старуха, рядом лежал молодой парень, его окровавленная голова покоилась на коленях женщины. Старуха была словно неподвижный камень среди бушующего хаоса. Когда все тот же молодой полицейский потащил их в импровизированный зал ожидания, Эми вцепилась в руку матери. Люди плакали или сидели в полной прострации. Найдя им свободный клочок на полу, полицейский заговорил с офицером, устроившимся у двери за столом. Заполняя бланк, он несколько раз оглянулся.

Эми всматривалась в лица и никого не узнавала. Где ее соседи? Неужели все мертвы? Она отогнала эту мысль. Взглянула на мать, но глядеть в это ничего не выражающее лицо было нестерпимо.

Вернулся полицейский, Эми выпрямилась, надеясь показать свое презрение, но он ничего не заметил.

– Ждите, когда вызовут.

– Что мы такого сделали? – спросила Эми.

– Ничего, – ответил он неуверенно и откашлялся.

– Тогда зачем вы нас сюда привезли? – осмелела Эми, почувствовав его смущение.

Это снова был ласковый парень из мандариновой рощи, а не бесстрастный полицейский, закинувший ее в кузов грузовика.

– Не твое дело. Правительство знает, что делает.

– Мы не имеем отношения к...

– Кончай болтать! – Он схватил ее за руку. – Вы здесь потому, что я так решил. Больше вам ничего знать не нужно.

Эми сверлила его взглядом, пока он не отпустил ее руку.

Дежурный офицер поманил их, и молодой полицейский завел их в тесный кабинет. Когда дверь закрылась, внешний мир с его ужасом будто перестал существовать, обратился в смутное воспоминание. Эми огляделась. Большую часть комнаты занимал внушительный стол, за ним сидел человек в парадной форме. От лент и медалей рябило в глазах. Эми спросила себя, сколько ее земляков он убил и кого именно, чтобы

удостоиться таких почестей. Она молча рассматривала его, ожидая, когда он заговорит.

– Мне сказали, что ты хэнё. Это так? – спросил он, не поднимая головы от бумаг.

– Да, – сказала Эми, не понимая, как ему удалось так быстро выяснить, кто они такие.

– А это твоя мать? – Быстрый взгляд скользнул по Эми, пробежался по поникшей фигуре матери.

– Да.

– Она тоже хэнё?

– Да.

– А ты вполне покладиста, надо признать. Ты везунчик, Хён Мо! По-моему, она будет хорошей женой. Ну если правильно спрашивать! – Он усмехнулся и хлопнул ладонью по кипе бумаг на столе: – А как тебя звать по отцу?

Эми молчала. Он сказал “женой”? Она ничего не понимала.

– Ее отца звали Лян, – вместо нее ответил Хён Мо.

– Лян? Хорошее, крепкое имя. – Офицер записал, затем подтолкнул тетрадь: – Ладно, подпишись здесь. – И он протянул ей ручку.

Этот молодой полицейский знает, как звали ее отца. Эми смотрела на него во все глаза. У нее запылали уши, во рту пересохло.

– Девочка, возьми ручку и напиши свое имя – вот тут. Видишь? – Офицер вложил ручку в пальцы Эми.

– Что это? – пробормотала она. Оглянулась на мать, но от той не было толку – уставилась в пол.

– Твое брачное свидетельство. Подпиши.

– Да за кого же я выхожу? – изумленно спросила Эми.

– За него, за кого еще? – ответил офицер, указав на полицейского. – Давай-давай, у меня мало времени. Подписывай. Хён Мо, ты тоже распишись.

Эми повернулась к Хён Мо. Он был заметно старше, чем она, но все равно совсем еще молодой. Она должна выйти за него замуж? Эми стояла столбом, сжимая ручку, пока офицер вдруг не отвесил ей такую затрещину, что она полетела на пол.

– Ну-ка подними ее!

Хён Мо послушно поднял ее, поддержал и подтолкнул к столу. Казалось, он был не меньше Эми потрясен внезапной вспышкой начальства. У Эми горела щека, перед глазами все плыло.

– Подписывай! Хён Мо станет твоим мужем. А потом вся ваша троица

покинет мой кабинет, чтобы я занялся следующими гражданами. Подписывай – или я прикажу ему арестовать вас обеих, а в тюрьме вы, судя по виду, долго не протянете.

Мать Эми вдруг ожила. Склонилась над столом, вцепившись в край. Ее лицо выражало ненависть. Эми испугалась за нее. Но офицер лишь рукой махнул:

– Не суетись, мамаша. Жизнь твоей дочери в моих руках. Хоть слово – и я не задумываясь прикажу тебя расстрелять. – Он посмотрел на Хён Мо: – Скажи ей, чтобы подписала.

– Сделай, как он говорит, – с виноватым видом пробормотал Хён Мо.

Ручка дрожала в прыгающих пальцах Эми. Хён Мо показал нужную графу, и она вывела свое имя. Он взял у нее ручку и написал рядом: “Ли, Хён Мо”.

– Наконец-то. А теперь убирайтесь. У меня полно дел.

Хён Мо вывел Эми с матерью из кабинета. Они вновь пересекли участок, забитый измученными людьми, и вышли на январский мороз. Порывистый ветер остудил горящую щеку Эми. Она потерла ее рукой, все еще дрожавшей.

– Зачем? – спросила она, когда молчание стало невыносимым. Они возвращались к грузовику, который был припаркован возле участка. – Зачем ты насильно взял меня замуж?

– Наши сыновья унаследуют этот остров, – ответил Хён Мо. Он распахнул дверцу кабины и посадил мать Эми.

– Наши сыновья?

Эми никак не могла поверить, что она замужем. Что брак их настоящий. Как у ее родителей. Это не укладывалось в голове.

– Да, и через детей мы вернем твою землю.

– Мы?

– Полицейские. Мне, как многим, пришлось бежать с Севера, пока коммунисты не убили меня, как поступили с моими родными. Они отобрали у меня все. У всех нас. Поэтому мы с тобой поженились, чтобы вернуть утраченное, но главное – не пустить коммунистов на Юг, искоренить их семя. Это для твоего же блага... и во благо Кореи.

– Я не коммунистка, – пробормотала Эми растерянно.

Он смотрел на нее безо всякого выражения.

– Этот остров кишит коммунистами. И ты такая же, неважно, понимаешь это или нет. Но теперь ты моя жена и уже не опасна. Полежай.

Он придержал дверцу, но Эми не тронулась с места. Полицейские убили ее отца. Она снова была там, во мраке той ночи. Был ли среди них

Хён Мо? Не потому ли он явился искать ее на пепелище? Желудок свело, колени подогнулись. Хён Мо подхватил ее и помог забраться в кабину.

Эми сидела рядом с матерью, напрягая память. Ночь была очень темная, снежное крошево засыпало глаза, а страх мешал толком рассмотреть лица. Она примерила к той страшной картине образ Хён Мо, но нет, ничего знакомого. Она обязательно узнала бы убийцу отца. Хён Мо уселся за руль, и она уставилась на него, пытаясь отыскать его черты в тумане памяти.

Не обращая на нее внимания, он завел двигатель и без единого слова отъехал от участка. Эми тщетно сличала его с теми, кого видела той ночью. Наконец она медленно отвела взгляд. Эми не знала, куда везет их Хён Мо, да ей было и все равно.

* * *

Ежась от холода, Эми ощущала, как давят на нее годы. Нога нещадно ныла, боль вползала по задней части бедра, там закручивалась в спираль и жалила в сустав. Почти как память, только та жалила в сердце. Холод не помогает ни от старческих недугов, ни от страшных воспоминаний.

Вернулась Лейн с какао. Эми благодарно приняла стаканчик и с наслаждением почувствовала, как тепло проникает через митенки в пальцы. Она снова обвела взглядом лица вокруг. Что она ищет? Эми и сама толком не смогла бы ответить. Знакомую улыбку или жест, что угодно, что напечалит вдруг о детстве. Она трижды бывала на демонстрации и каждый раз надеялась увидеть, узнать, вспомнить. Вот и сейчас, прочесывая взглядом толпу, словно искала нечто столь же призрачное, как счастье.

Эми отхлебнула какао, горячая сладкая и густая жидкость обволокла рот. Ее дочь и Лейн молча пили какао, наблюдая за Эми, но не вмешиваясь.

Эми с тоской вглядывалась в толпу, надеясь, что кто-нибудь обернется и она увидит сестру.

Хана

Маньчжурия, лето 1943

Фотография Ханы теперь висела вместе с другими. Ее лицо обращено к посетителям, чтобы они знали: нужно встать в очередь к двери под номером 2, если выберут Сакуру. Простым солдатам дается полчаса, офицерам – час. Она как блюдо в меню – ее выбирают, оплачивают и потребляют.

Будни в борделе незатейливы. Подъем, мытье, завтрак, затем ожидание солдат. После девяти вечера подзадержавшихся мужчин выпроваживают. Тогда Хана моет использованные презервативы и моется сама, дезинфицирует и перевязывает раны, если такие появились. Потом девушки съедают скудный ужин, ложатся спать, а на завтра все повторяется. Хана обслуживает солдат по десять часов на дню шесть дней в неделю. Ее имеет по двадцать мужчин в день. Седьмой день предназначен для хозяйственных хлопот. Она прибирает комнату, стирает и чинит изорванное платье, наводит вместе с другими девушками порядок в борделе и ковыряется в чахлой грядке, поджидая доктора.

И никуда от этого режима не деться. Хане понадобилось две недели, чтобы смириться. Первая была самой тяжелой. Хана ничего не ела три дня кряду и три ночи безостановочно плакала. Позднее она узнала, что ей повезло – ее не отправили в подвальный карцер, куда иногда сажают непокорных или тех, кто заслуживает наказания посерьезнее порки. На третью ночь ее рыдания прервал стук в дверь.

– Хватит плакать, маленькая Сакура. Довольно. Это была Кейко. От испуга Хана замолчала. Кейко могли наказать за появление в ее комнате, отправить в подвальную камеру, о которой девушки рассказывали шепотом.

– Соберись! – сказала Кейко, суровый тон не соответствовал сочувственному выражению лица. Она нагнулась к Хане и отвела ей волосы с глаз. – Я знаю, о чем ты думаешь. Что тебе хочется умереть. Нам всем хотелось умереть в первые ночи. – Хана не ответила, и Кейко спросила: – Мечтаешь увидеть маму?

Маму. Нож в сердце.

– Я никогда ее не увижу. Я это знаю, – прошептала Хана, отворачиваясь. В голове зазвучали женские голоса с рынка. Даже если она переживет происходящее и вернется домой – что станет с родителями? Они умрут от горя.

– Если умрешь, наверняка не увидишь. Подумай о матери. Она так и не узнает, что с тобой случилось, и будет терзаться всю жизнь.

Перед глазами Ханы всплыло лицо матери, искаженное от горя, когда им доставили дядин меч. Сестру она спасла, а мать погубит. Нет, она вытерпит самую жестокую пытку, какую можно вообразить, но не уничтожит семью.

Но что дальше? День за днем она будет страдать, пока... сколько это продлится? До конца войны? Пока не забеременеет? Или пока не умрет? Мать и тогда не узнает о ее судьбе.

– Обещаю, что ты ее увидишь. Ты здесь не навсегда. Мы пробудем здесь сколько придется и разведемся по домам.

Кейко все говорила, но Хана уже не слушала. “По домам”. Дом казался недостижимо далеким – местом из снов. Да и найдет ли она дорогу домой? Неужели Кейко говорит правду и ее отпустят?

– Давай-ка приведем тебя в порядок.

Кейко объяснила ей, как следует подмываться, и, когда Хана не отреагировала, сделала все сама.

У Ханы не было сил ее остановить. Антисептический раствор обжиг сильнее, чем соленая вода при порезе, но Хана не издала ни звука. Кейко все говорила и говорила, как будто достаточно заполнить тишину – и все образуется.

– Война не продлится вечно, и ты здесь тоже не навечно. Соберись с силами, выживи, когда-нибудь тебя отпустят и ты вернешься к маме.

Хана посмотрела ей в глаза. Она не понимала, стоит ли верить этой многоопытной гейше, но та не отвела взгляд. Казалось, она вызывала Хану на спор. Хана не издала ни звука. После долгой паузы Кейко заговорила вновь:

– А раз ты поедешь домой, тебе надо следить за собой, пока ты здесь. Мыться после каждого солдата, съедать все, что дают, стирать одежду и прибирать комнату, чтобы не подхватить заразу от насекомых. Вот так мы и выживаем.

Кейко ушла, и Хана, снова улегшись на тощую циновку, уставилась в темноту и прислушалась к новым звукам вокруг – женщинам в их комнатах, скрипучей крыше, подвывавшему в стрехах ветру.

– Мама, заberi меня отсюда. – Она повторяла это в пустоту вновь и вновь, пока слова не превратились в монотонный речитатив, проникший глубоко-глубоко в мозг.

Прошло две недели, Хана уже привычно следовала советам Кейко, ей удавалось не думать о смерти. Взамен она думала об обещании Кейко: настанет день, когда их всех освободят и она снова увидит семью. Солдаты продолжали выстраиваться к ее двери. Они не били ее, если она лежала неподвижно. Им было будто все равно, жива она или мертва, – им было достаточно ее тела.

Хината посоветовала Хане особый чай для облегчения боли между ног и во всем теле. Хана сделала пару глотков, но ей не понравилось. Голову словно в туман окунули. И непонятно, спишь ты или бодрствуешь. Позже она узнала, что это опиумный чай, и больше к нему не прикасалась. В школе детям рассказывали про опиум, про то, что употребляют его только слабые да ущербные. В первую очередь – китайцы, извечный враг корейцев.

Хана отказалась от особого чая отчасти из страха привыкнуть, но в основном – потому что хотела сохранить здравость рассудка. Хината пила опиумный чай постоянно. Это был ее способ выдержать, выжить. Хана знала, что это не для нее. Она утратит ясность мышления и снова соскользнет к мыслям о смерти. Воспоминания о доме прочны, но прочна и каждодневная бордельная мука.

Отказаться от опиума – первый шаг к выживанию. Когда разум чист, она может укрыться в воображаемом мире. И как только приходили мужчины, Хана соскальзывала в фантазию, ныряла в морскую глубину. Солдат входил в нее, она задерживала дыхание, и ей казалось, будто она и правда под водой – перед рывком на поверхность, к воздуху. Она никогда не смотрела мужчинам в лица. Лучше вообще не считать их людьми. Это машины, которые она должна обслуживать. Рано или поздно это заканчивалось, потому что всегда все заканчивается, и она засыпала. Она сама управляет своим сознанием и выбирает, что туда впускать, а что – нет.

По утрам первая мысль Ханы – всегда о море. В голове ее шумели волны, разбивающиеся о скалистый берег. Встала ли уже мать? Что она делает – готовит завтрак сестре и отцу? Обычно мать варит рисовую кашу с морской капустой и рыбой, что остались от ужина. Иногда жарит яйцо, потом мелко-мелко режет и добавляет в кашу. Хана чувствовала солоноватый вкус, и рот наполнялся слюной. В борделе им редко дают что-то помимо пары рисовых шариков или миски водянистого риса, которые готовит старая китаянка. На дне, если повезет, можно найти немного

японских пикулей. Убогий огород часто разоряли солдаты, которые тоже были вечно голодные.

Воду брали из колодца в дальнем конце грязного двора. Девушки носили ведра по очереди, весь день. В свой черед Хана старалась как можно дольше растягивать хозяйственные работы. Даже пятиминутная передышка была в радость.

Если же идти за водой не ее очередь, то Хана находила повод получше подмыться, прежде чем принять очередного солдата. Если ее торопили, она, следуя совету Рико, заводила разговор о профилактике венерических заболеваний, а если не отставали, то лгала, что у предыдущего посетителя красная сыпь по всему телу, а то и гнойники. Обычно такое помогало, но иным солдатам было все равно. Эти были хуже всех. Хана быстро поняла, что с ними лучше молчать и подчиняться. Чем скорее они насытятся, тем раньше уйдут.

Вечерами Хана особенно тосковала по дому. Лежа на циновке и натянув до подбородка ветхое одеяло, она томилась по теплу тела сестренки, размеренному похрапыванию отца и беспокойным ворочаниям матери, которая и во сне искала морские ушки. Хана вспоминала своих подруг, хэнё. Ей до боли в сердце не хватало всех, кто остался дома.

Эти воспоминания угнетали и одновременно придавали сил. Они заполняли тишину тюрьмы и в то же время царапали, как острый нож. Боль напоминала о жертве. Не попади в бордель она, сюда угодила бы сестра. Хана вытерпит, чтобы однажды отыскать дорогу домой. Чтобы снова увидеть родные лица.

* * *

В свой первый хозяйственный день Хана встала пораньше, чтобы выстирать во дворе одежду. У двери ее остановил охранник:

– Вернись наверх. Скоро придет врач.

Хана спорить не стала. Вернулась к себе и стала ждать. Доктор ее еще ни разу не осматривал. Сначала явилась китаянка. Принесла кувшин с водой, наполнила таз и жестом велела подмыться.

Старуха ушла, а Хана задумалась, почему они с мужем заведуют борделем. Заставили? Они тоже в неволе? Ее мысли прервал негромкий стук в дверь.

Вошел военный, и Хана вскочила. Военный успокаивающе поднял руку:

– Я врач. Просто осмотрю тебя.

Он показал черный саквояж. Жестом велел сесть. Хана подчинилась, все еще готовая отпрянуть, забиться в угол.

– Открой рот. – Он осмотрел горло, зубы, десны и язык. – Хорошо, все в порядке. Теперь ложись.

Хана застыла. Она никогда не бывала у врача, да и человек этот вовсе не походил на доктора, ее пугала его военная форма. Она медленно легла на циновку. Он задрал платье, и Хана резко села.

– Что вы делаете?

– Мне нужно тебя осмотреть. – Если он и был оскорблен или возмущен, то виду не подал. – Ложись, согни колени и подними платье. Я должен осмотреть влагалище, не заставляй меня терять время.

– Нет, я не хочу, – Хана отодвинулась.

– Никуда ты не денешься. Я обязан раз в две недели осматривать всех. Мне надо проверить тебя на венерические болезни, инфекции, беременность, травмы. Это для твоего же блага. Ради твоего здоровья и ради здоровья солдат.

Хана пристально смотрела на него. Ради здоровья солдат. Вот зачем он здесь.

– Живо ложись, согни колени и подними платье. Хана сдалась. После этого осмотр пошел куда быстрее. Доктор вставил во влагалище что-то холодное, поелозил внутри нее пальцами, а потом побрызгал оранжевой жидкостью. Затем сделал укол в руку, объяснив, что это сыворотка, которая обезопасит ее от венерических болезней.

* * *

Прошло четыре недели, и однажды вечером во двор въехал джип с офицерами. Все были пьяны, двое на ногах не стояли, остальные кое-как, спотыкаясь, завели их в бордель. Вся компания направилась напрямик наверх, офицеры растолкали солдат и протиснулись вперед.

– Всем в казарму! – заорал капитан, перекрывая недовольный гул. – Мы принимаем командование этой заставой!

Стоявшие впереди зло запротестовали, мол, они уже несколько часов ждут. Солдат, что в тот момент находился с Ханой, соскочил с нее и выглянул за дверь. Один из старших лейтенантов уже обнажил меч, и в коридоре стало тихо, но никто не ушел. Солдат отступил от двери, оставив ее приоткрытой, и начал одеваться. Хана сдвинулась так, чтобы видеть, что

происходит за порогом.

– Прочь с дороги! – Лейтенант наставил клинок на рядового, стоявшего у двери первым.

Солдат в потертой форме отступил на шаг, поклонился, но уходить не спешил.

– Какие-то затруднения, рядовой? – осведомился капитан, становясь рядом со старшим лейтенантом. Вдвоем они производили эффектное впечатление. Оба выше среднего, а медали сверкают как драгоценности.

Солдат будто в размерах уменьшился.

– Нам утром на передовую, господин капитан, – тихо проговорил он.

– Вот как?

– Так точно, – раздалось сразу несколько голосов.

– Что ж, рад слышать. Старший лейтенант, вы рады?

– Еще как. Рядовой, очень ценные оперативные сведения. – Лейтенант ухмыльнулся.

Капитан подступил к солдату вплотную. Остальные попятились.

– А кто, по-твоему, поведет тебя в бой, солдат? Есть какие-нибудь соображения? Кто же эти командиры, хотелось бы знать? Кто возглавит атаку и умрет первым, если бой не задастся?

Солдаты двинулись к лестнице, не дожидаясь конца этой тирады, но несчастный и еще несколько человек стояли навтыжку.

– Так точно, господин капитан, приношу извинения. – Солдат отдал честь.

– Извинения? Вы слышите, старший лейтенант? Он извиняется. – Капитан захохотал дрожащему солдату прямо в лицо и подступил еще ближе: – Я твою голову на штык насажу, если захочу. В назидание остальным, чтобы не были такими невежами и не перечили офицерам. Кланяйся!

Солдат склонился в низком поклоне, открыв беззащитную шею. Старший лейтенант прижал к шее клинок и надавил. Заструилась тоненькая, с волосок, ниточка крови.

– Как прикажете поступить? – спросил лейтенант, глядя на командира.

Солдат затрясся. Бритвенно-острая кромка врезалась глубже. Кровь каплями стекала с шеи, марая воротник.

– Ладно уж, – сказал капитан, – у меня нынче хорошее настроение. Не хочу портить вечер. Пусть убираются.

– Вы слышали капитана! Убирайтесь! – прорычал лейтенант. – Все! Пока я не посадил вас за неподчинение!

По ступеням загрохотали башмаки. Последний солдат быстро

выскользнул из комнаты, вместо него зашел лейтенант. Хана увидела, как капитан шагнул к соседней двери – Кейко.

Не глядя на офицера, Хана молча ждала, когда он приблизится. Она старалась не замечать ни меча в правой руке, ни шаткой походки. У многих девушек есть шрамы – следы, оставленные пьяными. Стены тонкие, и Хана уже слышала, как такое происходит. Офицер опустился перед ней на колени и приказал встать. Дрожа, Хана подчинилась. Он смотрел на треугольник волос между ее ног. Подался вперед, будто изучал, кончик меча пробежался по лобку.

– Это надо убрать. Стой смирно, а то порежу.

Он брил ее клинком, до крови царапая нежную кожу. Хана вздрагивала под скребущим холодным лезвием. При порезе она закусила губу.

– Вы все заразные, – бормотал лейтенант. – Никакой гигиены. У вас полно паразитов, не хватало еще подцепить.

Хана закрыла глаза. Это она заразная? В борделе все болезни от солдат. Это солдаты – заразные животные, из-за них девушек подвергают унижительным медосмотрам и так накачивают лекарствами, что руки опухают и немеют. Этот офицер сам заразный. Хана зажмурилась посильнее, чтобы не выплеснуть ярость.

Закончив брить, лейтенант отбросил меч и приказал Хане подмыться. Она прошла в угол к тазу с водой, в котором ей было велено замачивать использованные презервативы, и присела над ним. Вымылась, вытерлась полотенцем. Офицер наблюдал. Велел тереть сильнее, еще раз подмываться, чтобы уж наверняка. Удовлетворившись, приказал помочь ему раздеться. Оставшись голым, упал навзничь на подстилку и потребовал, чтобы Хана села верхом.

– Скачи до Ясукуми!^[12] Завтра я могу погибнуть и хочу увидеть святилище, куда отправится душа!

Он был слишком пьян, чтобы кончить. Через час бессмысленного совокупления он спихнул ее с себя и впал в глубокое забытие.

Солдаты часто зывали к японскому святилищу в Токио, и Хане в новинку не это, а пренебрежение. Офицеры остались на всю ночь. Хана лежала на циновке, слушала раскатистый храп лейтенанта и от ярости не могла заснуть. Она бодрствовала до самого утра, прислушиваясь к его дыханию. Каждый вдох вызывал у нее отвращение; каждый выдох, полный винных паров, отзывался тошнотой.

Разбудил лейтенанта крик петуха. Окончательно проснувшись, он приказал Хане одеть себя. Когда она завязала шнурки, он отшвырнул ее пинком. Хана так и осталась лежать в углу, надеясь, что от похмелья он

слишком слаб и больше ничего ей не сделает. Лейтенант пригладил всклокоченные волосы и вышел из комнаты. В коридоре он громко позвал командира. Вскоре оба уже спускались по лестнице, со смехом обсуждая ночные впечатления. Услышав стук входной двери и шум отъезжающего джипа, Хана тихо сошла в кухню.

За ней следовала Кейко.

– Я слышала, что он с тобой делал, – прошептала она Хане в ухо.

Хана промолчала.

– Дай посмотрю.

– Заживет, – отказалась Хана.

– Перестань. Если он сильно тебя порезал, начнется заражение. Идем, – настаивала Кейко. Она отвела ее в кладовку и закрыла дверь. – Подними платье.

Хана послушалась. Кейко втянула воздух сквозь зубы и покачала головой:

– Эта тварь тебя располосовала.

Потом смочила дезинфектантом полотенце, осторожно промыла раны и успела завершить к появлению других девушек.

– Никому не рассказывай, – попросила Хана, не глядя на Кейко.

– Почему? Их надо предупредить.

– Пожалуйста, я не хочу, чтобы меня еще больше жалели.

Кейко взяла лицо Ханы в ладони и заглянула в глаза. Руки у нее мягкие, сильные, а взгляд пронизывающий. С кухни доносилась болтовня. Хана испугалась, что кто-нибудь заглянет в кладовку, но и Кейко ей огорчать не хотелось. Она не отстранилась.

– Жалость – это доброта, – сказала Кейко. – Мы все достойны жалости, но в этой проклятой стране ни у кого ее не найдет. Поэтому нас унижают и мучают. И только мы можем дарить друг другу крохи добра.

Хана задумалась. Девушки не сделали ей ничего плохого, но они и не так добры к ней, как Кейко. Все они корейки, как и Хана, но почему-то она не чувствует к ним близости. Возможно, оттого что замкнулась в себе, ни с кем ничем не делится, а потому и не получает взамен ничего. Погруженная в свои страдания, она забыла, что и другим не лучше. Разницы между ними нет никакой. Все они мучаются в этой страшной тюрьме. Возможно, ее признают, если она откроется, перестанет прятать все в себе. Ее примут в свой круг, увидев в ней, как в зеркале, самих себя – кровоточащих, запятнанных.

Кейко вышла из кладовки. И тут же туда сунулась Хината – узнать, в чем дело. Хана не стала прикрываться. За Хинатой маячило лицо Рико.

Хината зажала рот ладонью. Хана закончила обрабатывать раны и вышла в кухню. Все девушки уже сидели за столом и явно ждали ее. Когда она села, Цубаки налила ей рисовый чай. Снимая с плиты кипящий чайник, Цубаки принялась рассказывать, как один офицер перед отправкой на передовую вздумал вырезать штыком свое имя у нее на спине.

– Он не погиб, как боялся, – говорила Цубаки, сузив глаза. – Вернувшись с фронта, появился посреди ночи сюда. Я отказалась его обслуживать. Но он пригрозил меня убить. – Она покачала головой. – Ну я вырвала у него штык, он и глазом не успел моргнуть, а я раз – воткнула ему штык в шею. – Цубаки улыбнулась. – Мы зарыли его в огороде, а сверху разбили грядку.

Девушки захихикали, прикрывая рты.

– Потом охранник допрашивал нас – и куда это подевался посреди ночи офицер? Мы прикинулись, что знать ничего не знаем, – сказала Кейко.

– А это нетрудно, когда о нас столь невысокого мнения, – подхватила Хината, и все засмеялись уже в открытую.

– В тот год выдался богатый урожай, а сейчас огород захирел. Может, повторить? – Цубаки толкнула Кейко в плечо. – Так что если этот лейтенант не погибнет и вернется, дай мне знать, и я помогу с ним разделаться. Уж полакомимся потом морковкой!

В кухне грянул дружный хохот, даже Хана не сдержала улыбку. Первую с того дня, как покинула дом.

Сеул, декабрь 2011

Демонстранты уже скандировали. Размахивая плакатами, кричали: “Япония должна признать свои преступления! Требуем репараций для наших бабушек!” Какой-то мужчина надрывался в мегафон:

“Признайте ваши военные преступления, никакого мира с Японией без признания вины!” У самых ворот посольства кто-то выкрикивал: “Все войны – преступления против женщин мира!”

Кирпичное здание будто пряталось за кованой оградой. Полицейские перед ним выстроились шеренгой. В их бесстрастных лицах ни намек на человечность.

– Надо было и нам сделать плакаты, – сказала Лейн. – У всех что-то есть.

Эми огляделась. И правда – никого с пустыми руками, даже у детей есть плакатики.

– Наверное, их где-то тут делают, – предположила Джун Хви. – Может, в палатке? – Она указала на белую палатку, установленную возле импровизированной сцены.

Стулья, расставленные перед сценой, были обтянуты плакатами с призывами к “репарации”, “признанию преступлений против человечности”, “признанию вины”, “признанию нарушения Женевской конвенции”. Большие динамики вхолостую шипели в наэлектризованную атмосферу.

– Посмотрим? – предложила Джун Хви и потянула Эми за руку. – А, мама?

– Что? – встрепелась Эми.

– Может, и нам взять плакаты?

Они втроем направились к палатке. Внутри их приветствовали две женщины, они стояли за большим столом, на котором были разложены чистые листы ватмана и маркеры. Лейн взяла красный маркер и принялась чертить на белом листе японские иероглифы. Эми восхищенно наблюдала, как из-под руки Лейн выплывают ровные линии.

– Ты знаешь японский? – спросила Эми.

– Знает, и еще мандаринский, – ответила за подругу дочь.

Эми одобительно покивала, не понимая, к чему американке эти языки. И что погнало ее в такую даль от дома, зачем окружила себя

чужеземцами? Лейн оглянулась на Эми и протянула ей маркер:

– Хотите тоже?

Эми отрицательно качнула головой. Дочь сосредоточенно выписывала английские слова, как будто не желала отставать от Лейн. Эми их не прочесть.

– Для телекамер, – пояснила Джун Хви и показала на выстроившиеся вдоль улицы телефургоны.

Сбоку от сцены собралась группка женщин преклонных лет, и Эми не терпелось на них взглянуть. Она незаметно для всех покинула палатку, направилась к сцене. Больная нога давала о себе знать, боль усиливалась, и Эми шла медленно, но не останавливалась. Она узнала двух старушек – видела их на предыдущих демонстрациях. Выжившие. Две другие ей не знакомы, и она подошла поближе, чтобы всмотреться в лица.

Ее ровесницы, а то и постарше. Время не пощадило их некогда красивую кожу. Сомневаясь, что сумеет узнать сестру, Эми следила за жестами. Та, что пониже, размахивала рукой в красной митенке. Другая раз за разом кивала розовой шапочкой и ковыряла землю остроносым ботинком. Эми надеялась на дежавю. Вот первая рассмеялась. Знаком ли ей этот смех – может, чуть более мелодичный в юности?

Эми вытянула шею, чтобы лучше разглядеть старушку в митенках. Та что-то рассказывала и жестикулировала, потом снова рассмеялась. Необычный смех – скрипучий, резкий. И незнакомый, нет. Эми переключилась на вторую. Эта чуть выше, но стояла к ней спиной. Эми успела сделать несколько шагов в сторону, надеясь увидеть лицо, когда женщина вдруг развернулась. Обе старушки уставились на Эми.

– Мы знакомы? – спросила одна.

– Нет, вряд ли, – растерянno пробормотала Эми.

– Точно? Идите к нам, – позвала женщина в красных митенках.

Эми неуверенно оглянулась на белую палатку. Лейн внутри беседовала с организаторшами, а дочь еще возилась со своим плакатом. Старухи перешептывались, не сводя глаз с Эми. Она решительно двинулась к ним. Нога приволакивалась больше обычного, не желая подчиняться, как ни старалась Эми. Сейчас бы в воду – суставы расслабятся, и наступит некоторое облегчение.

– Вы же не в первый раз здесь? Я вас помню, – сказала одна из женщин со знакомым лицом.

– В прошлом году, мы виделись в прошлом году, – согласилась Эми.

– Да, припоминаю. – Женщина посмотрела на ее ногу. – Вы кого-то искали. Подругу?

Эми вспыхнула. Она правда помнит или говорит из вежливости?

– Да, подругу. Хану. Ее зовут Хана.

– Хана. Кто-нибудь помнит девушку по имени Хана?

Женщины засовещались, Эми ждала, когда они перенесутся в то страшное время, полное для них общих воспоминаний.

– Я знала Хинату, – сказала одна из незнакомок, та, которой Эми прежде не видела.

– Хинату? – рассеянно повторила Эми, изучая старческое лицо и пытаясь представить его молодым, когда морщин не было, ища в глазах узнавание.

– Да. Подсолнух по-японски, – пояснила старушка.

– Нас всех называли цветками, а не настоящими именами, – сказала другая с горечью.

– Я до сих пор ненавижу цветы, – подхватила третья.

– И я. Больше не радуют.

– Слишком много воспоминаний.

– Никто из нас не знал друг друга по настоящему имени, – сказала женщина в митенках. – И вашу подругу не вспомнят, если она ни разу не назвалась своим настоящим именем.

– Но, может, она рассказывала о доме... или обо мне? Меня зовут Эми, Эмико.

Женщины повторяли ее имя и поочередно качали головами.

– Она была с острова Чеджу. Хэнё, – сказала Эми, будто это решало все.

– Хэнё? И ее увезли в такую даль? – ахнула одна.

– Да отовсюду везли, – ответила другая. – Даже из Китая, Малайзии и с Филиппин.

– И голландки были. Помните, выступала?

– Да, голландка. Храбрая женщина, не побоялась рассказать о себе правду.

Эми вспомнила фотографию этой голландки в газете. Как и многие “женщины для утешения”, она больше полувека скрывала от родных историю насилия над ней и унижения. Но после того как в девяносто первом мрачные показания дала первая кореянка – тоже “женщина для утешения” по имени Ким Хак Сун, – за нею последовали другие. Им не верили и клеймили как проституток, ищущих легкой наживы. Именно тогда заговорила и голландка Ян Рюфф О’Герне, которая рассказала свою историю в девяносто втором году в Токио на международных общественных слушаниях по военным преступлениям Японии, – и Запад

принял ее рассказ к сведению.

В то время Эми еще не была готова признать, что пустота в ее сердце вызвана исчезновением сестры. Как и того, что сестра оказалась в числе этих женщин.

– Мама? – подошла Джун Хви, вооруженная новеньким плакатом.

– Это ваша дочь? – спросила женщина в красных митенках.

– Да, это Джун Хви. – Эми горделиво улыбнулась. Женщины обменялись вежливыми приветствиями, но Эми уже потеряла интерес. Они ей не помогут. Она отвернулась и снова принялась разглядывать толпу, пытаясь уловить что-то знакомое: поворот головы, смех, походку – все, что может напомнить ту юную девушку.

Женщина в красных митенках вдруг отделилась от группы и подошла к Эми:

– Вы знаете, куда ее увезли?

– Мне говорили, что, наверное, в Китай или Маньчжурию, но точно я так и не выяснила.

– Должно быть, вы были очень близкими подругами, если ищете спустя столько лет. Глубоко соболезную.

Эми отсутствующе кивнула, вспомнив, как мать рассказала ей все, что знала о Хане.

* * *

Был холодный январский день, прошло уже несколько месяцев после исчезновения Ханы. Родители боялись оставлять Эми одну на берегу и даже дома. Солдаты вернулись в деревню вскоре после похищения Ханы и увели еще двух девушек из семейств, проживавших за мандариновой рощей. Тем днем Эми училась нырять на глубине. Ей было всего девять, и мать не спускала с нее глаз.

– Здесь они хоть, глядишь, и потонут, если вздумают отнять тебя у меня, – сказала мать, когда они выплыли на глубину.

Предыдущее лето выдалось необычайно засушливым, и многие в деревне пострадали. Однако ныряльщицы не голодали, так как даже зимой работали дольше. Они оставались в студеном море по два, а то и по три часа против обычных полутора, после грелись на берегу у костров. Эми научилась держаться за буй и караулить сеть, пока мать погружалась на глубину. Ближе к берегу мать разрешала нырять с ней на пару, и Эми собирала вдоль рифа устриц и морских ежей. Эми приучилась к воде

быстрее, чем ожидала мать. Она ведь была слабей старшей сестры, да и плавала средне. Но у нее попросту не осталось выхода, и она буквально ворвалась в новую жизнь. Мать выглядела довольной – единственная радость, какую она выказала после исчезновения Ханы.

После затянувшегося утреннего лова они неторопливо поплыли к берегу – выложить добычу и передохнуть у костра. Эми нашла на рифе устрицу и, выбравшись на песок, вскрыла ее ножичком. Внутри оказалась жемчужина, вросшая в мясо.

– Жемчуг! – воскликнула она и протянула раковину матери.

Ныряльщицы придвинулись посмотреть на находку.

– Ха! – сказала одна. – Такая мелочь, что и кудахтать не над чем!

Мать тоже глянула на крошечную жемчужину.

– Жаль, что ты нашла ее сейчас, а не через несколько лет. Была бы великолепная жемчужина. Вот незадача! – Она покачала головой и снова занялась подсчетом и сортировкой улова.

После похищения Ханы мать сделалась молчаливой, отрешенной, но, даже отдалившись от дочери, она не отпускала от себя Эми, и той бывало даже не поиграть с друзьями.

– Через несколько лет ее бы здесь не было, – с негодованием сказала одна женщина. – Японские ловцы ничего нам не оставляют. Радуйся своему камешку, Эми. Может, это последняя жемчужина в наших водах.

Эми подняла бусину к зимнему солнцу. Она еще никогда не видела жемчужин вблизи и знала всего двух ныряльщиц, которым повезло их найти. Японцы опустошали устричные отмели уже тридцать лет, занявшись этим, как только оккупировали Корею. Теперь хэнё добывали морскую капусту, ушки и прочую живность на большой глубине, где японцы не утруждались ловлей.

Что было бы, найди она устрицу не этим утром, а через несколько лет, как сказала мать? Подставив шарик солнечным лучам, Эми покатила его между пальцами.

– Жаль, что с нами нет Ханы, – вздохнула она. – Вот бы порадовалась за меня!

Она поцеловала жемчужину и уронила ее в песок. Услышав имя Ханы, мать выпустила из рук морского ежа, которого чистила, втянула сквозь зубы воздух и сверкнула глазами на Эми. Остальные ныряльщицы отвели взгляды, давая им побыть наедине и в то же время не трогаясь с места. Эми, не смутившись враждебностью матери, сказала:

– Ты никогда не рассказываешь, что с ней случилось. Почему?

Мать нагнулась за ежом, быстро выковыряла ножом съедобное мясо, а

остатки швырнула на песок. Ни слова не говоря, она перебирала, потрошила и считала.

Эми дрожала от холода. Обычно она помогала матери, чтобы побыстрее доставить улов на рынок, после чего они шли домой принять горячую ванну и переодеться. Но сейчас Эми слишком разозлилась, чтобы оставить тему.

– Ты же знаешь, что с ней стряслось? И поэтому даже имя не произносишь! Скажи, куда ее увезли.

Мать даже глаз не подняла. Яростно вспарывала ножом очередную добычу. Швырнув на песок еще одного выпотрошенного морского ежа, она судорожно вздохнула. Эми приготовилась к взбучке, но мать молча глядела на океан. Эми проследила за ее взглядом, прикрыв глаза козырьком ладони. Казалось, что волны замерзли под ледяным взором матери и белые буруны замерли вдали. Время словно остановилось. Смолк даже ветер. Эми и ныряльщицы притихли, предчувствуя бурю. Мать наконец посмотрела на дочь:

– Ее забрали на передовую в Китай, а то и в Маньчжурию, нам этого никогда не узнать. Но я знаю, что она не вернется.

Эми меньше всего ждала ответа на свой вопрос.

– Так ты знаешь, где она? Ты все это время знала? – громко выкрикнула она. Ныряльщицы съежились, словно желая исчезнуть. – Тогда почему папа не вернет ее?

– Тише, девочка. Ты не понимаешь. Он не может ее привезти. Только не... оттуда.

– Раз так, я сама поеду! Я не боюсь. Только скажи, где искать!

Эми вскочила, готовая немедленно отправиться на поиски сестры.

Мать схватила ее за локоть:

– Поздно. Ее увезли на передовую. А это значит, что Хана уже мертва.

Она произнесла это так буднично, что Эми оцепенела. Колени ослабели, и она опустилась на камни. Волны начали разбухать, ветер снова взвыл. В небесах дурашливо загалдели чайки, а женщины принялись переговариваться, разгоняя неловкость.

Эми смотрела в непроницаемое лицо матери, не понимая, как расценить услышанное. Она знает или предполагает? От напряжения Эми не заметила, что сжимает нож за лезвие.

– Что ты делаешь? – вскрикнула мать, кинулась к дочери и выхватила нож.

Из глубокого пореза сочилась кровь. Пока мать перевязывала рану лоскутом, который оторвала от своей купальной рубашки, Эми все

всматривалась в нее. Наконец голос к ней вернулся.

– Зачем ее отвезли на фронт? Она же не солдат. Она девочка, а на войну берут только мальчиков.

Мать молча завязала импровизированный бинт и усадила дочь к себе на колени. Она обдумывала ответ, поглаживая руку своей младшей. Ветер усилился, и тонкие кости Эми заломило от холода.

– В мире есть вещи, которые тебе незачем знать, и я буду ограждать тебя от них, сколько смогу. Это мой материнский долг. Больше не спрашивай. Хана мертва. Тоскуй по ней, оплакивай ее, но никогда не заговаривай про нее.

Мать резко встала, поставила дочь на камни, взяла ведро и пошла прочь. Когда она оглянулась, Эми поняла, что нужно идти следом. Пусть больше не будет сказано ничего, но мать ни за что не оставит Эми одну.

Когда на рынок пришел отец, Эми отправили с ним домой. Она не сумела объяснить ему, на что рассердилась мать. Они пообедали рыбным супом с морской капустой и устричными грибами. С тех пор как забрали Хану, отец притих. Больше не пел, не читал стихов и даже забросил любимую цитру. Порой он перехватывал взгляд Эми, и они обменивались грустными улыбками, не зная, чем подбодрить друг друга.

Мать вернулась с рынка ближе к ночи. Эми не спала, сидела с отцом.

– Идем, дочка, – позвала мать, едва переступила порог, точно знала, что Эми не спит.

– Куда? – спросила Эми, опасаясь, что та еще сердится из-за расспросов о сестре.

– Ты тоже, муж.

Втроем они направились к морю, дорогу освещали только звезды. Шум волн, далеко внизу разбивавшихся о скалы, подсказывал, когда свернуть, чтобы не свалиться в пучину. Приблизившись к краю скалы, Эми поняла, где они находятся. Это был высокий выступ, нависавший над берегом и черными камнями, где она сторожила улов много месяцев тому назад.

Мать зажгла и поставила на камни масляную лампу. Затем раскрыла котомку и достала цветок – хризантему, символ скорби корейцев. Имперская печать Японии имела вид желтой хризантемы – символа власти императора. Эми не знала, что подразумевалось первым – власть или скорбь. Отец поднял лампу, освещая цветок, и на фоне мглистого неба вспыхнула большая белая звезда.

– Мы посылаем этот цветок морскому богу-дракону во имя Ханы, нашего дитя и дочери моря. О великий, помоги ее духу, чтобы она нашла

путь в посмертной жизни, направь ее к нашим предкам.

Мать бросила цветок со скалы, и тот навсегда канул в небытие. Совсем как Хана.

Мать повернулась к Эми и приказала выполнить сэбэ^[13] – поклониться морскому богу-дракону. Все трое обратились лицом к морю и сделали по три глубоких ритуальных поклона. Затем постояли на прощанье, со слезами моля всемогущее божество упокоить душу их девочки.

Возвращение в тепло родного дома было медленным и похожим на сон. По дороге Эми вспоминала ритуал гут, которым давным-давно посвящали в хэнё сестру. Эми было всего четыре, но она помнила, как кружили ленты шаманки, как у нее самой ныло сердце от желания вместе с сестрой стать хэнё.

“Скоро, сестренка, ты встанешь здесь, а я буду рядом и поприветствую тебя...” В памяти эхом прозвучали слова, произнесенные той ночью сестрой.

– Ты соврала, – прошептала Эми и впервые почувствовала, что Хана и правда мертва.

В тот миг она решила впредь не думать о сестре, ибо сердце грозило разорваться от боли. Задохнувшись, Эми согнулась тогда пополам и упала на колени, говоря сестре последнее прости.

* * *

Эми вспоминала эту боль, стоя перед старушкой в красных митенках. Отголосок боли был жив и поныне. Мгновение, когда цветок упорхнул со скалы, потрясение при виде этого, а после – определенность, которая наступила, как только она до конца поверила в смерть сестры. С тех пор она тоже, как эти старые женщины, не радуется цветам, и особенно невыносимы ей хризантемы, белые они или желтые. Взглянув на женщину в красных митенках, она отогнала воспоминания. Смирненное терпение этой незнакомой старухи согрело сердце Эми.

Хана

Маньчжурия, лето 1943

Шли недели, и Хану, несмотря на сближение с остальными девушками, засасывала мертвящая рутина. Единственное разнообразие вносил склочный петух. Престарелая китайская чета держала кур взаперти – те несли яйца, которых девушкам не давали ни разу. Хана возненавидела взъерошенную тварь, нагло разгуливающую по двору.

Петух охотился на нее всякий раз, стоило ей выйти. Когда она стирала платье, подлая птица подкрадывалась сзади и с силой клевала в ногу – до крови. И проделывала это столь быстро, что Хана не успевала обернуться и пинком отогнать врага. Бывало, она набирает из колодца воду, а петух запрыгивает на спину, когда она нагибается, и Хана пугается, роняет ведро, и приходится все повторять. Птица была будто одержима злым духом, полным решимости превратить ее жизнь в еще больший кошмар.

Каждое утро, когда петух орал, Хана просыпалась с мыслью о духе Сан Су, который преследует ее. Она пробовала помириться с петухом, даже носила в кармане горстку риса, чтобы задобрить птицу. Петух исправно склевывал зерна, а затем долбил клювом ладонь.

Как-то, месяца через два, петуший вопль выдернул Хану из зыбкого сна посреди ночи. Лежа во тьме, она ждала, когда мерзавец заорет снова, так как в его обычае было кукарекать трижды с немалыми паузами, заканчивая нотой особенно долгой и пронзительной, но ничего не происходило. Хана даже засомневалась – да петух ли ее разбудил. Может, была другая причина.

Две звездочки, имен которых она не знала, слабо мерцали между железных прутьев узкого окна. Темное небо подсказывало, что уже далеко за полночь, но и рассвет наступит еще не скоро. Хана вслушивалась в тишину, в привычные звуки борделя. Под порывами ветра скрипит потолок, за половицами стрекочут сверчки, за стенам шебуршат мыши – все как обычно. Внезапно внизу стукнула дверь, чьи-то шаги в зале.

Для смены караула слишком рано, это происходит на заре. Шаги приглушенные, а охрана не заботится о тишине. Наоборот – солдаты будто заявляют о своем присутствии и топают по деревянным полам, не думая о спящих наверху девушках.

Осторожные шаги достигли лестницы, все ближе, ближе, и вот они замерли у ее двери. Хана натянула одеяло до подбородка. Это не офицер.

Офицеры обедают, пьянствуют и устраивают церемонию по выбору девушки, которую потом ведут наверх. В узкую щель под дверь проник слабый свет фонаря. Хана пожалела, что погнушалась солдатами, искавшими ее расположения, и не выбрала покровителя. Если есть покровитель, то внеурочные посещения запрещаются из опасения, что мужчина, предъявивший права на девушку, отомстит. Возможно, это какой-нибудь отвергнутый ею солдат, который явился проучить ее... Как ему объяснить, пока не убил, что в отказе не было ничего личного и она одинаково брезгует всеми?

Дверная ручка повернулась, и Хана закрыла глаза. Дверь открылась, скрипнув, Хана ощутила на сомкнутых веках свет. Она постаралась расслабиться, изобразить глубокое дыхание, чтобы грудь поднималась и опускалась в равномерном ритме. Фонарь погас. Комната погрузилась в темноту. Снова шаги. Щелчок двери. Хана перестала дышать.

В стропилах привидением завывал ветер. Бордель словно ахал под его ударами. Хана открыла глаза и уставилась во мрак, на черный силуэт у двери. Совершенно неподвижный. Сверчки умолкли, а мыши, кажется, застыли на полушаге. Наступившее безмолвие заполнялось быстрым дыханием незваного гостя.

Он сделал шаг, и Хана крепче вцепилась в одеяло. Черный силуэт надвигался, и она, не сдержавшись, села и отползла в дальний угол.

– Не бойся, – раздался шепот. – Это я.

Голос Хана узнала мгновенно и отчаянно затрясла головой. Человек замер у окна. Слабый свет падал на лицо. Моримото.

– Это я, – повторил он, опускаясь перед ней на колени. – Наконец-то я пришел за тобой.

Он дотронулся до ее дрожащего колена, тепло его пальцев пронзило кожу ударом электрического тока. Хана отшатнулась, съежилась, снова затрясла головой, отгоняя ненавистный призрак. Чудовище, что вторгается в ее сны, что заставляет ее снова и снова переживать случившееся с ней, все-таки явилось. Каждое утро она дает себе слово, что если еще раз увидит Моримото, то пырнет его в самое сердце – или погибнет.

И вот этот момент наступил, но от ее решимости не осталось и следа. Она никак не могла унять дрожь. Хане хотелось исчезнуть. Он потянулся к ней другой рукой, и ей пришлось стиснуть зубы, чтобы не закричать.

– Я вернулся за тобой, – прошептал он, привлекая ее к себе.

Хана была в замешательстве. Он решил, что она обрадуется его появлению? Она попыталась вырваться, но Моримото быстро оказался на ней, прижал к голому полу.

– Что же ты упираешься? – Он уже не старался понизить голос до шепота. Если Кейко не спит, то услышит. – Ты что, не поняла? Я пришел за тобой.

Его почти неразличимое в темноте лицо нависло над ней, и Хана заполнила черноту образом, который сохранился в памяти. Портретом мужчины, который первый ее изнасиловал и назвал это любезностью, а затем обрек на нескончаемый кошмар. На ад. Моримото – это Гангним, бог смерти, жнец, явившийся по ее душу.

Он уже расстегивал ремень. Хана извивалась под ним, а он возился с пуговицами брюк. Она толкнула его в грудь, и он чуть не свалился с нее. Восстановив равновесие, Моримото впечатал кулак ей в живот. Хана скрючилась, не в силах вдохнуть.

– Не вынуждай меня повторять, – сказал Моримото, спуская брюки до колен.

– Я закричу, – выдавила Хана между мучительными вдохами. – И вас накажут, если ночной охранник найдет.

Моримото прижал ее к полу и снова взгромоздился сверху. Его лицо надвинулось, они почти соприкоснулись носами.

– Я и есть ночной охранник.

* * *

Когда все закончилось, Моримото вытянулся рядом. Хана повернулась к нему спиной, чтобы он не видел ее слез. С тех пор как она угодила в бордель, ею воспользовалось без счета мужчин – больше пятнадцати только в первый день. Она ненавидела их всех. Их похоть ей была отвратительна. Ее тошнило от их страха перед смертью, от разговоров о победоносной войне их императора. Она желала им всем медленной мучительной смерти и загробных страданий. Но ненависть, которую она испытывала к Моримото, превосходила все остальное. Эта ненависть пожирала, выжигала душу, и Хана могла лишь дать волю гневу в беззвучных, яростных слезах.

Его дыхание выровнялось – похоже, уснул. Хана вытерла лицо уголком ветхого одеяла. Сверчки опять завели свою песню, а мыши снова засуетились под расшатанными половицами. Хана была в отчаянии. Она не властна над капризами и желаниями Моримото. Если ему будет угодно посетить ее среди ночи, то он посетит. Если захочет бить до потери сознания в каждый визит, то так и сделает. Она не хозяйка своему телу.

Мысли перенесли ее к колодцу за огородом. Если броситься вниз головой, то можно лишиться сознания от удара, а потом захлебнуться. Она так и видела, как слетает по лестнице, выбивает на кухне стекло и мчится через двор, пока не спохватился Моримото, а дальше изуродованная, бесчувственная погружается в черную воду. Это пока ей по силам. Вот как можно вернуть власть над телом.

Хана встала. Она дрожала, оставшись без тепла, что исходило от Моримото. Японец перевернулся, и Хана выждала, пока он снова задышит ровнее. Колодец маячил перед глазами. Если повезет, смерть будет быстрой, безболезненной и ей не придется терпеть прикосновения Моримото. Убедившись, что он спит, Хана переступила через его обнаженное тело и скользнула к двери. Половицы оглушительно скрипели, каждый шаг словно взрыв в ночной тиши. Хана была уже почти у двери, когда послышалось: “Дочка, проснись”.

Руки и ноги покрылись мурашками. Голос матери. Так близко. Хана закрыла глаза и прислушалась.

“Пора”, – сказала мать, и Хана вдруг ее увидела. Она дома, мать рядом, уговаривает ее проснуться. Хана чувствовала, как материнская рука осторожно трясет ее за плечо. Она открыла глаза. И вернулась в реальность – она стояла в камере, выбирая между жизнью в борделе и свободой, которая ждет ее на дне колодца.

“Давай”, – прошептала мать, и Хана окунулась в воспоминания. Она снова маленькая, ей одиннадцать.

Ветер кружил в стропилах, проникая в щели, и Хана вспоминала, как извивалась на берегу шаманка – белые ленты, танцующие на соленом ветру, рука сестры в ее руке. Хана пообещала, что когда-нибудь они будут нырять на пару. Она считала, что иначе и быть не может. Она не сомневалась, что однажды, стоя на берегу, будет наблюдать за посвящением сестры в хэнё. От образа сестры, стоящей в лучах рассвета, по телу Ханы растеклось тепло. В эту минуту ей ничего не хотелось сильнее, чем увидеть, как становится хэнё ее маленькая сестра Эмико.

Хана вернулась на матрас к Моримото. Ложась с ним рядом, сказала себе, что если ей суждено умереть, то пусть это случится при попытке к бегству, а не в колодце. Остаток ночи она лежала без сна, рисуя себе побег.

* * *

В последующие недели Моримото приходил каждую свою ночную

смену. Хана поначалу пыталась сопротивляться, но он всегда без труда справлялся с ней, а перед уходом оставлял на теле отметину – на память. Однажды он едва не задушил ее. После этого Хана перестала упираться. Моримото приходил и уходил когда вздумается. И она ничего с этим не могла поделать.

Со временем он все больше раскрепощался, разговаривал с ней как с любовницей, а не пленницей. Похоже, ее покорность и бессилие смягчили его, и он уже не вел себя с ней точно свирепый зверь. А как-то раз заговорил о войне, до чего она ему надоела.

– Император приговорил своих солдат к смерти. Американцы бьют нас на юге Тихого океана. Неизвестно, знает ли он вообще о наших потерях.

Моримото завел привычку резко высказываться о политике, императоре, войне, пока Хана его раздевала. Говорил он хоть и негромко, но отнюдь не шепотом, и Хана нередко гадала, слушают ли его другие девушки или не обращают внимания. Они никогда не заговаривали с ней о его ночных посещениях. У Ханы создалось впечатление, что происходящее в номерах вообще не подлежит обсуждению, если только не пролилась кровь.

– Мне нужно выбираться из Маньчжурии. Нет у меня желания подыхать за безнадежное дело. Ни за императора, ни за кого другого.

Странно было слышать такое от японского солдата. Большинство из тех, кого принимала Хана, почитали императора за бога. Они с радостью сложили бы к его ногам свои головы, если божество того пожелает. Лишь единицы выражали недовольство, но это были люди надломленные, психически неуравновешенные. Из тех, что повидали резню, сами зверствовали немало, и что-то в них сломалось. Хана решила, что, наверное, и Моримото из таких искалеченных солдат.

– Я заберу тебя с собой, – однажды сказал Моримото.

Когда он разглагольствовал о бегстве из Маньчжурии, Хана напоминала себе, что эти речи наверняка приманка – так он пытается привязать ее к себе. Ее отвращение к нему никуда не делось, но желание вернуться домой было сильнее любой ненависти, а потому она внимательно слушала.

– Сбежим с тобой в Монголию. У меня там есть знакомые. Связи. – Он положил ей на бедро ладонь, и Хана с трудом сдержалась, чтобы не отстраниться. – Что скажешь? Поедешь со мной?

Хана молчала. Он впервые так прямо спросил ее. Может, это ловушка. Если она скажет, что хочет покинуть бордель, он отправит ее в карцер, а если ответит, что нет, – изобьет. Куда ни кинь, всюду клин.

– Ты слышала меня? – повысил он голос.

Пальцы Моримото впились ей в плечо, и Хана догадалась, что он ее провоцирует – пусть только попробует его огорчить.

– Если вам это будет приятно, – прошептала она. Его пальцы разжались, скользнули, поглаживая, по руке.

– Мне это будет приятно. – И он поцеловал ее взасос.

Хана всегда задерживала дыхание, когда Моримото ее целовал или ласкал. Иногда она не дышала так долго, что чуть не падала в обморок. Иногда считала про себя, чтобы проверить, сколько времени выдержит. Пока ее рекорд – сто пятьдесят две секунды. Сегодня он кончил быстро и скатился с нее на восемьдесят четвертой. Пока он одевался, она смотрела мимо него, воображая самые разные варианты побега, которые придумала на случай, если он и правда выведет ее из борделя.

* * *

– Не ходи.

Они с Кейко стояли во дворе на коленях и мыли в тазах презервативы. Только что обслужили солдат и вот теперь приводят в порядок единственный барьер, который оберегает их от беременности и болезней. Хане противно прикасаться к этим штукам. Солдаты ушли, их не будет всю ночь, но кажется, они еще здесь – оставили частицу себя, чтобы Хана не забывала, что завтра они вернутся. Как будто можно об этом забыть. Они всегда возвращаются.

Хана сосредоточилась на куске мыла, исключила из сознания объект обработки.

– Не понимаю, о чем ты.

– Не лги мне. – Кейко взяла Хану за руку. – И не бросай меня. Ему нельзя верить. Он не лучше других. Они что угодно скажут, только бы получить что хотят. Играют в любовь, клянутся, что помогут убежать, – чтобы ты вручила им свое сердце. Лживые посулы. Лишишься ноги... или больше.

Хана осторожно высвободила руку и вернулась к работе.

– Я никогда их не слушаю.

Пронзительные глаза Кейко сузились:

– Даже капрала Моримото?

Хана пришла в замешательство, услышав это имя от Кейко. Они ни разу не обсуждали его ночные визиты. Она посмотрела на Кейко, пытаясь

понять, что та чувствует. Страх, гнев или... неужели ревность из-за того, что такой, как Моримото, посещает Хану, а не ее?

Она молчала.

– Учись на моих ошибках: никогда не верь мужчине. Тем более здесь. – Кейко выудила презервативы из таза и вылила мутную воду на землю. Не сказав больше ни слова, скрылась в доме.

Хана осталась наедине со своими мыслями. Неужели она и в самом деле хоть на секунду поверила в искренность Моримото? В то, что он не заманивает ее в ловушку лишь для того, чтобы насладиться затем, наказывая ее? Или в то, что он не помешанный и не толкает их обоих к смерти?

* * *

Взгляд Ханы был прикован к чистому ночному небу. Стоя на цыпочках и вцепившись руками в прутья решетки, она пыталась подтянуться как можно выше, чтобы заглянуть через подоконник. Путь в заусеницах ржавчины царапали ладони. Маньчжурское лето коротко, и лицо уже холодило ветер. На родном острове еще сезон дождей, ночной воздух влажен. От вулканических скал, из осколков которых сложен и ее дом, тянет жаром раннего сентября, там Хана уже взмокла бы от усилий. Острый запах маньчжурских лугов разогнал эту картину.

Хане почти удалось увидеть тропинку за стеной. Было слишком темно, но Хана знала, что она там есть. Днем она не раз видела эту дорожку, протоптанную сотнями солдатских ботинок. Хана отпустила решетку и осела на пол. Подтянув колени к груди, она смотрела на аккуратный ряд лунок на ближайшей к стене половице. Ее пальцы помнили каждую отметину, старательно врезанную в истертую древесину: двадцать четыре... сорок восемь... восемьдесят три. Она покарябала половицу ногтем, отмечая еще один день, сменившийся ночью. Восемьдесят четыре дня. Пальцы ощупывали свидетельства ее заточения, но голова была занята происходящим за дверью. Хана прислушивалась, однако в борделе царила тишина. Возможно, и правду говорят, что решимость заглушает обычные звуки, – Хана будто погрузилась в океан, где только вода давит на барабанные перепонки, порождая ровный гул.

Ее размышления прервали шаги. Моримото внизу, собирается уходить. У Ханы участилось сердцебиение. Он сказал, что уйдет на пять минут раньше и не станет запираť ограду на ключ. До прихода нового охранника

у Ханы будет целых пять минут, чтобы обрести свободу.

Моримото наконец-то объявил свои условия: Хана должна последовать за ним, в его объятия. Та же смерть, только на новый лад.

Глядя на дверь, Хана слушала, как он расхаживает по общим комнатам. Она бесшумно подобралась к двери, открыла. В коридоре тихо. Обычно девушки спят как убитые, но все же лучше быть поосторожнее. Переступая через скрипучие доски, Хана добралась до площадки и вслушалась. Моримото уже у черного хода. Взвизгнули петли, дверная ручка чуть скрипнула. Хана перегнулась через перила, напрягая слух, дожидаясь знакомого щелчка ключа в замке, стука засова и последующей тишины. Но слышала только, как на улице насвистывает Моримото. Звук постепенно удаляется.

У нее оставалось меньше пяти минут до появления другого караульного. Хану разрывали сомнения. Если ее обнаружат вне комнаты, то накажут десятью ударами хлыста, а потом бросят в карцер. Но если поймут, что она собралась бежать, то отпилят ногу. Здесь нет ни судьи, ни присяжных, здесь только солдаты. Но страх не перевешивал тоски по дому. Скучают ли по ней родители? Ищут ли ее?

Босые ноги замерзли. Сколько прошло времени? Минута? Две? Хана крадучись вернулась в комнату. В тайнике под пропитанной потом циновкой хранились все ее ценности, тщательно завернутые в тряпицу сокровища: монеты, которые швыряли благодарные солдаты, золотая цепочка, подаренная их командиром, кем-то забытое кольцо, серебряный гребень – подарок еще одного безымянного солдата. Надолго этого не хватит.

– Разве ты не хочешь, чтобы я тебя увез? – спросил Моримото перед уходом.

Он сиял как само солнце, буквально излучал уверенность. Ей оставалось только кивнуть, чтобы потешить его самолюбие, легчайшее движение – и он бы, удовлетворенный, ушел.

Она не смогла это сделать, как ни старалась. Рассудок взывал – кивни, чтобы убрался поскорее! Она же оцепенело смотрела на него, рискуя выдать свое отвращение. Он даже растерялся. Выражение уверенности на лице сменилось тревожной нахмуренностью.

– В чем дело, моя маленькая Сакура? Ты мне не веришь? – Моримото крепко сжал ее руки.

Останутся синяки, подумала Хана и моргнула, приходя в себя. Покорно склонила голову.

– Кто я такая, чтобы не верить вам? – произнесла она так тихо, что

усомнилась, сказала ли это вслух.

Он отпустил ее, снова довольный собой, и вышел из комнаты.

Прижимая к груди жалкое свое имущество, Хана думала, что он уже за оградой, прячется во тьме под мостом, ждет ее. Он не сомневается в ее послушании. Она бросила последний взгляд на темное окно, моля мироздание о помощи. Совсем рядом раздался отчетливый голос матери: “Всегда смотри на берег, когда всплываешь. Если видишь сестру, то тебе ничего не грозит”. Да, она видела ее – вот она стоит на берегу... Эмико.

Хана стиснула зубы. Зачем об этом думать сейчас? Но лицо матери упорно маячило перед глазами, вот появились лица сестры и отца. Вот они все – призраки, стоят перед ней в ее камере, словно ждут, когда же она примет решение – остаться в борделе и обслуживать бесконечные толпы солдат или рискнуть жизнью и бежать с человеком, который ее сюда и привез. Три пары глаз блеснули в темноте – “Решай”. Хана попятилась.

– Вас здесь нет.

Призраки все смотрели на нее. Она зажмурилась. Они пришли к Хане, которой больше нет, она теперь – Сакура.

Так и не придумав причину, чтобы остаться, Хана затолкала тряпичный сверток в исподнее. Сбежала по лестнице, перелетая через две ступеньки. Глаза девушек, пойманных в рамки, вонзились в нее, когда она достигала нижней ступени и чуть помешкала, чтобы взглянуть на собственное лицо. У нее стиснуло сердце при мысли, что ее фотография провисит здесь еще хотя бы одну ночь.

Она приподнялась на цыпочки на последней ступеньке и дотянулась до деревянной рамки. Та соскользнула со стены. Хана поймала ее, быстро вынула снимок, сунула его к свертку и кинулась через зал в кухню.

Почти у двери черного хода Хану внезапно накрыла уверенность, что сейчас ее окликнут, наставят винтовку. Мышцы свело судорогой. Она споткнулась и упала. Стоя на коленях, Хана приготовилась к неизбежному.

Сердце трепетало крошечной птичкой, но в доме раздавался лишь слабый храп. Хане захотелось вернуться. В голове замельтешили бесчисленные доводы против побега. Ей отрежут ногу, если поймают, а то и убьют. А если все-таки удастся сбежать, пострадают другие. Из-за нее девушек накажут, надолго посадят в карцер, могут просто убить. Вспомнился молящий голос Кейко: “Не бросай меня”.

В другом конце дома открылась входная дверь. На крыльце топали тяжелые солдатские башмаки. Если она решила остаться, придется снова бежать через зал, и утренний охранник ее увидит. Хана представила металлические зубья, впивающиеся в плоть.

Слишком поздно. Она не может остаться, не может пощадить спящих подруг. Хана встала и скользнула к двери. Прерывисто вздохнула, берясь за металлическую ручку. Та скрежетнула, и Хана замерла. Она не дышала, пока не повернула ручку до конца. Затем выдохнула и потянула дверь на себя. Та не поддалась. Хану бросило в жар. Она дернула изо всех сил. Ни с места. Дверь заперта. Она дура. Моримото над ней просто потешался.

Покорившись судьбе, Хана уперлась в дверь лбом. Она заслуживает наказания. Заслуживает смерти. Уже чувствуя на коже холод пилы, она почти теряла сознание, проваливаясь куда-то вперед, и, прежде чем успела сообразить, что происходит, дверь распахнулась. Девушка вывалилась во двор.

Где мост, о котором говорил Моримото, она знала. В конце тропинки, что видна из комнаты. Тропка бежит с милю на север, а перед мостом развилка. Там он ее будет ждать. Хана представила, как он ждет в темноте, как улыбается, завидев ее. Как бежит навстречу, как обнимает, целует, объятия словно удавка, поцелуи точно укусы. Затем увлекает ее вдоль реки к новой жизни, которую задумал для них в неведомой Монголии. Она видела его лицо словно воочию, слышала его голос: “Разве ты не хочешь, чтобы я тебя отсюда увез?”

– Нет, – прошептала Хана. – Я не хочу, чтобы ты меня увез.

И побежала.

Звезды освещали дорогу. Хана мчалась со всех ног, но не по узкой тропке на север, туда, где ее ждал Моримото, а на юг, в сторону Кореи и родного острова. Ноги словно понимали – он быстро сообразит, что она не придет, и работали на пределе сил. Они не остановятся, пока Хана не увидит берег, где когда-то стояла сестра, берег, что связал их навеки.

Летя сквозь тьму, она видела лицо Эмико, но иногда оно расплывалось, уступая место лицам других сестер – тех, что остались позади. Хана видела их ужас, когда после рассвета выяснится, что она исчезла. Видела ужас Кейко. Но продолжала бежать – пока легкие не начали гореть и боль не разлилась в груди. Она рвалась через эту огненную боль, словно с огромной глубины всплывала сквозь толщу воды к свету.

Сеул, декабрь 2011

В нескольких шагах от Эми всхлипывала старуха. На сцене женщина говорила в микрофон. Он пронзительно фонил, и толпа отвечала ему дружным стоном.

– Сегодня в честь тысячной демонстрации мы открываем памятник. В напоминание о беде так называемых женщин для утешения два скульптора создали статую Мира. Этот монумент посвящен всем женщинам и девушкам, которых угнали в сексуальное рабство, лишили детства, родных, здоровья и чести, а многих, о ком мы никогда не узнаем, – и жизни!

Ораторша направилась к группе женщин, и те быстро расступились, открывая серое полотнище. Еще две женщины, одетые в традиционные бело-розовые ханбоки, торжественно сдернули материю. Эми попыталась разглядеть, что там, но толпа перед ней сдвинулась. Раздались возгласы, смех, хлопки. Эми приподнялась на здоровой ноге, но без особого толку – слишком уж она маленькая, ничего не разглядеть за плечами и головам. Спотыкаясь, расталкивая людей, Эми заковыляла к статуе.

– Мама, стой! – крикнула Джун Хви.

Эми не отозвалась. Ей нужно увидеть. Она не знала, почему это так важно, но ощущала потребность прямо сейчас взглянуть на памятник. В просветах между телами людей она видела бронзовые проблески. Толпа перед Эми расступалась, будто таяла от ее прикосновений. И вот людское море осталось позади, и Эми судорожно вдохнула. Разреженный зимний воздух охлаждал легкие. Эми стояла перед изваянием в человеческий рост. Это была совсем юная девушка, с потеряннм видом она сидела на стуле, рядом – еще один стул, пустой. Слабо сжатые кулаки бессильно лежат на коленях, а взгляд устремлен вперед, прямо на Эми.

Эми схватилась за грудь.

– Хана...

С пасмурного неба летели снежинки, лениво кружили в воздухе и будто в удивлении спускались к суевающимся внизу людям. Издали долетал высокий голос дочери, дрожащий от страха. Кто-то подхватил Эми, когда та повалилась на асфальт.

– Мама!

Эми уложили на спину, Джун Хви пристроила ее голову себе на колени. Подроспела и Лейн, вдвоем они нависли над Эми ангелами-

хранителями. Лица в тени, не разглядеть, зимнее солнце окружает головы нимбами. Эми видела родителей, взирающих на нее с высоты, манящих в свое заповедье. Желание отправиться к ним тянуло ее, как подводное течение. Если сопротивляться, она утонет, а если поддастся и унесется в море, то растворится в нетронутой ветром дали. Увлекаемая в неведомое, Эми обернулась, чтобы еще раз увидеть это лицо, лицо бронзовой девушки. Такое красивое, такое родное.

“Не сейчас, мама. Позже, папа. Хана меня наконец нашла. Как же я ее брошу, когда она проделала такой длинный путь?”

Хана

Маньчжурия, лето 1943

Первые лучи солнца окрасили горизонт. Хана торопливо сошла с дороги. Она не останавливалась всю ночь. На глаза никому не попала. Лишь однажды мимо протарахтел грузовик, но Хана вовремя нырнула за придорожные кусты. Но разгорался день, и она понимала, что при свете дня никакие кусты не укроют. Она до костей промерзла на ветру и потому, вопреки опасности, радовалась солнцу.

Если Моримото пустится на ее поиски, то ему достаточно будет двинуться по кровавому следу, который она наверняка оставляет за собой. Ноги сбиты в кровь, изрезаны сухой травой. Каждые десять минут Хана останавливалась перевести дух, прислушивалась, не грохочут ли за спиной солдатские ботинки. При мысли о гневном Моримото ее пробрал озноб. Она ускорила шаг. Ее первый день на свободе.

Стараясь держаться справа от дороги, она двигалась на юг. Пейзаж радовал взгляд. Вдали вздымались и опадали холмы, луговые травы доходили до пояса. Можно свернуть в поле, укрыться в траве. Через несколько миль ноги отказались идти, Хана сошла с дороги, опустилась на землю. На окровавленные ступни она старалась не смотреть, наслаждалась неподвижностью. Вокруг жужжали букашки, мелкие желтые цветы покачивались на длинных стеблях, манили прилечь. И Хана легла, укрытая высокой травой от всего мира, недосыгаемая, будто исчезнувшая из него. Только пульсирующая боль в ногах напоминала, что она еще жива.

Она понимала, что надо двигаться дальше, что Моримото не оставит ее в покое, однако ноги молили погодить, выждать еще хоть самую малость. Хана смотрела в небо, на причудливые облака – вот кит, быстро распадающийся на сотни могильных курганов, которые, в свою очередь, обращаются в рваные клочья. Хана вспомнила дым от сигарет Моримото, ползущий по комнате, и поежилась – его руки, шарящие по ее телу, его ненасытность, с которой он терзает ее рот, высасывая весь воздух из легких. Хану переполняла ненависть, сердце колотилось. Она села и прислушалась. Не звучат ли его шаги?

Посмотрела наконец на распухшие ноги. Запекшаяся кровь пополам с грязью. С этим надо что-то сделать. Она кое-как соскребла грязь пучком травы, терпя боль, не издав ни звука. Невдалеке защелкала пичуга. Ветерок поцелуем скользнул по лицу. Хана нащупала в пятке занозу.

Пришлось разодрать чуть не до мяса, чтобы извлечь ее. Отдышавшись, Хана провела рукой по траве. Стебли колыхались под легким ветром, и она перебирала их, будто струны хрупкого инструмента.

У отца был музыкальный талант. До того, как стать рыбаком, он изучал поэзию и часто сочинял музыку для своих стихов. Сюжеты его стихов были лирическими, но порой в них проникала и история. А там, где история, там и политика. Когда японцы вступили в мировую войну и вторглись в Китай, их отношение к корейцам стало жестче, вся корейская литература угодила под запрет, изучение корейской культуры прекратилось окончательно. Отец тогда стал изгоем, бежал с материка на остров Чеджу, где превратился в неимущего рыбака. Там он и познакомился с матерью.

После бесплодного дня в море он садился на берегу над пустым неводом и запевал старинную – теперь запрещенную – народную песню. Большинство местных обходило его стороной, опасаясь, что японский полицейский застанет их за слушанием корейской песни. Но только не мать. Как-то она остановилась и, прикрыв ладонью глаза от солнца, вгляделась – что за болван распелся на берегу. Увидев молодого рыбака с пустой сетью в ногах, она расхохоталась. Он оглянулся на нее, но петь не перестал. А когда она села рядом на нагретый солнцем камень, он сразу понял, что хочет остаться с нею навсегда. Они поженились, и не прошло года, как родилась Хана. Сестру пришлось ждать дольше, но вот она появилась, и семья их стала полной.

Вечерами, когда посуда была вымыта и все четверо устраивались у очага, отец играл на цитре. Бывая в хорошем настроении, он пел ту самую песню, что рассмешила мать.

*Уходишь? Неужто уходишь?
Бросаешь меня?
Как мне жить без тебя?
Неужто бросаешь?
Хочу остановить тебя,
Но тогда уже не вернешься.
Так ступай, любовь моя!
Ступай и возвратись поскорей.*

Хана тихо запела. Слова сами всплывали в памяти. Она пела на родном языке, сидя в высокой маньчжурской траве. Вспоминала, как вместе с матерью проверяла, хорошо ли закрыты ставни, когда отец брался за

цитру. Хана пела. Она несколько раз выглядывала из травы, осматривая окрестности. Вокруг по-прежнему ни души. Она пела, пока не пересохло в горле.

Следовало найти воду, однако ноги все еще не желали ступать. Хана сорвала длинные травинки, покрутила между пальцами. Стебли крепкие, как бамбук. Ее осенило. Нарвав целый пучок, она перевязала его с одного конца и принялась плести косичку. Когда косичка получилась достаточно длинной, Хана обмотала ею пораненную пятку и завязала на подъеме стопы.

Поднявшись, она сделала несколько шагов, испытывая “обувь”. Возбуждение нарастало с каждым шагом, но стоило присесть на корточки и заняться вторым “башмаком”, как завязки порвались и пучок расплелся. Не позволяя себе поддаться унынию, Хана сплела “обувь” заново, а когда порвалась и та, еще и еще. Так продолжалось, пока она не выбилась из сил и не обнаружила, что уже и день клонится к закату. Тогда Хана положила голову на горку из негодной “обуви” и закрыла глаза.

Сон переполняли видения. Кошмары и светлые воспоминания слились в единый сюжет, и Хана очнулась от собственного вскрика. Оранжевые птички мелькали в вечернем небе. Насекомые притихли. Хана не знала, ее ли крик испугнул птиц или что-то еще. Она не двигалась, ждала, что неведомое снова проявит себя каким-нибудь звуком.

И звук пришел. Сначала далекий. Похожий на шелест травы. Но чем дольше она вслушивалась, тем громче и ближе он становился, и вот уже трещат ломающиеся под ногами стебли. У Ханы остановилось сердце, ей захотелось взмыть в небо, умчаться за оранжевыми птицами. Она приказала себе не двигаться: высокая трава качнется от малейшего движения и выдаст ее. Мужские голоса. Она напрягла слух, пытаясь уловить его голос. С ними ли Моримото? Кого они ищут – ее или кого-то другого?

Хана боялась, что кто-нибудь из них наступит ей на лицо или на руку или споткнется о нее, вонзит в сердце штык. Она закрыла глаза и стала ждать неминуемого. Ее найдут и будут пытаться. Сколько времени ее продержат живой, пока не выпустят дух из истерзанного тела?

Она вдруг поняла, что солдат совсем рядом. Открыла глаза и сквозь травяные заросли увидела мундир цвета дубленой кожи. Солдат стоял к ней спиной и пока не замечал ее. Вот еще один, что-то говорит первому. В траве мелькнул ружейный приклад.

Человек попятился и наступил на подол платья. Хана не закрывала больше глаз. Она должна увидеть лицо. Он ли это? Она должна видеть

выражение его лица, когда их взгляды пересекутся. Каким оно будет – удивленным? Или торжествующим? Или похотливым? Или свирепым? Она ждала, когда человек повернется и обнаружит ее.

Но тут издали донесся призывный крик, и солдат сорвался с места. Она слышала, как хлещет трава по его ногам. Еще крики, и еще, и вдруг выстрел. Хана по-прежнему не шевелилась, лежа в траве, – точно новорожденный олененок, прячущийся от хищника. Она не дышала, только слушала и ждала. Ждала, когда звуки растают, опустится тьма и ее снова укроет ночь.

Это был не он. В этом Хана не сомневалась. Моримото обернулся бы и нашел ее. Он не мог находиться так близко и не почувствовать ее. Он как зверь. Он бы ее учуял.

Она отмеряла часы по смене небесных оттенков. Сумеречная голубизна перешла в темно-сапфировый цвет, а тот – в лиловую ночную синеву. Боясь шевельнуться – вдруг солдаты все еще рыщут поблизости? – Хана помочилась под себя. Вонь привлекла мух. Они ползали по платью, жужжали, сучили лапками. От темно-желтых пятен несло, как от нужника во дворе борделя. Сколько его ни скреби, гнилые деревянные половицы продолжали вонять.

Заухала сова, и Хана представила, как большая ночная птица проносится над полем, выглядывая кротов и мышей. Тишина, только шорох крыльев, парящих на волнах ветра. Сова закричала снова, и Хана набралась смелости, села, потом очень медленно встала. Небо было черное, не видно ни зги. Вытянув руки, как слепая, она сделала первый шаг, второй. И вскоре уже бежала. Израненные ноги молили остановиться, но разум игнорировал их призывы.

Хана вовсе не была уверена, что движется параллельно дороге, что держит курс на юг. Она так и не выучила карту звездного неба. Отец пытался научить ее ориентироваться по небу, но она все противилась. Ее тянуло в море, в мирную тьму и к тамошним обитателям. Она предпочитала слушать рассказы других рыбаков про синих китов, рыбу-меч и акул. Отцовские звезды оставляли ее равнодушной. Хана вскидывала голову к небу, и звезды отвечали ей мерцанием.

* * *

Поле вдруг закончилось. Хана остановилась, пытаясь понять, где очутилась. Из темноты послышался протяжный вой. Сначала тихий, потом

все громче и громче, и вот где-то совсем рядом что-то ревело и громыхало. Тут она различила и ритмичный стук колес. Поезд. Хана бросилась на звук, целиком доверившись слуху. Лязг металла о металл становился громче, порыв воздуха ударил ее, и мимо с грохотом пронесся состав.

Хана решила двигаться в обратном направлении. Все ночные поезда идут на север, везут провизию и боеприпасы, и только ночная тьма хранит их от бомбардировщиков. В борделе Хана допоздна дожидалась паровозного свистка, когда состав проезжал по железнодорожному мосту на военную базу. Это случалось раз в неделю, а иногда – в две, если поезд задерживался из-за бомбежек. И всякий раз эти далекие звуки ввергали Хану в мечты. Она и сама прибыла в таком поезде, числясь в описи “необходимым товаром”. Мечтая о побеге, она знала, что железная дорога – лучший способ вернуться домой.

Хана теперь двигалась медленно, снова шла на ощупь. Если не быть осмотрительной, то можно упасть прямо на рельсы. В чахлой траве попадались камни, втыкавшиеся в израненные ноги, но Хана не обращала на боль внимания, полностью сосредоточившись на темноте перед собой. Вдруг нога ткнулась во что-то твердое. Хана опустила на колени и ощупала гладкую поверхность – металл, рельсы. Приложила к рельсу ухо. Поезд. Куда он следует и откуда пришла она?

Хана положила руки на рельс, ощутила легкую вибрацию. Но гул сменился тишиной, рельс замер под ее пальцами. Вокруг растекалось безмолвие. В груди у Ханы нарастала паника. В какую сторону идти? Шум ветра – единственный звук, звезды – единственный источник света. Затем далеким призраком донесся слабый свисток. Девушка встала и пошла, положившись на сердце. Она шагала по шпалам, надеясь, что движется на юг.

Шла она всю ночь. Боясь сбиться с ритма, терпела боль, когда наступала на острый камешек или щепку. Она уже больше суток ничего не пила и не ела, распухший язык едва ворочался во рту. Она думала только о воде, уговаривала себя дождаться утра, чтобы отыскать воду при свете дня. А пока тьма укрывает ее, надо идти.

Когда взойдет солнце, она отыщет воду и место для сна. Должно же здесь быть какое-нибудь озеро или речка, раз земля плодоносит, а в небе летают птицы. Утром она все найдет. “Не останавливайся, только не сейчас”. До моря так далеко, что ей не вообразить. Ее единственный шанс – не останавливаться. Идти. Шаг за шагом она заставляла ноги переступить, хотя они молили о передышке.

Забрезжил рассвет, ночь перетекала в сумрак, и Хана начала различать

контуры своих вытянутых ладоней. Вскоре она уже видела железнодорожное полотно под ногами, а еще чуть погодя открылся и окружающий пейзаж. Луга с высокой травой сменились разнотравьем пониже.

С отчаянием Хана увидела, что параллельно путям тянется гравиевая дорога. В любую минуту могут проехать солдаты, а ей негде спрятаться. Она быстро сбежала с путей на другую сторону от дороги и устремилась в цветочные луга. Цветы доходили лишь до колен, и она продолжила бежать, все удаляясь от железнодорожной насыпи, пока та не обратилась в узкую полосу на горизонте. Тогда Хана свернула и двинулась параллельно путям, чтобы не заблудиться, иначе будет ходить кругами.

Вдали показались какие-то бурые глыбины. Тишину разорвало басовитое мычание. Хана заозиралась, выглядывая пастухов. Луг залило вставшее из-за горизонта солнце, но Хане было не до красоты разгорающегося дня. Глаза прочесывали луг, ища людей, но видели лишь буйволов. Одна буйволица протяжно застонала, и Хана подумала, что она, наверное, тельная. “Молоко!” И она помчалась к животным, не забывая осматриваться окрест.

Добежав, она пришла в уныние. Буйволица угодила в старый капкан, ржавые железные челюсти сомкнулись на задней ноге. Из кожного лоскута торчала надломленная кость. Животное снова замычало, и Хана заткнула уши. Это был предсмертный стон.

Хана отползла от несчастного создания, пытаясь отгородиться от утробного, полного муки рева, но звук проникал сквозь ладони. В памяти вдруг всплыла та ночь, когда ее привезли в бордель; корейка, родившая мертвого младенца. Она слышала стоны женщины, как будто опять очутилась в той комнате, освещенной лишь свечой. Между раскинутых ног роженицы расплзалась лужа крови. Хана вспомнила, как бросилась наверх, как впервые встретила Кейко – гейшу, что стояла на коленях у себя в комнате и рыдала, закрыв руками лицо.

Буйволица снова заревела. Хана отвела ладони от ушей. Она больше не в борделе. Она на свободе и, чтобы сохранить ее, должна быть решительной. Набравшись смелости, Хана обошла животное, приблизилась к голове. Глаза буйволицы, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

– Тише, милая, тише, – ласково прошептала Хана, погладив животное.

Буйволица затихла. Она дышала мелко и часто. С этого места Хана хорошо видела рану. Вся облеплена мухами, что-то шевелится внутри – должно быть, черви. Хана медленно поглаживала шею буйволицы. Видать, не первый день лежит. Хана представила, как ей больно. Она буквально

почувствовала эту боль, как ощущала ласковое дуновение ветра. Она знала, каково это – беспомощно лежать, когда тело твоё истерзано. Хана склонилась и зашептала животному в ухо:

– Спи, милая буйволица. Спи. Положи свою тяжелую голову на землю. Отдай мне свой утомленный дух и покинь это злосчастное место. Уходи прочь, уходи скорее. И прости меня, пожалуйста... прости.

Шепча, Хана медленно перемещалась к сломанной ноге. Продолжая поглаживать, ворковать, она оказалась над торчащей костью. Буйволица фыркнула, но лягнуть не пыталась. Возможно, выбилась из сил, но Хана в том не была уверена. Она смотрела на болтающуюся часть ноги, висевшую лишь на кожаном лоскуте и обрывках сухожилий.

Не дав себе времени передумать, Хана схватила ногу за копыто, быстрым движением вывернула и дернула со всей мочи. Ничего не получилось. Хана уперлась ногами в землю, откинулась назад всем корпусом, пятки взрыхлили почву. Железный капкан лязгнул, но цепь держала прочно. Буйволица взревела, и это было еще хуже стонов. Хана тянула, дергала и выкручивала, а буйволица отчаянно вырывалась. Они словно перетягивали канат.

И тут буйволица издала особенно душераздирающий и долгий стон. Капкан ударил Хану по ноге. Руки ее дрожали, сил почти не осталось. Хана чувствовала, что больше не выдержит, потянула в последний раз и повалилась навзничь, в обнимку с оторванной ногой, капкан дернулся следом. Буйволица продолжала бить землю копытами, отчаянно пытаясь отползти. Хана не могла взглянуть на перепуганное животное, а потому смотрела на дорожку из примятых и сломанных желтых цветов, оставшуюся за буйволицей. Животное, словно сдавшись, словно препоручая ей свою судьбу, затихло, только судорожно вздымалось брюхо да раздувались ноздри.

Хана, испытывая к себе отвращение, высвободила оторванную ногу из капкана. Она оказалась увесистой. Стараясь не думать о содеянном, Хана вскочила и с буйволиной ногой понеслась прочь. У нее не было ни желания, ни времени размышлять о совершенном насилии. Она глянула на копыто и с ужасом поняла, что живот призывно урчит. Она закричала. Но тут же наступила тишина, лишь стремительный шелест травы сопровождал бегущую со всех ног девушку.

Когда бежать стало невозможно, Хана рухнула на землю и рассмотрела кровавую добычу. Что делать с ней, она не знала. Хорошо хоть все мухи и личинки отвалились, пока она бежала. Желудок урчал все громче, но Хана не могла себя пересилить. Она зажмурилась. Это не нога, внушала она

себе. Это не нога. Это рыба – морское создание, угодившее к ней в сеть. Отец тысячу раз учил Хану чистить и потрошить рыбу – этим она и займется. Пойманной рыбиной. Перед глазами встали отцовские загорелые руки: в одной руке – макрель, в другой – нож, а Хана наблюдает, как руки ловко и быстро потрошат добычу.

Буйволиную ногу она свеживала словно бы руками отца. Пальцы сначала робко, но потом все сильнее и увереннее сдирали шкуру, спуская ее чулком к копыту. Шкура поддавалась с трудом, и Хане приходилось рывками отделять ее от мяса. Когда полдела было сделано, Хана потеряла терпение. Она поднесла буйволиную плоть к лицу и вонзилась в нее зубами.

Мясо тоже оказалось неподатливым, жестким. Кровь текла прямо в горло. Хана старалась не разбирать ее вкус. Старалась не вспоминать, что это за мясо и как оно ей досталось. Это рыба. Обычная рыба.

Буйволица была тощей, и Хана довольно быстро обглодала кость. Она высосала и костный мозг, изумляясь тому, что густой, тяжелый запах ей вовсе не мешает. Хана не ела мяса много-много месяцев. Дома основной едой были дары моря, в неволе кормили рисом и ошметками сушеной рыбы. Случалось, какой-нибудь солдат приносил немного фруктов и овощей, чтобы побаловать любимицу. Кейко часто получала такие подарки и неизменно делилась с Ханой. Что она сейчас делает? Хана представила хрупкую гейшу сидящей на корточках в подвальном карцере борделя. Камеры там высотой в половину человеческого роста, так что приходится все время сидеть. Сколько дней и ночей будет расплачиваться Кейко за бегство Ханы? Накажут ли остальных девушек?

Она закрыла глаза и взмахнула окровавленной рукой, отгоняя эту картину. Сейчас она не в состоянии думать ни о Кейко, ни о других сестрах. Она должна идти, и все ее мысли могут быть только о доме.

Хана зарыла кость в землю, будто прятала улику, но обрывки шкуры оставила и долго терла их о землю, соскребая кровь. Земля поначалу мешалась с кровью и пачкала мех, но потом подсохла и отвалилась. Орудую зубами, Хана разорвала шкуру на полоски покороче и обмотала подошвы. Сделав на пробу несколько шагов и убедившись в прочности буйволиной кожи, она вернулась туда, откуда услышала мычание, и продолжила путь параллельно железнодорожным путям.

Она шла, зорко посматривая по сторонам, выглядывая людей, грузовики, поезда, а заодно и водоплавающих птиц. Жажда мучила ее все сильнее.

День выдался жарким. Облака сбились в тучи, гроздившиеся серыми горами. Хана уже еле плелась, ноги загребали по траве. Холмы на горизонте исчезли, куда ни посмотри – равнина. Она уже довольно давно потеряла из виду железную дорогу. Насыпь завернула за холм и больше не показалась. Хана долго плутала в ее поисках и окончательно перестала понимать, в какую сторону идти. Вокруг не видать ни дорог, ни рельсов, ни вообще следов людского присутствия. Хана была совсем одна в бескрайних диких степях Маньчжурии.

Тонкий писк в ушах походил на непрерывный свисток одинокого паровоза, которого ей не найти. Не видно и животных. Нет даже следов скота, чтобы пойти по ним. Один раз Хана увидела стадо верблюдов, но они скрылись так быстро, что могли быть миражом, каверзой сознания. Хана пожевала травы, показавшейся ей съедобной. Она ела цветы, но после особенно едких ее вырвало, и она просто брела наугад. Больше ей ничего не оставалось.

Хуже всего была жажда. Просыпаясь в борделе, Хана перво-наперво спускалась за водой. Дорога на кухню ей казалась нескончаемой. Ее всегда опережала Кейко, они стояли в тишине и пили. Потом приходили другие девушки, и все вместе они принимались за скудный завтрак.

Еды никогда не хватало. Девушки говорили, что с едой плохо из-за трудностей с доставкой продовольствия так далеко на север. По их словам, недоедают даже японские солдаты, правда, приходя в бордель, обессиленными те не казались. Хана считала, что мундиры сидят на них лучше, чем на японских солдатах на ее родине. Она подозревала, что девушек кормят так скверно с единственной целью: чтобы сил им хватало только для работы. Но не для побега.

По хозяйственным дням разрешалось слушать маленький радиоприемник. Передавали в основном новости – сплошную японскую пропаганду. Девушки не расстраивались, потому что между выпусками звучали песни. Их слушали во время уборки, за едой.

В новостях предупреждали, что иностранные войска везде, они вооружаются против японцев, и потому императору нужно как можно больше добровольцев, чтобы сдерживать врагов. Китайцы, монголы, Европа и Америка – все это были враги императора. Внушали подозрение даже Советы, их временный мир с Японией с каждым днем становился все более зыбким. Девушкам вбивали в головы уверенность, что за стенами

борделя творятся зверства, что враг повсюду.

Бежать, кроме Кореи, некуда. Но дом так далеко. Найти бы воду – тогда, может, она и дойдет. Мысли путались. Вода, качающаяся в колодезных ведрах. Такая вкусная, ледяная, как растопленный снег. Закрыв глаза, Хана почти чувствовала ее во рту.

* * *

– Ты меня облила! – взвизгнув, сестра роняет чашку и отскакивает.

Хана смеется. Жаркий летний день, им захотелось пить, и Хана брызнула на сестру ледяной водой из колодца.

Она сосредоточилась и явственно увидела эту картину, как будто не прошло много-много дней. Пересохший рот томится по капле влаги.

– Вернись! Я больше не буду! – кричит Хана.

Из-за дома выглядывает Эми:

– Честно?

Ей хотелось плакать, но слезы тоже высохли. Она смотрела в невинные карие глаза, которые сейчас так далеко. Глядя в них, она всегда ощущала ответственность. Она исполнила свой долг, уберегла эти глаза. Известие о гибели любимого дяди наверняка омрачило бы их, и она заставила родителей утаить правду от Эмико. Она помогала сестре писать дяде письма, притворялась, будто отправляет их. Однажды даже написала дядиным почерком ответ. Мать, узнав об этом, рассердилась, но ограничилась тем, что взяла со старшей дочери слово впредь не писать писем.

– Вернись, пожалуйста! – опять зовет Хана.

Сестра несмело приближается к колодцу, держа перед собой маленькую чашку. Хана вытаскивает ведро и осторожно ставит его на землю.

– Давай, зачерпни, так удобнее.

Сестра, присев на корточки, погружает в ведро всю руку.

– Холодно!

Хана окунает обе руки. Вода студит полыхающую жаром кожу. Хана наклоняется, касается воды губами. Вода пахнет льдом. Не успевает Хана глотнуть, как ее лицо ныряет в ведро. Хана быстро выпрямляется, закашлявшись, холодная жидкость течет из ноздрей. Вдали тает смех сестры.

Она помнила этот смех – как колокольчики на ветру. Лица ее и в самом

деле коснулся ветер, холодком огладил кожу. С моря дул такой же. Она чувствовала солоноватый привкус на сухих, потрескавшихся губах. Шершавый язык царапал их как наждаком. Наверное, это вкус крови, но если не открывать глаза, то можно думать, что она дома.

Она стояла на берегу, на гряде черных камней, смотрела в бескрайнее темное море. Волны кружились в танце, празднуя ее возвращение, разбиваясь под нею аплодисментами. Ветер доносил голоса, Хана узнала мать. Она оглянулась. Мать бежала к ней, протягивая руки. Следом отец. Он звал ее, перекрывая рев ветра и рокот волн.

– Я здесь! – закричала Хана. – Я здесь!

Она шагнула к родным, но ноги словно увязли в песке. Она проделала такой долгий путь, и их уже не поднять.

– Сакура! – звал отец. – Сакура!

Ветер донес третий голос. Слабый, точно детский, он будто долетел с далекого-далекого острова. Хана обернулась к морю, прикрыла козырьком глаза, глядя против слепящего солнца. Ее звала девочка в белой рыбацкой лодке посреди бурного океана. Хана прищурилась.

– Эмико! Я дома, сестренка!

Она замахала, хотела запрыгать от радости, но цепкий песок не пускал. Девочка карабкалась на нос лодки, и Хану охватила тревога.

– Осторожно, сестренка!

Девочка нырнула в темную воду. Хана была зачарована ее грацией, но тут же ее охватило недоумение. Девочка звала Хану. Не Сакуру. Она выкрикивала имя, которым ее назвала мать, известное только родным. Сакура – вишневый цвет, это имя вырезано на прибитой у двери деревянной дощечке.

Хана оглянулась, но прибрежный пейзаж исчез. От линии горизонта к ней бежали не родители, а мчался всадник на черной лошади. Хлыст взлетал и опускался на круп коня. Моримото нашел ее. Бежать было поздно, но Хана все равно развернулась и попробовала сорваться с места. Истерзанное тело не подчинялось. Но Хана не сдавалась, она упорно поднимала и опускала ноги. В ней не осталось никакого топлива помимо адреналина, мышцы нещадно жгло. Стук копыт все ближе. Хана не могла тягаться с таким великолепным животным, и все же, когда рука Моримото схватила ее, она продолжала перебирать ногами. Он втащил ее на лошадь, перекинул поперек крупы, точно куль с рисом. Хана остервенело отбивалась, но все впустую. Моримото намотал волосы Ханы на кулак и резко развернул ее к себе.

– Сакура! – выдохнул он. – Ты от меня не уйдешь!

Голос был груб, как и руки. Моримото спихнул ее вниз, повалил на землю. Хана яростно извивалась под ним, и он бил ее по лицу, пока она не затихла.

– Еще не поняла? Ты принадлежишь мне.

Небо содрогнулось от грохота, в воздухе потрескивало электричество. Над ними нависали тучи. Он лежал на ней, притиснув к земле всем телом, выдавив воздух из ее непокорных легких. С присвистом он выдыхал ее имя, целовал шею – теперь уже нежно; руки задрали платье.

Если она еще и сопротивлялась, то не чувствовала этого. Руки и ноги онемели, утратили связь с сознанием. Хана отвернулась от колючего подбородка, смотрела вдаль, выискивая море.

На лицо упали первые капли, холодные, как вода из отцовского колодца. Хана жадно слизнула их, но новые капли не спешили. Каждый толчок отзывался во всем теле острой, обжигающей болью, возвращал к мучительному – солдатам, мужской плоти, хищным ртам – к тому, от чего ей не удалось убежать. Небо наконец разверзлось, и на ее истерзанное неподвижное тело обрушился ливень.

* * *

Хана лежала на дне океана и смотрела, как солнце бликует на поверхности. В барабанных перепонках пульсировало сердцебиение океана. Подводные течения ласкали кожу. На грудь давил старый корабельный якорь, который она обняла, чтобы опуститься на дно. Ее тело так ничтожно, что само по себе всплывает, но не сегодня – сегодня ей хочется задержаться на глубине, где угасает солнечный свет. Это ее любимая игра, в которой она всегда побеждает. Другие девушки сдаются и выныривают, а она нет. Последняя подруга продержалась сколько могла, но все же устремилась наверх, обгоняемая пузырьками воздуха. Хана проводила ее взглядом. Она победила. Никому с ней не справиться.

Кроме него. Моримото и есть якорь, что прижимает ее ко дну. Она лежала под ним и ждала, когда он продолжит наказывать ее за предательство или убьет. Его колышущееся тело вдавило ее в мягкий ил.

Хана думала, что еще может сбежать – расцарапать ему лицо, сбросить с себя, но израненные ноги молили завершить странствие в этом спокойном месте под колеблющейся плотью. “Больно больше не будет”, – подумала Хана, выжидающе глядя в низкое небо.

Моримото приподнялся и посмотрел на нее. Их взгляды встретились, и

она была не в силах отвернуться.

– Как ты посмела? Я торчал у моста и ждал тебя как дурак! – Он буквально плевался яростью. – Я рискнул жизнью, чтобы спасти тебя из борделя, и вот как ты меня отблагодарила?

Он умолк, словно ожидая извинений или объяснений.

Не получив ответа, рассмеялся – горько и зло.

– Решила, что я тебя не найду! Да я знаю эту местность вдоль и поперек. Тебе от меня в жизни не спрятаться.

Он встряхнул ее, требуя ответа, но ей нечего сказать – сама попытка к бегству достаточно красноречива. Она лежала под ним молча, безжизненной добычей охотника. Он снова наклонился, задышал в лицо. Сейчас он ее убьет. Хана закрыла глаза.

Он завел под ее шею ладонь, большой палец вжался в горло. Сработал рвотный рефлекс, и Хана забилась вопреки своей воле. На горло легла вторая рука, он начал душить. Хана распахнула глаза, чтобы в последний раз увидеть солнце, но на нее смотрели лишь черные тучи.

– Убью, – шептал он ей в ухо. – Я не шучу. Еще раз вздумаешь меня обдурить, убью.

Он сдавливал ее шею, пока в легких не закончился кислород.

* * *

Хана очнулась от боли. Щека горела, будто исколотая тысячью иголок. Нижняя губа пылала. Во рту стоял вкус крови.

– Очнись. – Моримото хлестнул ее по другой щеке, рывком поставил на ноги, но Хана снова осела на мокрую землю.

– От тебя никакого толку, – пробормотал он и подхватил ее на руки.

Поодаль всхрапнула лошадь. Копыта тяжело переступали. Хана ни разу не видела лошадей так близко. Черная с белыми крапинами.

Моримото свистнул, и лошадь подошла. Он прислонил к ней Хану, достал из седельной сумки фляжку. Отвинтил крышку, налил в нее воду. Поднес к ее губам. Хана проглотила залпом, но этого мало, чтобы утолить жажду. Она хотела еще, но сдержала себя. Моримото улыбнулся, будто все понял, принялся медленно закручивать крышку, глядя Хане в глаза. Она молчала, но непослушный язык судорожно облизывал губы.

Моримото сгреб ее в охапку и закинул в седло. Сидеть у Ханы не получалось, сознание по-прежнему в тумане от изнеможения и жажды. Руки не слушались.

– Да садись же!

Наконец ей удалось вцепиться в седло, и тут Хана поняла, что руки у нее связаны. Он связал ей руки. Моримото перебросил одну ее ногу через лошадиную спину, веревкой обмотал талию и зажал конец в руке, вместе с поводьями.

– Не вздумай пришпорить лошадь. – Он показал Хане веревку, что тянулась от ее пояса. – Я тебя мигом сдерну... и тогда мы пойдем пешком.

Для пущей убедительности он ткнул в израненную подошву.

Хана сморщилась. Не отрывая от нее взгляда, он сунул руку в карман и достал сверток. Тот самый, что Хана спрятала под бельем. Она потянулась к нему связанными руками, но чуть не съехала с лошади и ухватилась за седло.

– Я нашел это под тобой, – сообщил Моримото, разворачивая тряпицу. – Какие милые цапки.

Хане хотелось вырвать у него сверток, но нет, она не доставит ему такого удовольствия, не выдаст страдания. Она смотрела перед собой, на горизонт.

– Я должен ревновать, – сказал Моримото, и Хана задрожала. Он перебирал ее сокровища, рассматривал внимательно, будто искал подпись. – Это все от какого-то солдата? Имя у него есть?

Хана мотнула головой. Голос его звучал угрожающе. Он буравил ее глазами, будто хотел просверлить череп и выведать правду. Наконец снова обратился к безделушкам, перекинул с ладони на ладонь, ухмыльнулся:

– Теперь ты со мной, и тебе это ни к чему.

Он наклонил ладонь, и вещицы медленно посыпались на землю. Моримото втоптал их в почву каблуком. Хана смотрела, как исчезают золотое колечко, цепочка, монеты и гребень. У нее ничего не осталось.

Моримото выглядел довольным, точно ребенок, выигравший приз. Она и была его призом, военным трофеем. Хорошо бы пришпорить лошадь, чтобы та встала на дыбы и затоптала Моримото, как он затоптал эти жалкие вещицы, но Хана уже не чувствовала ничего, кроме равнодушия.

– А вот это другое дело, – вдруг сказал Моримото. – Это я сохраню.

Он показал фотографию, и Хана поразились гневу, который вскипел в ней. Она почти дернулась, чтобы вырвать у него снимок. Ей было невыносимо видеть, что он прикасается к фотографии. Снимок был сделан до того, как она прошла через строй солдат, до того, как Кейко обкорнала ей волосы, до того, как она научилась лежать колодой, пока над ней пыхтят. На фотографии была прежняя Хана. И снимок принадлежал только ей.

Хана застыла. Она не выдаст своих чувств, пусть даже каждая

клеточка ее существа требует спрыгнуть с лошади и накинуться на него. Ведь именно этого он и добивается. Глядя на линию горизонта, она напрягала все силы, заставляя себя смириться с тем, что последний обрывок прежней Ханы был во власти японца. Явно довольный Моримото спрятал фотографию в нагрудный карман.

Момент миновал, и Моримото поцокал языком, понукая лошадь. Он вел ее в поводу, шагая впереди. Хана не смотрела на человека, который – она знала это – никогда не оставит ее в покое.

Гроза все бушевала. Хана ловила ртом струи, небо то и дело раскалывали молнии. Хана не боялась, что молния попадет в них, она даже надеялась на это.

Судя по всему, Моримото не отступил от своего плана. Они держали курс на север, в Монголию. Брели сквозь дождь и мрак, будто для того и были рождены на свет.

* * *

За серой пеленой они не видели даже друг друга. Живот у Ханы уже разбух от дождевой воды, но ей было все мало. Запрокинув лицо, она пила и пила, не в силах остановиться. Холодный дождь приглушил боль, промыл ссадины на лице, израненные ноги уже не так сильно горели. Хане даже казалось, что можно снова попытаться сбежать. Но где они сейчас? Далеко ли Монголия? Собирается ли Моримото там с кем-то встретиться – с сообщником из монголов или русских? А то и с китайцами.

Ей было страшно от мысли, что они волюются в ряды безликих, лишенных национальности людей. Чего он им наобещал? Не она ли – плата? Хана смотрела ему в затылок. Может, он заставит ее обслуживать всех? Она представила, как варвары рвут на ней ветхое платье. Зажмурилась, но картина не исчезла. Вот дикари насытились ее телом, и глубоко за полночь к ней приходит Моримото.

Хана согнулась, извергая воду из желудка. Хрупкие плечи ходили ходуном. Почти не сознавая, что происходит, Хана соскользнула с лошади. Руки были связаны, и смягчить падение она не смогла. От удара о землю у нее оборвалось дыхание, тело пронзила острая боль. Лошадь встала на дыбы, но Моримото быстро ее осадил. Увидел Хану, скорчившуюся на земле.

– Что еще?

Он осторожно перевернул ее на спину. Дождь заливал ей лицо. Она не

могла вдохнуть от боли, от хлещущей воды, от мысли, что всю жизнь проведет с ним. Моримото схватил ее за плечи, приподнял, но Хана вскрикнула, правая ее рука повисла безжизненной плетью. Он снова положил ее на землю, боль чуть отступила. Она морщилась, но молчала, когда он ощупывал плечо. Пальцы быстро нашли причину.

– Это вывих. Надо вправить.

Голос участливый, ласковый. Ей все равно. Она смотрела в серое ничто. Моримото развязал веревку на руках Ханы, помог сесть. Лошадь косилась на них огромным черным глазом, словно осведомляясь, чем они там занимаются. Моримото помассировал плечо Ханы, осторожно разминая мышцы, затем приподнял руку. Его движения были уверенны. Хана почти не чувствовала боли.

– Медленно поведи плечом.

Она повиновалась и ощутила, как сустав встает на место. Моримото снова обмотал ей руки веревкой.

– Ты осторожнее. Шею ведь могла сломать. И что бы мы тогда делали? – Он покачал головой, словно смиряясь с тем, что вот взвалил на себя бремя.

– Мы? – Голос Ханы прозвучал хрипло от долгого молчания.

– Теперь есть только ты и я.

Моримото завязал последний узел и улыбнулся ей сквозь дождь. Похоже, он ждал благодарности. Хана вспомнила, как он впервые заговорил о бегстве.

* * *

Хана тогда ничем не выдала волнения, не позволила сердцу заколотиться быстрее – она научилась замедлять сердцебиение, чтобы без последствий всплывать с глубины на поверхность. Уняв поднимающуюся изнутри дрожь, она повторяла про себя:

“Он лжет, он лжет, он лжет”, пока тело не поверило.

За его словами не было ничего, и Хана знала, что утром она проснется такой же пленницей, а за дверью будет томиться очередь из голодных до женской плоти солдат.

– Похоже, ты не рада, что я даю тебе шанс убежать. Что тебя держит – может быть, какой-то солдатик?

Вопрос напугал ее. Моримото приподнял ее лицо и заглянул в глаза. Тишина, стоявшая в комнате, нарушалась лишь их дыханием, но он дышал

ровно и спокойно, а она почти захлебывалась.

– Завела себе покровителя?

Ее затошнило от ревности Моримото. Он сам привез ее в бордель, чтобы ее насильовали солдаты, а теперь недоволен тем, что кто-то перед отправкой на смерть выразил ей благодарность? Но он предлагает побег. Мечта об этом надежно заткнула ей рот.

– Во всей императорской армии нет мужчины, который займет такое же место в моем сердце, как вы, – ответила Хана.

Да, в сердце ее не было места для другого, кого она ненавидела бы столь же сильно.

* * *

И вот она сбежала из борделя, но не от него. Он продолжал ждать благодарности за вправленную руку. Хана отвернулась, высвободилась и снова легла на раскисшую землю. Голова ее почти погрузилась в лужу. Мутная вода, заливавшаяся в нос, была черна, как костный мозг издыхающей буйволицы, как сама могила. Моримото выдернул ее из грязной жижи, развернул к себе лицом:

– В Монголии мы начнем новую жизнь. Вдвоем. Я сделаю тебя своей женой.

Он всматривался в ее глаза, словно ждал улыбки. Но Хану лишь замутило от этого его плана. Словно не сомневался, что ей желанна такая жизнь. Ей захотелось выплюнуть правду ему в лицо, уязвить. Гордость – его единственное слабое место.

– Неважно, что ты сделаешь. Для меня ты всегда будешь только японским солдатом, – прошептала она по-корейски.

Он отшатнулся, и она выхаркнула в него грязную дождевую воду. Он стиснул вправленное плечо. Хана подавила вскрик, до крови закусил губу. Но он сжимал все сильнее и сильнее, и она перестала дышать, проваливаясь в обморок, перед глазами заплясали цветные пятна.

– Когда-нибудь ты поймешь, – сказал Моримото спокойно, поднял ее и усадил на лошадь.

“Я никогда тебя не пойму”. Слова застряли на кончике языка – Хана прикусила его, чтобы не произнести их вслух. Лошадь тронулась с места, и они поплелись в непредставимое и невыносимое будущее. Хана привалилась к лошадиной шее, глядя, как внизу проплывает размокшая земля. В ноздри бил терпкий животный запах, и она то проваливалась в

беспамятство, то приходила в чувство, как будто плыла во сне, от которого не терпится пробудиться.

* * *

Они пересекли железнодорожное полотно. Хана открыла глаза. Копыта цокали по чему-то твердому. Ливень иссяк, дождь теперь лишь слабо накрапывал, в прорехах между серыми тучами сквозило чистое небо. Хана выпрямилась, запрокинула лицо. Лошадь почувствовала ее движение и замедлила шаг, оповещая Моримото о том, что ноша на ее спине очнулась. Он остановил животное, потрепал по морде, угостил горстью чего-то, извлеченного из кармана куртки, потом обошел лошадь, снял Хану и поставил на землю.

Хана с трудом сохранила равновесие. Он привлек ее к себе, и ее испугал знакомый запах. Хана не желала признавать в нем что-то знакомое, но она помнила этот запах, смесь табака, пота, травы, соли и дождя. Она постаралась вдыхать через рот.

– Мы хорошо продвигаемся, – сказал Моримото.

Хана молчала. Она хотела знать больше: куда они направляются – в город, лагерь или на другую военную базу? И что будет дальше – когда они прибудут? Ноги привыкли, и она отступила от Моримото. Вдохнула предвечерний воздух, изгоняя запаха японца. Уткнулась лбом в лошадиную шею. Лошадь ударила копытом, но не отошла. Хана век бы так стояла – привалившись к этому могучему животному, доверившись его силе.

– Держи, – сказал Моримото, разворачивая ее к себе. Он протягивал ей яблоко. Хана не верила своим глазам, это игра ее воображения. Но красное яблоко ярким пятном сияло в пасмурно-сером пейзаже. – Бери, – приказал Моримото.

Хана медленно подняла здоровую руку. Пальцы коснулись яблока, и, поняв, что оно настоящее, она выхватила его, впилась в сочную мякоть, расправилась за считанные мгновения. Моримото жадно наблюдал за ней. Хане было все равно. Хуже, чем есть, он ей уже не сделает. Она облизнул губы, пальцы. Уставилась на его руку, снова нырнувшую в карман и, как по волшебству, извлекающую еще одно красное яблоко. Моримото откусил, Хана смотрела. Рот наполнился слюной, она с этим ничего не могла поделать, просто смотрела, как он откусил еще раз.

Хана сделала шаг. Он улыбался самым краешком рта. Она подалась к нему всем телом, потянулась к яблоку, но Моримото медленно поднес плод

ко рту, притягивая и ее. Хана не сопротивлялась, их губы соприкоснулись. Он поцеловал ее. Его язык раздвинул ей губы. Она не противилась, но взгляд ее был прикован к яблоку.

Он все не позволял ей коснуться яблока. Хана застыла, позволяя себя целовать. Наконец, оторвавшись от нее, Моримото улыбнулся и разжал пальцы. Хана выдернула яблоко из его руки, отвернулась и вгрызлась. Когда она дожевывала последний кусок, Моримото задрал ей платье, пальцы его скользнули между ног. Хана уткнулась лицом в черную лошадиную гриву.

Он покрывал поцелуями шею, вжимался сзади, вдавливая Хану в лошадь. Она слушала его дыхание, мешающееся с ее собственным. Слушала, как ветер гонит облака. Слушала дождь, слабо барабанивший по лошадиному крупу. Моримото так крепко стискивал ее, что казалось – вот-вот раздавит и от нее ничего не останется, только воспоминание, которое поселится в нем, последнем человеке на свете, видевшем ее живой.

Облака вдруг расступились, и солнечный луч осветил полосу зелени вдалеке. Моримото отпустил Хану, и она глубоко вдохнула. Воздух пах иначе – теплый, пропитанный солнцем. Пульсирующая боль в плече напоминала о том, что она еще жива. И Хана поклялась себе, что лицо Моримото не станет последним, которое она видит.

Моримото посадил ее на лошадь. Затем удивил тем, что и сам устроился сзади, прижал к себе, так что дальше они ехали как единое существо. Хана игнорировала его близость, но когда он принялся насвистывать тот самый мотив, что часто доносился сквозь зарешеченное окно по окончании его смены, она с трудом подавила подкатившую тошноту. Хана легла на лошадь, обняла ее за шею. Плечо заныло, но Хана была рада боли – она заглушила этот ненавистный мотив.

Сеул, декабрь 2011

Эхо смолкло, девичий голос растворился в тишине, и Эми проснулась. Она осмотрелась. Рядом попискивал кардиомонитор. Она потянулась к нему, но заметила на кончике пальца прищепку. От нее шел шнур, исчезающий за краем койки. Другой рукой она потрогала лоб, в голове медленно прояснялось. Толпа незнакомых людей, шок от внезапного узнавания.

Статуя. Ее бронзовый лик – лицо Ханы – сверкал золотом под солнечными лучами. Эми села, кардиомонитор сбился с ритма, и тут она увидела сына, спавшего в кресле в углу палаты. Попискивание аппарата замедлилось, сердечный ритм восстановился. Эми окликнул сына.

– Ты проснулась! – Он закашлялся.

Она улыбнулся, когда он сел на край кровати.

– Мне нужно вернуться, – сказала Эми.

– Вернуться? Куда? Домой? Лететь-то тебе нельзя. Врач говорит...

– Нет, на демонстрацию.

– Мама, демонстрация закончилась. Ты уже два дня в больнице.

Эми потрясенно молчала. На мониторе было видно, как сердце пропустило удар, и сын озабоченно нахмурился. Он постучал по пластиковому корпусу, но сердцебиение уже выровнялось. Сын повернулся к Эми, взгляд его выдавал неуверенность. Он походил на ребенка, который не знает, что сказать.

– Мама, ты нездорова. Врач говорит, что у тебя был приступ. Тебе нужно провести здесь еще несколько дней... из-за состояния сердца. – Он погладил ее по руке. – Я позову Джун Хви, она пошла выпить кофе. Она объяснит понятнее. – Он встал, настороженно глядя на Эми, будто решая, можно ли ее оставить одну, еще раз погладил по руке. – Я быстро!

Дверь тихо затворилась, и Эми осталась одна. Хана. Она должна еще раз ее увидеть. Ха Ён сказал, что прошло целых два дня. На месте ли статуя? Эми не помнила, постоянный это памятник или передвижной, часть выставки. В любом случае наверняка он простоит там несколько дней, но нужно поторопиться. Время работает против нее с того момента, как она покинула свой остров, и два дня беспометства в больнице тому подтверждение.

Эми вспомнила, как рассмеялась, когда сельский доктор сообщил, что

у нее больное сердце и жить ей осталось считанные месяцы. Еще бы ей не умереть от разрыва сердца! Но веселье сменилось горечью, а затем и отчаянием. Она обязана еще раз поискать сестру, пусть даже в душе никогда не верила, что найдет. Но все же нашла. Хана рядом и ждет прихода Эми.

Эми сбросила одеяло. Ноги голые. Одета в больничную рубашу, нет даже белья. Эми сняла с пальца прищепку, и монитор зашелся в тревожном писке. Она наугад принялась нажимать на кнопки, спеша оборвать пронзительное верещание. Наконец повернула какую-то ручку, и звук стих.

Она осторожно слезла с койки, искала одежду. Нашла в ванной комнате на тумбочке – вещи лежали аккуратно сложенной стопкой. Дочь постаралась. Эми оделась с поспешностью, на какую было способно ее немоющее тело. Огляделась в поисках сумочки. Перерыла шкаф, тумбочку, заглянула даже под кровать, однако сумки нигде не было. А без нее она не может уйти.

Эми выглянула в коридор, направилась к сестринскому посту. В небольшой нише у окна стояла Лейн, смотрела в серое небо. Снова шел снег. Эми свернула к ней.

– Мама! Вы проснулись! Но что вы здесь делаете? – испуганно затараторила Лейн.

– Где моя сумка? – спросила Эми, стараясь говорить спокойно и буднично.

– Сумка? – повторила Лейн, будто не знала этого слова.

– Мне нужна сумка, чтобы уйти.

– Мама, но вам нельзя. Присядьте-ка здесь. – Лейн усадила Эми в кресло. – Ваша сумка у меня. Вот она. – Лейн порылась в груди пальто на соседнем стуле, выудила и протянула ей сумочку.

Эми прижала ее к груди и посмотрела на Лейн, не зная, как объяснить попрямнее. Мимо прошла медсестра, и Эми чуть приосанилась, будто прямая спина – свидетельство здоровья. Когда медсестра удалилась на достаточное расстояние, Эми чуть подалась к Лейн:

– Мне нужно вернуться к статуе. Дети меня не поймут, но ты, может, и поймешь.

Вид у Лейн был скептический, но она придвинулась к Эми.

– Мне осталось недолго. Я уже давно знаю, что сердце не в порядке.

Лейн нахмурилась:

– И как давно знаете?

– Это не важно. Важно только то, что больше я не приеду в Сеул. Это мой последний шанс ее разыскать.

– Нет, это очень важно! – почти выкрикнула Лейн и оглядела коридор, явно выискивая Джун Хви. – Вы должны сказать детям. Сколько вам отвели? – Лейн вдруг остановилась и напряженно взглядела в лицо Эми. – Вам нельзя умирать. Рано. Вы нужны дочери.

– Моя дочь – взрослая женщина. Она добилась успеха и прочно стоит на ногах. – Эми взяла Лейн за руку. – И у нее есть ты.

Лейн явно не знала, что сказать.

– Мне надо закончить то, ради чего я приехала.

– И что это?

– Я должна увидеть сестру.

Лейн молчала, отвернувшись к окну. Пасмурный свет серостью обливал ее бледную кожу.

– Джун Хви не поймет, – наконец сказала Лейн.

– Я знаю, поэтому и хочу уйти, пока ее тут нет.

– Нет, – Лейн покачала головой, – она не поймет, почему вы не рассказали ей о сестре. – Лейн перевела на нее укоризненный взгляд. – Вы приезжаете на демонстрации три года кряду, а нам с Джун Хви так ничего и не сказали... Надо было сказать, что ищете сестру.

Эми рассматривала линолеум. У нее не было времени спорить с Лейн, сыном и дочерью. Нет времени торчать в больнице. Она может из нее и не выйти.

– Я всю жизнь молчала о сестре. Не знала, как рассказать Джун Хви. И не только ей, а хоть кому-то вообще...

– Нам можно было рассказать все что угодно – и о родных, и о прошлом, а Джун Хви, я знаю это точно, все поняла бы. Тем более такое. И мы бы помогли с поисками.

– Сомневаюсь, что так, – пробормотала Эми.

– Именно так. Я ее знаю.

Пепельные волосы Лейн небрежно собраны в хвост. Выбившиеся пряди куцей львиной гривой торчат во все стороны. Эми разглядывала эту необычную женщину, которая, похоже, знала ее дочь гораздо лучше, чем мать. Возможно, она не рассказала детям о том, что случилось с их тетей, потому что ей самой не хотелось верить в такую правду. Не хотелось думать, что это из-за ее молчания тогда на берегу сестру угнали в сексуальное рабство. Угрызения совести с детства запечатали ей рот. Но дальше скрывать правду невозможно. В груди наливалась силой тупая боль.

– Некогда объяснять, не сейчас. Но я обещаю рассказать. Передай ей, что я все объясню, когда вернусь.

– Сами передайте, – ответила Лейн, глядя за ее плечо.

Эми оглянулась. Джун Хви яростно размахивала руками, что-то выговаривая медсестре. Эми наблюдала за этой сценой, будто действие разворачивалось на телеэкране. Джун Хви перешла на крик. Тут подоспел и сын Эми, лицо рассерженное, весь какой-то встопорщенный. Эми поняла, что улизнуть тайком не удалось. Придется уламывать детей ее отпустить, как будто она сама дитя малое и нуждается в разрешении.

Хана

Монголия, лето 1943

Гроза, редкая в этих краях гостья, прошла, и небесная синева разлилась над головой бескрайним невозмутимым озером. Хана задержала дыхание, представив, как опускается на морское дно. Стук копыт подобен сердцебиению, что отдается в ушах, когда погружаешься на глубину. Закрыв глаза и не дыша, она могла перенестись куда угодно. Они уже шли две ночи, порой лошадь замедляла шаг, но ни разу не остановилась по своей воле. Моримото то ехал верхом, то шел пешком, чтобы животное отдыхало. Они задержались у реки, чтобы напиться и передохнуть, но с тех пор прошло больше дня. Плечо все еще болело, и боль мешала воспринимать время.

Солнце клонилось к закату. Седло натирало, распухшее лицо и окровавленные ступни горели, но все отступало, когда Хана погружалась в себя. В глубинах сознания она избавлялась от боли. Тело скользило сквозь океан. Ноги с силой работали против течения – с силой, на которую Хана некогда полагалась, чтобы прокормить семью. Она находилась в милях от лазоревой глади, почти у самого дна, когда лошадь вдруг фыркнула. Хана открыла глаза. На горизонте виднелась какая-то постройка, возле нее угадывалось движение.

Хана не сводила глаз со строения, которое понемногу увеличивалось в размерах. Издалека показавшись вытянутым прямоугольником, здание округлилось, и стало ясно, что крыша куполом. Моримото сообщил, что они в Монголии. Издали им махали четверо людей в цветастых одеяниях, тут же с лаем нарезал круги похожий на волка пес. Хана не сразу поняла, что собака привязана к шесту. Огромный зверь яростно зарычал, когда лошадь оказалась рядом. Один из мужчин топнул на пса, крикнул ему что-то на непонятном языке, и пес покорно лег на землю, вывалил язык. Мужчины приветствовали Моримото как старого приятеля. На Хану никто не смотрел. Юноша, на вид ровесник Ханы, а то и чуть младше, взял лошадь под уздцы и подождал, пока Моримото поможет Хане слезть. Затем отвел лошадь в загон к нескольким пони и буйволице.

Оказавшись на земле, Хана наконец почувствовала на себе взгляды, хозяева оценивали гостью: измученная, одета в отрепья, лицо избито, руки стягивает веревка. Ладонь Моримото по-хозяйски лежала на ее талии, пока он беседовал с кочевниками на их языке. Они понимающе кивали, и Хана

подумала, что он продает ее или хуже – передает во временное пользование как плату за его пребывание у них.

Закончив беседовать, Моримото подтолкнул ее к шатру, который, как Хана узнала впоследствии, называется гэр. Как только они приблизились, полог поднялся, Хана ступила внутрь, ее приветствовала женщина. Моримото следом не прошел, кивнул женщине и опустил тяжелый полог, Хану он не удостоил и словом. И она вдруг ощутила себя брошенной.

Внутри Хана поначалу различала только монголку. Кирпичное лицо женщины изрезано морщинами, но скорее от солнца, чем от прожитых лет. Она ненамного старше матери Ханы. Монголка дотронулась до ее больной руки, и Хана удивилась, какая у женщины нежная кожа. Ни мозолей на пальцах, ни загрубелости на ладонях. Может, она и душой мягка, подумала Хана. Она позволила отвести себя в глубину шатра, усадить на шелковую подушку, раздеть и протереть мокрой тканью. Сначала лицо, потом тело и ноги. Наконец Хана была отмыта и облачена в лиловое платье с шелковой вышивкой – рукава просторные, подол намного ниже колен.

Хана думала только о физических ощущениях: вот женщина дотрагивается до ее кожи, вот костяной гребень скользит в волосах. Слышалось лишь дыхание монголки, шум ветра за гэр и треск огня в пузатой печке, которая стояла посреди шатра. Полутьма и тишина напоминали теплую и уютную утробу. Хана закрыла глаза, впервые со дня похищения чувствуя себя в безопасности. Она подозревала, что Моримото как раз и хотел вызвать у нее это чувство, но мысли о нем угрожали нарушить ее безмятежное блаженство, и Хана отогнала их, сосредоточилась на происходящем.

Женщина что-то сказала и разбила кокон покоя. Хана непонимающе посмотрела на нее. Монголка была одета в платье такого же покроя и цвета – должно быть, поделилась с Ханой своим. Девушка дотронулась до ажурной вышивки и благодарно поклонилась. Женщина улыбнулась. Зубы у нее были белые и ровные, лишь левый клык торчал чуточку криво. Хане казалось, что это несовершенство делает женщину лишь красивее.

Монголка занялась печкой. Дым от горящих дров через железную трубу устремлялся к отверстию в куполе. Женщина поднесла руку ко рту и снова что-то сказала. Хана кивнула. Женщина открыла громоздкий кожаный короб, стоявший возле маленького алтаря. Хана поняла, что там хранятся продукты – в перевязанных шкурах, тряпичных узлах и плетеных корзинках. Одну корзинку монголка протянула Хане.

Внутри лежало сушеное мясо, и Хана вновь благодарно поклонилась. Она набросилась на полоски мяса, соль щипала язык. Женщина тем

временем отрывала от большого каравая хлеба куски и подкладывала к Хане в корзинку. Затем монголка кивнула и встала. Натянув замшевые сапоги, она приподняла полог из шкур и шерстяной пряжи и вышла наружу.

Схватив хлеб, мясо, Хана шагнула за женщиной к выходу, но остановилась. Пережевала, проглотила и лишь потом положила ладонь на преграду, отделяющую ее от мужчин. Снаружи лаял пес, раздавался мужской смех, шумел ветер. Вдали всхрапывала лошадь.

Хану пронзило острое желание выскользнуть на волю. Но она не шевелилась.

Текли минуты, в гэр никто не заходил. Хана стояла у полога, борясь с любопытством, и наконец развернулась, прошла на прежнее место и села на подушку. Снова занялась мясом и хлебом. Когда корзинка опустела, возвратилась монголка. Убедившись, что Хана поела, она приподняла полог, чтобы девушка увидела, что там снаружи. В открывшемся треугольном проеме Хана видела черную лошадь, в седле сидел Моримото, позади него к седлу был приторочен сверток. Так и есть – он бросает ее. На миг их взгляды встретились, но полог тут же упал, и Хана осталась наедине с женщиной в теплом круге света, льющегося через отверстие в куполе.

Он все же ее продал. Хана не знала, что чувствовать – облегчение или страх. По крайней мере, эта женщина добра. Ее ласковые руки внушили Хане надежду. Возможно, монголы отпустят ее, как только поймут, что ее силой увезли из дома.

Женщина протянула Хане котелок с водой. Холодная жидкость потекла в горло, наполнила желудок, развела его соленое содержимое. Впервые за много месяцев Хана ощущала сытость. Удаляющийся стук копыт успокаивал. Она представила, как Моримото пересекает равнину и навсегда растворяется вдали.

Веки налились тяжестью, Хана мечтала провалиться в сон и больше никогда не просыпаться. Словно прочтя ее мысли, женщина принесла пушистую овечью шкуру и знаком предложила устроиться на ней. Мягкий мех показался Хане невиданной роскошью после многих ночей неволи в голой каморке на жесткой циновке. Она провела по нему руками, утопила пальцы в шерсти. Женщина укрыла ее толстым домотканым одеялом, и Хане с трудом удавалось не закрыть глаза, не провалиться в сон немедленно. Женщина похлопотала вокруг нее еще немного, потом пристроилась в сторонке с пряжей и принялась негромко напевать. Шуршание шерсти, монотонное пение – и Хана погрузилась в сон.

Ей снилось, что она плавает в теплой заводи невдалеке от берега.

Водоем в кольце черных скал. Мелководье, прогретое солнцем. Хана впитывает тепло. Щеки ее чуточку горят. В вышине кричат чайки. Где-то рывкает морской лев. Хана думает, что надо открыть глаза и поискать мать. Желание острое, но веки накрепко склеились, их невозможно разлепить, и она скользит под поверхностью воды, освещенная солнцем.

* * *

Хана проснулась ночью. Нагретый печкой воздух колыхался от тяжелого дыхания спящих монголов. Ее глаза привыкли к мерцанию углей. Даже в такой теплый день здесь сохраняли огонь. Хана приподняла голову и различила в полутьме три лежащих рядом тела.

Ближе к ней лежала женщина. Темная масса слева от нее находилась слишком далеко, чтобы разглядеть лицо, но, судя по росту, это был мужчина. Дальше спал кто-то поменьше – должно быть, тот мальчик, что принял у них лошадь. Не обнаружив двух других мужчин, Хана удовлетворенно уронила голову и плотнее закуталась в одеяло.

Ей не спалось, она вслушивалась в ночные звуки. В сочное мужское похрапывание, в тихие выдохи женщины, в шорохи беспокойно ворочавшегося, будто ему снился кошмар, мальчика. Ветер улегся, и даже пес, похоже, уснул, но животные в загоне переступали копытами.

Куда уехал Моримото и что ее ждет с восходом солнца?

Хана, иди домой... Голос сестры прозвучал так близко, будто она стояла за стеной из шкуры и войлока. Хана села и прислушалась – нет, только храп, дыхание и потрескивание углей. Может, надо выйти на улицу, посмотреть... Хана уже собралась снова лечь, но тут прямо над головой закричала сова. Хана выбралась из-под одеяла, прокралась к выходу и выскользнула из гэра.

Ночное небо сияло звездами, и снаружи было светлее, чем внутри. Тысячи белых точек усеивали черное полотно. Красота ночи ошеломила, покой, который опустился на Хану в последние часы, позволил увидеть, сколь прекрасны эти звезды.

Где-то рядом заворчал пес. Хана повернула голову. Неясный холмик чуть в стороне поменял очертания – пес встал. Черный волчий силуэт на фоне звездного занавеса. Пес снова зарычал – предупреждающе, еле слышно. Хана еще раз посмотрела на небо и вернулась в гэр. Легла на свое место, укрылась мягким одеялом. Рядом пошевелилась женщина, мужчина уже не храпел, мальчик не ворочался. Все они больше не спали, но

молчали. После долгой паузы напряжение растаяло, угли мирно потрескивали в очаге, окрашивая все вокруг в легкие багряные тона. Хана вспоминала звезды, сияющие в небе. Она посмотрела на отверстие дымохода и уловила блеск – несколько звезд смотрели на нее в ответ.

* * *

Монголка разбудила ее, осторожно сжав руку. Хана испуганно села. Женщина улыбнулась и ласково коснулась щеки, успокаивая. Она поставила рядом с ложем Ханы замшевые сапоги и знаком предложила надеть. Затем поманила за собой наружу.

Солнце едва поднялось над ровным горизонтом. В лиловом небе еще угадывались звезды. Пес зарычал, но женщина погрозила ему, и тот замолчал, улегся на землю и замолотил хвостом. Привязанный к шесту, пес лежал, выбрав почти всю длину веревки, как можно ближе к гэру. Женщина покровительственно приобняла Хану и повела к собаке. Встревоженная намерениями монголки, Хана инстинктивно упиралась, но женщина заглянула ей в глаза, широко улыбнулась и замотала головой. Хана уступила.

Приблизившись к собаке, женщина ласково заговорила. Пес дружески гавкнул, так они и разговаривали – женщина сыпала словами, а пес взлаивал в ответ. Иногда лай переходил в рычание, когда пес косился на Хану. Женщина подтолкнула ее к собаке. Хана напряглась, но женщина взяла ее руку и медленно поднесла к морде пса. Хана не сомневалась, что тот сейчас отхватит ей пальцы.

Серая шерсть на загривке встала дыбом. Пес обнюхал руку и трижды чихнул, словно брезговал запахом чужестранки. Женщина снова заговорила. Пес завыл, протяжно и скорбно. Вдруг это и вправду волк, а не собака, подумала Хана. Желтые глаза так и горели, но пес вдруг опустил морду, отводя взгляд.

Женщина выпустила руку Ханы и жестом пригласила по ее примеру погладить пса. Приговаривая что-то ласковое, монголка запустила пальцы в густой мех. Хана медленно нагнулась. Если коснуться шерсти на голове, то она успеет отдернуть руку до того, как собачьи зубы вопьются в пальцы.

Кажется, прошла вечность, прежде чем кончики пальцев коснулись шерсти. Хана застыла, давая животному решить, приятно это ему или нет, но пес не шевелился, и тогда она провела рукой от головы к шее. Затем повторила, и пес вдруг перестал скалиться, вывалил на сторону язык и

перекатился на спину, открывая мягкое подбрюшье. Женщина показала Хане знаком, чтобы та продолжала, и девушка с нарастающим удовольствием взъерошила пушистый мех, радуясь наслаждению, которое передавалось от пса к ней. Она и сама не заметила, как ласково заговорила:

– Хорошая, хорошая собачка. Мы с тобой подружимся, да?

Пес извернулся и лизнул ладонь Ханы. Женщина жестом дала понять: знакомство состоялось, пора идти. Они обогнули гэр. Хана остановилась, замороженная открывшимся видом. Вдали вздымались синие горы, сливаясь с небом. От величия картины у нее захватило дух.

Монголка нетерпеливо подтолкнула Хану к небольшому загону. Хана удивлялась, как это она не заметила гор накануне. Они вошли внутрь, навстречу им подняла голову буйволица. Хана заметила, что вымя у нее набухшее. Четверка приземистых и разномастных пони бросали в их сторону любопытные взгляды. За загонем обнаружился еще один гэр, поменьше, у входа к шесту были привязаны три верблюда. Хана решила, что в этом гэре спят двое других мужчин. Наверное, дальние родственники, подумала Хана, беря ведро, которое протягивала ей женщина.

Они вдвоем загнали буйволицу в угол. Та испуганно мычала, но дойке не сопротивлялась. Хана постаралась не вспоминать, как она оторвала у раненой буйволицы ногу. Она внимательно следила за действиями женщины. Та опустилась на колени, установила ведро и начала доить. Хана наблюдала, запоминая. Когда ведро почти наполнилось, монголка встала и жестом предложила Хане занять ее место.

Хана подставила под вымя пустое ведро и взялась за соски. Плечо напомнило о себе болью, но Хана не обратила на это внимания. Сперва ничего не получалось, и женщина помогала, показывая, как надо сдавливать сосцы. Понаблюдав за действиями Ханы, все более уверенными, женщина распрямилась, взяла полное ведро и вышла из загона.

Хана какое-то время теребила сосок, из которого вдруг перестало сцеживаться молоко, затем взялась сразу за два, и молоко снова потекло в ведро. Вскоре оно уже было полное. Хана вытерла со лба пот. Встала, плечо протестующе пульсировало. Она размяла его, глядя на чудесный пейзаж. Солнце поднялось уже высоко, и Хана увидела, что вся равнина волнуется как море – высокая зеленая трава плавно колыхалась под слабым ветром. Густые тени от облаков лениво ползли по травяному океану. Хана не могла оторвать взгляда от этой картины.

Ветер сдул прядку волос на глаза. Убирая ее за ухо, Хана уловила какое-то движение справа. Буйволица отошла в сторону, и Хана испугалась,

что это пес решил все-таки разобраться с чужачкой. Но на изгороди висел мальчик и улыбался, глядя на Хану.

Хана отвернулась и подняла ведро. Его пришлось держать двумя руками, настолько оно оказалось тяжелым, но Хана, не споткнувшись, вышла из загона и двинулась к гэрэ. Боль в плече усилилась, но Хана не поддавалась ей.

Мальчик догнал ее, попытался ухватиться за ведро. Хана остановилась и резко отвела руки с ведром. Молоко выплеснулось через край. Мальчик снова потянулся к ведру, но Хана отступила. Мальчик рассмеялся и спрятал ладони за спину. Хана аккуратно обошла его.

Паренек не отставал от нее, точно любопытный пес. Он держался поодаль, и Хана перестала бояться. Она пару раз оглянулась, чтобы убедиться, что он не подкрадывается, а внутрь гэра вошла, даже не посмотрев, где мальчик. Он вошел лишь чуть погодя, когда Хана по указанию женщины переливала молоко в стоящий у входа большой чан. Мальчик сел у своей скатанной шкуры-лежанки. Женщина что-то сердито сказала ему, и он послушно вышел из гэра, но по дороге перехватил взгляд Ханы. Других мужчин она пока не видела, но и этот, несмотря на возраст, уже явно пытается предъявить на нее права.

Остаток дня она старалась держаться поближе к женщине, ходила за ней хвостом, что малое дитя. Хозяйственные работы были незатейливы: набрать свежей воды из колодца, что располагался за небольшим взгорком к востоку от стана; накормить пони, буйволицу и верблюдов; сбить свежее молоко в масло, поставить кваситься сыр; починить обувь, одежду и стены гэра. День быстро переходил в вечер. Хану пугала подступающая темнота.

Вечером мужчины собрались в главном гэре. Они расселись вокруг очага, все только что поели; сытые мужчины, попивая забродившее молоко, запели. То и дело раздавался смех, и это приподнятое настроение повергало Хану в ужас.

Она бесцельно бродила у гэра, скрытая тьмой, гладила пони, привязанного у входа к шесту, словно в преддверии скорого путешествия. Пони был взрослый, но ростом с жеребенка, он напоминал лошадок с родного острова. Она ощущала родство с этим животным, пробуждавшим мысли о доме. От трапезы Хана припасла несколько ломтиков груши. Она раскрыла ладонь с угощением, и пони ткнулся в нее мягкими губами, осторожно взял, хрустел, и этот звук напомнил Хане перестук деревянных колокольчиков, что висели у двери ее дома.

Поглаживая гладкую шкуру пони, Хана с любопытством посмотрела на необычное деревянное седло. В отличие от черной лошади, на которой

ее привез японец, эта монгольская лошадка была совсем не страшная, оседлать ее не составит большого труда. Подскок – и Хана окажется верхом. Рука ощупала луку седла, сжала ее. Можно прямо сейчас умчаться в ночь. В темноте ее не отыщут. У нее может получиться.

Сзади залаял пес, и Хана резко обернулась. Кто-то трепал собаку по голове. Силуэт стройный. Это мальчик. Хана отодвинулась от пони. Догадался ли он, что она собиралась сделать? Его шаги приближались, трава хрустела под кожаными сапогами. Хана следила за ним боковым зрением.

Лицом она стояла к гэру, прислушивалась к мужским голосам внутри жилища. Полог был наполовину поднят и закреплен веревкой, чтобы впустить в гэр вечернюю свежесть. Гортанное пение плыло к Хане. Тусклый свет, лившийся из треугольного проема, осветил лицо паренька. Он не улыбался, смотрел на Хану с опаской – похоже, тоже нервничал. Жестом позвал Хану в гэр. Она смотрела на освещенный проем, отчаянно жалея, что не умчалась на пони. Медленно двинулась к шатру. Ноги словно вязли в сыром песке. Казалось, ей понадобилась вечность, чтобы дойти до входа и нырнуть внутрь.

Вокруг печки полукругом лежали шелковые подушки. Женщина сидела чуть в стороне, рядом с ней тоже лежала подушка. Монголка поманила Хану к себе. Девушка обогнула сидящих мужчин на цыпочках, те, словно и не заметив ее появления, продолжали петь. Женщина посмотрела на мальчика, вошедшего следом за Ханой. Он плюхнулся на ближнюю к выходу подушку, и печка частично скрыла его от Ханы. Васильковое одеяние мальчика поблескивало на свету, когда он, подхватив песню, раскачивался и хлопал. Изредка из-за печки выглядывало оживленное лицо.

Не принимая участия в общем веселье, Хана смотрела на своих новых тюремщиков, слушала их странные песни. Мужчины пьянели с каждой кружкой молочной браги. Они хлопали друг друга по коленям, улыбались женщине, которая то и дело наполняла их кружки. Когда пламя в печке почти затухло и гэр погрузился в сумрак, Хана приготовилась к неизбежному – к тому, что она привыкла ждать от подвыпивших мужчин. С силой уперев руки в колени, она сидела напряженная, точно натянутая тетива. Взгляд метался из стороны в сторону, подкарауливая, когда на нее накинутся, сорвут с нее новую одежду, впечатают в ее тело чужеземную вонь. Ведь таково отныне ее предназначение, за этим и привез ее сюда Моримото.

Пони по-прежнему стоит у выхода. Мужчины уже пьяны. Можно

встать, скользнуть мимо и выйти как бы по нужде. Потом бесшумно отвести пони в сторону, оседлать и уехать во тьму, пока они не сообразят, что случилось. Хане это казалось вполне осуществимым, но тут она поймала взгляд мальчика и поняла, что он-то вовсе не пьян и наблюдает за ней. Парень услышит стук копыт. И пустится в погоню.

Оранжевое пламя догорело, лица укрыл красноватый мрак, и вся компания вдруг сделалась угрюмой, комната погрузилась в тяжелую тишину. Хану тронули за руку. Отстраняться бессмысленно. “Началось”, – подумала Хана. Рука потянула ее, заставляя встать, и... увела подальше от мужчин, которые тоже зашевелились, поднимаясь. Это была женщина, она отвела Хану туда, где та спала предыдущую ночь. Монголка расстелила шкуру, Хана легла и стала ждать. К ее удивлению, мужчины встали и двинулись к выходу. Снаружи неслись их голоса, и Хана напряженно вслушивалась, гадая, кто же явится к ней первым и как себя поведет.

Фыркнул пони, застучали по земле копыта – его уводили. Шаг перешел в галоп, и топот копыт затих вдаль. Один из мужчин вернулся в гэр. Тихо прошел мимо Ханы к женщине. Шелковый халат зашуршал, когда он опустился на колени. Мужчина разделся и лег рядом с женщиной. Та что-то забормотала, но Хана уже не слушала.

Знакомые звуки напомнили ей о родителях. Хана вспоминала их тихие ласки, которые начинались, когда они думали, что она заснула. До похищения то, что происходило под покровом ночи, оставалось для нее тайной. И теперь она старалась отгородиться от того, что было обоюдным желанием, а может, и любовью этих чужих ей мужчины и женщины. Так же любили друг друга родители. Мальчик, как и она, лежал тихо, но Хана знала, что он не спит. Вскоре мужчина и женщина затихли, а затем темнота наполнилась храпом. Хана закрыла глаза. Сон не шел. Она думала, оставил ли ее в покое Моримото или это лишь передышка.

Эми

Сеул, декабрь 2011

Эми сидела на краю койки в тесной больничной палате. Вокруг устроились родные, и Эми рассказывала, как похитили ее старшую сестру. Она вспоминала, как та выскочила из моря и спрятала ее под скалой. Историю она выложила на одном дыхании, а когда замолчала, наступившую тишину нарушали лишь сдвоенные всхлипы дочери.

Сын заговорил первым:

– Но мы думали, что ты была единственным ребенком.

– Я знаю, простите меня.

– А теперь ты сообщаешь, что у тебя есть сестра, которая, возможно, еще жива? И ты приезжала на эти демонстрации, чтобы ее найти? Что нам думать?

– Успокойся, – мягко сказала Лейн. – Не забывай, что мама еще очень слаба.

– Почему ты не рассказала раньше?

В голосе сына был упрек. Эми чувствовала, как жар его гнева растекается по больничной палате. Она уже и забыла, каким сын бывает. Как позволяет гневу вырваться наружу, не думая о последствиях. Она не отвечала и ждала, когда он успокоится. В палате царило напряженное молчание. Дочь, повсхлипывая еще немного, высморкалась. Рука Лейн обнимала плечи Джун Хви. Наконец Эми ответила:

– Я не могла покрыть вас моим позором.

– Позором? – с неожиданным гневом вскинулась дочь. – Мама, за что тебе стыдиться?! – Она сжала материнскую руку.

Сын молчал, хотя гнев его и не пошел пока на убыль.

– Я знаю, что вам все это очень трудно понять, – тихо произнесла Эми.

– Мама, мы хотим понять! Помогите нам.

Эми не решалась посмотреть на детей, разглядывала желтые цветочки, усеивающие белую простыню. Касалась их пальцами, обводила контуры. Внезапно они напомнили ей желтые хризантемы, и она отдернула руку. Цветы расплылись перед глазами, Эми вытерла слезы. Собралась с силами и сказала:

– Это мой позор.

– Нет, это их позор... японцев! – Эми и не знала, что у дочери может быть такой высокий, пронзительный голос. – Пусть они стыдятся, а не ты!

Эми снова вытерла глаза. Глядя в потолок, она зажмурилась, прежде чем открыть ужасную правду. Правду, в которой не признавалась даже себе.

– В тот день я спряталась под скалой и позволила забрать ее вместо себя. Она пожертвовала собой ради меня... а я согласилась. Вот почему я не рассказывала вам... и вообще никому. Мне было стыдно за трусость.

Эми закрыла лицо ладонями и скрючилась в постели, желая уменьшиться, исчезнуть. Страх, испытанный в тот далекий день, ожил и снова растекся по телу, будто она снова была там, в тени скалы.

* * *

Хана стояла перед солдатом, загораживая скалу, и Эми слышала ее голос. Сестра солгала японцу, а потом подошли еще двое и уволокли ее. Эми слышала, как они удаляются от берега в сторону дороги. Она знала, что ее уже не увидят, если она выглянет из-за камней, но страх сковал ее. Эми лежала, сжавшаяся в клубок, пока не подросла мать.

– Ты ушиблась? Что с тобой, Эми? – Ее встревоженный голос не вывел Эми из ступора. – Эми? – В голосе матери обозначилась паника.

Эми разрыдалась. Она никак не могла остановиться.

– Где Хана, Эми?

– Ее забрали, – сквозь икоту и всхлипы выговорила она.

– Кто?

– Солдаты.

Эми в мельчайших подробностях помнила ужас, отразившийся на материнском лице. Глаза ее расширились и стали похожи на чернильницы, готовые излиться в глаза самой Эми. Уголки рта искривились, как у капризного ребенка, губы задрожали. А потом она издала скорбный вопль, повисший над берегом. Тогда-то маленькую Эми и охватил стыд за то, что она спряталась в тени скалы, прикрылась водорослями, а старшая сестра – гордость родителей, напарница матери – сгинула, уведенная японскими солдатами.

* * *

– Она спасла тебя, – мягко сказала Джун Хви, отнимая ладони от лица матери, и погладила Эми по щеке. – И от меня ей спасибо за это. Мама, я благодарна твоей сестре... моей тете. Она пошла с ними, чтобы спасти

тебя, она была старшей сестрой, а ты еще совсем ребенком. Она выполнила свой долг и заслуживает, чтобы ее помнили. Но ты ни в чем не виновата. Она бы не захотела, чтобы ее младшая сестра терзалась угрызениями совести всю жизнь.

Эми не готова была принять отпущение грехов, которое с такой готовностью предлагала дочь.

* * *

На следующее утро она проснулась, села в постели, протерла заspanные глаза и повернулась, чтобы разбудить сестру. При взгляде на пустую постель она сначала смешалась, но мигом все вспомнила.

– Хана! Где Хана?! – кричала Эми, пока в комнату не влетела мать, которая обняла ее и принялась качать, баюкать.

Так они и сидели, раскачиваясь в единой скорби. Взглянув на материнское лицо, Эми увидела слезы, катившиеся по ее круглым щекам.

– Мама, не плачь, папа ее найдет. Я знаю!

Она встала и обошла тихий дом. Вышла на крыльцо, села на ступеньку и стала ждать, когда отец приведет сестру домой.

День растянулся на целую вечность, но отец не возвращался. Мать села рядом. Они молча смотрели на темнеющий горизонт. Эми заснула, а проснувшись следующим утром, обнаружила, что снова лежит одна, и она снова стала звать Хану. Мать прижала Эми к себе и обнимала, пока та не затихла. Потом они опять уселись на крыльце, глядя, как солнце безмолвным свидетелем поднимается по дуге, и еще день прождали отца.

Через пару недель Эми проснулась уже с пониманием, что Ханы рядом нет. Она накрылась одеялом с головой и попыталась снова уснуть. Потом пришла мать и похлопала ее по спине – вставай.

– Не встану, пока папа не приведет Хану, – заявила из-под одеяла Эми.

– Мы останемся совсем без еды, если я сегодня не выйду в море, – буднично ответила мать и высвободила руку.

Эми мгновенно ощутила, как не хватает ей этой руки, но поборолла желание повернуться.

– Я не буду есть, пока папа не вернется с Ханой. Мать ответила не сразу. Молчание испугало Эми, но она так и продолжала лежать в укрытии под одеялом.

– Мне нужно в море, – сказала наконец мать, – чтобы мы могли прокормиться. Нельзя и дальше надеяться на щедрость друзей.

– Не хочу есть, – солгала Эми, и тут же ее желудок занял от голода.
– Ну а я хочу. Идем, дочка, у нас работа. – И мать похлопала Эми пониже спины.

– Ты иди, а я буду ждать папу.

В тишине повисло нечто, чему Эми не подобрала названия. Она рассердила мать? Или огорчила? Непонятно. На сей раз она выглянула из-под одеяла. На лице матери застыло странное выражение. Эми испуганно подумала, что dospорилась.

– Я не могу оставить тебя дома, это опасно, – ответила мать так тихо, что Эми усомнилась, правильно ли расслышала.

– Опасно?

– Солдаты могут вернуться.

Перед глазами Эми встали мужчины в японских мундирах.

– Зачем, мама?

– За остальными девочками. За тобой и всеми, кого еще не забрали.

Мать прикоснулась к щеке Эми с такой нежностью, что та наконец поняла: мать боится потерять и ее.

– Я им не дам, мама. Я знаю, что плаваю неважно, но обещаю научиться. И стану как Хана. И буду ходить с тобой в море. У меня получится.

Эми вскочила, расправила плечи и подняла голову, чтобы казаться повыше.

– Я знаю, дочка. Знаю. – Такой улыбки Эми у матери еще не видела – мать едва улыбалась губами, а в глазах застыла печаль.

В тот день они пошли к морю вместе – и делали так ежедневно с тех пор.

Месяц спустя наконец вернулся отец – один. По его исхудавшему лицу Эми поняла, что в поисках Ханы он заехал в дальнюю даль. Она не спросила, почему он сдался, – не смогла еще глубже ранить его уже разбитое сердце.

* * *

– Тебе нечего стыдиться за то, что выжила, – сказала Джун Хви, вырывая Эми из воспоминаний. – И нет никакого позора в том, что твою сестру превратили в “женщину для утешения”. Ты столько пережила, что достойна жить счастливо. Попрощайся с прошлым и проживи, сколько осталось, в радости.

От слова “позор” Эми снова съежилась. Стыд въелся в ее плоть, он стал ее частью, и от него уже не избавиться. Позор – ее хён. Стыд за то, что она пережила две войны, тогда как многие погибли; за то, что ни разу не выступила за справедливость, что жила, не понимая смысла собственной жизни.

Иногда ей казалось, что она и родилась-то ради страданий. Современные люди гонятся за счастьем. Ее поколение не ведало, что право на счастье является основополагающим для людей, но сейчас это стало само собой разумеющимся. Эми видит это по дочери, по ее жизни с Лейн. Даже сын по-своему счастлив, хотя он нередко напоминает своего отца – полицейского, привыкшего относиться к любому делу как к приказу начальства. Но сына это устраивает, и Эми рада за него. Она рада, что дети живут в гармонии с собой. Но ей это недоступно. И она должна еще раз взглянуть на бронзовую девушку.

Хана

Монголия, осень 1943

Неделю все дни протекали одинаково. До вечера Хана помогала женщине по хозяйству, а к ночи засыпала, гадая, как долго все это продлится. Однажды она как обычно проснулась от прикосновения монголки, они вышли из гэра, пока остальные еще спали. Но в это утро Хане вручили оба железных ведра. Женщина кивнула на загон, а сама направилась в другую сторону. Теперь Хана была сама по себе.

На каждой руке висело по ведру. Солнце только-только показалось над равниной. Одежда женщины мерцала уже далеко. Хана посмотрела за гэр, на бескрайние пастбища, уходящие к далеким горам. На таком расстоянии лиловое платье женщины, которое, как уже знала Хана, называется “дил”, казалось черным.

Она повернулась и пошла к загону. Хана уже выучила несколько монгольских слов. Собака – “нохой”. Лошадь – “мори”. А “голодный” – “олон”. Она позволяла чужим словам крутиться в голове, чтобы они уложились там получше.

Пес залаял, когда Хана приблизилась. “Нохой”, – подумала она, поставила ведра на землю и протянула руку. Пес принялся радостно лизать ладонь, Хана нагнулась почесать, и пес тут же перевернулся на спину, подставляя живот. Он был не на привязи и волен гулять, но никуда не уходил. Почесывание собачьего брюха наполняло Хану особого рода теплом, какого она давно не испытывала. Осознав, что улыбается, Хана резко прекратила ласкать собаку, подхватила ведра и двинулась дальше. Пес вскочил и потрусил в ту сторону, куда удалилась монголка.

При виде Ханы буйволица втянула воздух. Пони приветствовали ее, тычась в руки мягкими носами.

– Для вас пока ничего нет, – сказала Хана и потрепала самого маленького по холке.

Она протолкалась между ними и опустилась на колени подле буйволицы. Послышались шаги, но Хана не обернулась – она и так знала, что это мальчик. При матери он держался поодаль, но наедине был посмелее. У мальчика легкая походка, в отличие от взрослых монголов, которые грузно топчут. Он поздоровался. Хана не ответила, сосредоточившись на деле, словно на свете нет занятия важнее, чем дойка. Мальчик немного постоял рядом, опершись на изгородь и положив на руки

подбородок.

– Алтан, – сказал он.

Хана оглянулась.

– Алтан, – повторил мальчик и хлопнул себя по груди ладонью. Затем показал на нее, и лицо его изобразило вопрос. Он ждал, но она молчала. Мальчик предпринял еще попытку, но Хана снова промолчала.

Когда он зашел на третий круг, у нее вырвался смешок, и она прикрыла рот. Смех лился из нее, как будто прорвало дамбу, и вот она уже согнулась, не в силах сдержать хохот. Давно же она не смеялась! Хана словно утратила власть над собой. У нее текли слезы. Лицо мальчика расплылось, и ей не понять, рассердился он или нет. Он перелез через изгородь. Смех замер. Хана встала и вытерла глаза.

Стоя лицом к лицу, они оказались почти одного роста. Он лишь ненамного выше и чуть наклонял голову, когда смотрел в глаза. Хана знала, что следы от побоев еще не до конца сошли с ее лица, как и кровоподтеки с шеи. Готовая ко всему, она сжала зубы, стиснула кулаки. Этот мальчишка не так силен, как взрослый мужчина, но и он серьезный противник. Она вызывающе смотрела на него, надеясь, что он испугается и оставит ее в покое.

Мальчик поднял руку, и Хана вздрогнула. Он дотронулся до своей груди:

– Алтан.

Он улыбался, широко, дружелюбно, от глаз разбегались лучики. Он коснулся ее груди и вскинул брови. С момента похищения никто не задавал ей этот вопрос. Она уже и сама не знала, как ее зовут. Каким именем назваться – настоящим или тем, которое получила в борделе? Она вдруг осознала, что кончики его пальцев так и упираются ей в грудь. Она деликатно отвела руку мальчика.

– Хана, – наконец сказала она.

Он несколько раз повторил ее имя, и Хана рассмеялась его выговору.

– Ха-на, – произнесла она по слогам.

Он повторил еще раз, затем показал на себя. Хана улыбнулась:

– Алтан.

Он остался явно доволен ее произношением. Пони забеспокоились за спиной, и Хана поняла, что появились зрители. За ними наблюдал молодой мужчина, стоявший у выхода маленького гэра. Он ухмылялся. Хана вспыхнула, но мальчик помахал ему, и мужчина, покачив головой, скрылся за гэрмом, явно по нужде. Раздалось журчание, и Хана смутилась. Она вернулась к буйволице, и Алтан понял, что разговор окончен. Он послушно

оставил ее в загоне одну. Она смотрела, как он бежит в ту сторону, куда ушла женщина. “Эж”, – поправила себя Хана. Мама.

“Слова – это сила, – сказал как-то раз отец, прочтя одно из своих политических стихотворений. – Чем больше ты знаешь слов, тем сильнее становишься. Поэтому японцы и запрещают наш язык. Они лишают нас силы слов”.

За работой Хана повторяла монгольские слова, концентрируясь на каждом, чтобы напитаться его силой.

Ведро наполнено, она попыталась поднять сразу оба, чтобы отнести в гэр, но сил не хватило, они слишком тяжелые. Тогда Хана взяла обеими руками одно ведро и понесла. Она старалась не разбудить мужчину, все еще спавшего у печки. Ее успокоил его kloкочущий храп. Пока он спит, Хана его не боится. Она поспешила в загон за вторым ведром, но там рядом с пони стоял мужчина из соседнего гэра.

Хана замешкалась у калитки, глядя, как он оглаживает одного из пони, выискивая колючки и репы. Очистив плотную шкуру, мужчина, еще совсем молодой, принялся поочередно приподнимать пони ноги, осматривая копыта, а потом дважды обошел его со всех сторон. После чего занялся следующим. Хана ждала, когда он закончит. Парень стал осматривать третьего пони и только тут заметил Хану.

Он что-то буркнул, но она не сдвинулась с места. Тогда он показал на ведро рядом с буйволицей. Солнце взошло уже высоко, и вблизи Хана видела, что мужчина не старше самых молодых солдат, что приходили в бордель. Возможно, это старший брат Алтана. Он был изрядно выше Ханы – как минимум на голову. Широкие плечи, а ноги крепкие и мощные, как древесные стволы. С таким ей не справиться.

Видя, что она так и не входит в загон, он рассмеялся и что-то сказал, обращаясь к пони. Дернул его за хвост, и пони потрусил к калитке. Еще две лошадки последовали за ним, и вскоре вся троица галопом унеслась в луга. Хана с удивлением наблюдала за происходящим. Четвертый пони мешкал, поглядывая на Хану, словно снедаемый любопытством.

Мужчина что-то снова сказал. Хана вздрогнула, напуганная его внезапным обращением. Он опять рассмеялся и зашагал к ней. Она стояла, с напускным безразличием глядя мимо него. Он остановился прямо перед нею. Они молча стояли лицом к лицу. Он смотрел ей в глаза, и Хана ответила вызывающим взглядом. Мужчина улыбнулся, зубы у него были желтоватые от табака. Загорелая кожа лоснилась от пота. Он стукнул себя в грудь:

– Ганбаатар.

Снова улыбнулся, и Хана поняла, что он дразнит ее – подсмотрел их диалог с Алтаном. Она прищурилась, но смолчала. Поднялся ветер, взметнул в воздух сухую траву. Хана отвернулась и прошла внутрь загона, торопясь прикрыть молоко от мусора. Мужчина хохотнул, вывел из загона последнего пони и направился в сторону гор, следом за женщиной и Алтаном.

Вернувшись со вторым ведром в гэр, Хана испугалась тишины. У печки сидел полуголый монгол, завтракал сыром и соленым мясом. Хана торопливо вылила молоко в чан и скользнула к выходу.

– Погоди, – раздалось сзади.

Хана замерла. Он произнес это по-японски. Мужчина встал и натянул хлопковую нательную рубаху, не переставая жевать. У Ханы заурчало в животе. Надев дил и застегнув все пуговицы на плече, монгол снова сел.

– Сядь сюда, – он показывал на соседнюю подушку.

Хана прикидывала свои шансы. Можно убежать – глядишь, и найдет женщину с остальными кочевниками, но он ведь никуда не исчезнет, когда она вернется. Или можно принять неизбежное, и делу конец. Она крепко сжала кулаки, ногти впились в кожу.

Хана опустила взгляд и, словно ведомая на поводке, побрела к подушке.

– Ты так и не сказала ни слова, – заговорил мужчина, когда она села.

На нее он не глядел, ел мясо, каждый раз, прежде чем откусить от полоски, изучая как нечто любопытное.

Протянул ломтик Хане, но она помотала головой. – Я не знала, что вы говорите по-японски, – сказала она, глядя в пол.

– А ты хорошо говоришь по-японски. И голос у тебя приятный.

Хана оцепенела – комплименты чреваты неприятностями, но смятения она не выдавала.

– Я не знаю, зачем ты здесь, – сказал мужчина и наконец посмотрел на нее.

Глаза у него были в сеточке тонких морщин, от чего лицо казалось добрым. Задубевшая, загорелая кожа выдавала возраст, и Хана подумала, что он, возможно, приходится Алтану дедом, а не отцом. Не дождавшись ответа, он продолжил:

– Капрал Моримото сказал, что ты должна пожить у нас, но я все равно не понимаю.

Он рассматривал ее, как неведомого зверька, словно хотел понять, чем она питается и откуда родом. Мужчина уже не казался ей таким страшным, и она немного расслабилась.

– Как же он объяснил? – отважилась она спросить, старательно избегая смотреть ему в глаза.

– Сказал, что ты сирота. Что он спас тебя от квантунской армии в Маньчжурии. Везет тебя к твоему дяде, на запад. Но откуда у тебя дядя в Западной Монголии? Вот вопрос, на который мне хочется получить ответ.

Моримото назвал ее сиротой, а не проституткой. Хану затопило облегчение. Это хорошие люди. Они не изнасилуют сироту. Возможно, именно поэтому Моримото так им сказал. Он не отдал ее на растерзание, просто оставил в надежном месте до своего возвращения. Хана закрыла лицо руками, чтобы не выдать чувства.

– Еще горюешь, – кивнул мужчина, ошибочно приняв ее жест за выражение скорби. – Значит, поговорим в другой раз. – Он встал: – Пошли со мной.

Она последовала за ним в ту же сторону, куда ушли остальные. Ступать было больно, и Хана опасалась, что некоторые ранки могут открыться заново, однако ей не хотелось выказывать слабость, и она прибавила шаг, чтобы не отставать. В голове крутилась мысль, что Моримото вернется. “Конечно, он вернется”. И ей уже не так легко дышалось, как несколько минут назад.

Они прошли не меньше мили, высокая трава сменилась кустарником. Нависающие горы заслоняли небо. От подъема заныли икры, но Хана упорно шла вперед, стараясь не приближаться к мужчине вплотную. Может, он ведет ее вовсе не к своему семейству, а в укромное место. Он старше других, но выглядит самым сильным.

Мужчина поднялся на взгорок, остановился, упер руки в бока. Хана встала чуть поодаль, впитывая открывшийся вид на долину. Зеленое море стеблей, увенчанных крупными головками, раскинулось, сколько хватало глаз – до самого подножия ближайшей горы. Там и тут пламенели красные цветы, хотя большинство коробочек уже лишились лепестков. Алтан, женщина, Ганбаатар и еще один молодой мужчина были там: медленно двигались вдоль рядов растений, задерживаясь у каждого.

– Что это? – спросила Хана.

– Ты что, не узнаешь мак?

Хана покачала головой. Он с удивлением посмотрел на нее, и она покраснела.

– Ни разу не видела маков? А знаешь, зачем мы их собираем? – Он развернулся к ней всем телом, и Хана отступила, готовая помчаться вниз, поближе к остальным. – Опий! – улыбнулся мужчина. – Идем. Мой младший научит тебя всему, что нужно.

Не дожидаясь ответа, он двинулся с холма. Хана глядела ему вслед. Мать Алтана увидела их, замахала руками, Хана, несмотря на расстояние, разделявшее их, знала, что женщина улыбается. Тут оглянулся и Алтан, тоже замахал приветственно. “Хана!” – закричал мальчик, и она вдруг ощутила себя прежней, самой собой, а не девушкой, которую заперли в бордель. Здесь она просто Хана, потому что эти люди не похожи на солдат. Она помахала в ответ и побежала вниз за отцом Алтана.

Они выращивают опиум, который под запретом у китайцев, но для Ханы это не имело значения. Она вспомнила Хинату с ее чаем, который помог ей выжить в борделе. Алтан показал, как надрезать коробочки, чтобы выступил сок. Многие луковицы уже были рассечены, и Ганбаатар собирал сок клочками ткани. Задача Алтана и Ханы – взрезать коробочки. Они двигались параллельно друг другу, чтобы Алтан следил за ее действиями, хотя это дело нехитрое. Время от времени он подходил и подправлял угол, под которым она держала нож. К сумеркам они успели обработать почти три четверти поля. Алтан поделился с Ханой обедом, но к исходу дня ее снова снедал лютый голод.

Солнце клонилось к горизонту. Отец позвал Алтана и вместе с женщиной двинулся к лагерю. Невесть откуда появились пони и потрусили за хозяевами, как послушные псы. Хана подняла голову к темнеющему небу. Над полем черной тенью парила птица с огромными крыльями. Наверное, ястреб, о которых рассказывал Моримото. Подошел Ганбаатар, дал Алтану фляжку. Тот отвинтил крышку и приложил фляжку к губам, но вдруг спохватился и со смущенным смешком протянул фляжку Хане.

– Вода? – спросила она.

Мальчик пожал плечами. Она взяла фляжку и понюхала. В ноздри ударила вонь перебродившего молока, и Хану передернуло. Она вернула фляжку парню. Алтан рассмеялся и сделал солидный глоток, затем с улыбкой предложил снова, говоря что-то, всовывая фляжку ей в руки. Ганбаатар тоже засмеялся. Любопытство пересилило, и Хана взяла фляжку. Поднесла к губам и отпила.

Брага обожгла рот, и Хана зашлась в кашле. Алтан, хохоча, жестом предложил сделать еще глоток. Она послушалась и вернула фляжку. Парень, похоже, довольный этим совместным распитием, надолго приложился к горлышку, а потом сунул фляжку во внутренний карман дила.

Птица все кружила в небе, Хана не могла отвести от нее взгляда. Ганбаатар пронзительно засвистел и вскинул руку. Хана изумленно смотрела, как гигантская птица описала круг, еще один и аккуратно села ему на предплечье. Золотой орел, беркут. Алтан улыбался и гладил перья на

его шее. Птица царственно восседала на руке Ганбаатара. Тот что-то сказал Хане, она непонимающе посмотрела на него. Ганбаатар показал на орла. Хана колебалась. Он хочет, чтобы она приласкала птицу, как женщина призывала подружиться с псом.

Хана приблизилась, опасаясь, что может не понравиться орлу – возьмет и выцарапает глаза своими когтями. Рыжевато-бурые перья поблескивали в золотистом сумеречном свете. Ей хотелось потрогать птицу, ощутить мягкость оперения. Хана робко потянулась к ней.

Птица попыталась клюнуть ее в палец, Хана отдернула руку, а Ганбаатар и Алтан зашлись в хохоте. Хана отступила, возмущенно глядя на парней.

– Я могла остаться без пальца! – крикнула она яростно.

Видя ее гнев, Алтан мгновенно затих и толкнул Ганбаатара, но старший брат продолжал смеяться, поглаживая птицу по шее.

Хана повернулась, чтобы уйти, но Алтан ее остановил, вцепился в нее, не пуская. Она попыталась высвободиться, но Алтан держал крепко, смущенно улыбаясь. Другой рукой он шлепнул Ганбаатара по плечу, что-то сказал, и тот наконец прекратил смеяться. Пристыжено отвернулся, стараясь не смотреть на Хану. Надел на голову орла шапочку, и птица сразу затихла. Алтан опять предложил Хане погладить птицу.

Она решилась не сразу, опасаясь новой шуточки с их стороны, но что-то в лице Алтана заставило ее еще раз потянуться к орлу. Она следила за мощным клювом, готовая к атаке, но на сей раз птица не шевелилась, и Хана осторожно коснулась мягкого горла.

У нее вырвался удивленный смешок, она уже не боялась показать, что ей весело. Под мягкими перьями прощупывались мощные мышцы. Хана была заворожена великолепием птицы. Ганбаатар снова заулыбался, тоже погладил своего питомца. Хана впервые улыбнулся старшему брату, сейчас ее не заботили его мысли, потому что она знала, что оба думают о существе куда более совершенном, чем они сами.

* * *

Втроем они направились в сторону лагеря. Большую часть пути все молчали. В высоте кричали птицы, возвращающиеся в свои гнезда. Холодный ветер гладил высокую траву, ерошил волосы. Хана невольно думала об Алтане, шагавшем чуть поодаль – ровно настолько, чтобы она чувствовала себя спокойно. Алтан напоминал мальчика из ее деревни,

который частенько приходил на рынок к своей матери, торговавшей там. Учтивый, любопытный, но достаточно смысленный, чтобы понимать, где проходит граница.

Они с Алтаном не могли и словом перекинуться, но Хана чувствовала, что оба сделали первые робкие шаги к дружбе. Она смотрела по сторонам, избегая глядеть на парня, но стерегла каждое его движение.

До лагеря было уже недалеко, когда примчался пес и принялся носиться вокруг них, радостно лая от избытка чувств и в предвкушении скорой трапезы. Лизнул руку Хане, подскочил к Алтану, подпрыгнул и облизывал ему ухо. Алтан со смехом оттолкнул пса.

Ганбаатар помахал Хане и ушел в свой гэр. Алтан последовал за ним, занес в гэр корзину, затем вернулся и принялся возиться с собакой. Хана с улыбкой наблюдала за ними. У загона она остановилась и погладила самого маленького пони, продолжая смотреть, как мальчик играет с псом в густеющих сумерках.

Вечер походил на все предыдущие, только Алтан сел рядом с Ханой на место матери. Хана притворилась, будто не замечает его, но это было нелегко, поскольку Алтан беспрестанно улыбался ей, когда пел, подталкивал плечом, приглашал подхватить песню. Остальные словно и не видели ничего особенного в его поведении, и Хана вдруг перестала ощущать себя чужой, она будто оказалась в кругу семьи. Но петь при них, смеяться и улыбаться она не могла, это было бы чересчур. И все же Хана покачивалась в такт музыке – едва заметно, но этого было достаточно, чтобы Алтан заулыбался еще шире, мужчины запели громче, а глаза матери заблестели ярче.

Когда угли стали ярко-красными, Ганбаатар встал. Отец Алтана вышел с ним и третьим парнем, что оставался в лагере. Хана пока не знала его имени. Мужчины продолжали петь на улице. Алтан подошел к сундуку, стоявшему у войлочной стены, и что-то достал. Затем вернулся к Хане и протянул кожаную сумочку. Не решаясь взять, она посмотрела на его мать в поисках одобрения, но та, отвернувшись, мыла посуду. Алтан вложил сумочку Хане в руку, и та, боясь его обидеть, осторожно развязала кожаный ремешок и подняла крышку. Заглянула внутрь, просунула руку и коснулась чего-то мягкого и гладкого. Алтану не терпелось показать подарок, и он вынул богато расшитый пояс.

Волшебные узоры сияли даже в полутьме. Синие, красные и оранжевые краски так и светились. Алтан жестом показал, чтобы она его повязала. Хана медлила в нерешительности. Он повторил жест, улыбнулся и покачал головой. Затем осторожно обмотал пояс вокруг ее талии и

завязал двойным узлом. Он стоял так близко, что у Ханы перехватило дыхание. Алтан отстранился, оценивающе оглядел ее и довольно кивнул. После чего быстро вышел.

Хана сидела красная от смущения. Наконец мать мальчика заметила пояс на ней, кивнула и приветливо улыбнулась. Женщина расстелила шкуры, готовя постели. Хана касалась шелка, когда думала, что мать не смотрит на нее, и восторженно разглядывала яркие вихри узора. Темные тона служили фоном для красных и желтых цветков, от черных лоз с зелеными листьями было не оторвать глаз. Вышивка ручная, и Хана предположила, что это дело рук матери Алтана. О чем она думает сейчас, глядя на пояс, обвивающий талию Ханы?

В ту ночь впервые сны Ханы посетила музыка. Пела отцовская цитра, смеялась мать, а сама она босиком танцевала с сестрой в их тесном домике. Все было так реально – жар очага, пение отца, перебор струн, Хана даже улавливала солоноватый запах моря, проникавший через открытые ставни. Она снова дома, будто и не покидала его, будто и не случилось с ней никакой беды. Держась с сестрой за руки, она запрокидывала голову и пела. Мать хлопала в ладоши, и Хане хотелось, чтобы танец длился вечно.

Невдалеке залаяла собака. Хана остановилась. Гулкий лай повторился трижды. Руки Ханы повисли вдоль тела, но этого никто не замечал. Веселье продолжалось, но без нее. Сестра кружила, как подхваченный бурей лист. Мать заходилась переливчатым радостным смехом. Хане не хотелось покидать их, но она отодвигалась все дальше и дальше. “Не останавливайся”, – попросила она, когда отец вдруг прекратил играть. В глазах его стояла горечь. Теперь она слышала только пение степных птиц. Хана заметалась на меховой подстилке и резко проснулась.

Эми

Сеул, декабрь 2011

В больничной палате все взгляды были прикованы к Эми, такое внимание тяготило. Эми хотелось лишь одного: чтобы ее поскорее отвезли к статуе.

– Я хочу пить, – сказала она, и Лейн вызвалась принести воды.

– Может, поспишь, мама? – спросила Джун Хви.

– Нет, у меня нет времени разлеживаться. Я должна увидеть статую.

– Но зачем именно сегодня? Отдохни, наберись немного сил, а через неделю мы отвезем тебя к статуе.

– Неделю?! – вскрикнула Эми. – У меня нет недели, как ты не понимаешь! – Она сбросила одеяло, собираясь встать.

– Стоп! – сказал сын, бросаясь к ней. – Ты никуда не пойдешь.

Эми замерла. Сейчас он удивительно походил на своего отца. Она смотрела на сына, пораженная внезапным сходством.

– Ты вылитый отец, – вырвалось у нее.

Сын осекся, лицо налилось гневом.

– За что ты его так ненавидишь?

У Эми было слишком много шрамов на сердце, а теперь она понимала, что и дети не избежали того же, как ни старалась она их уберечь. А эта поездка разбила в щепки дверь в ее прошлое.

– Мы не ладили с ним по многим причинам. Слишком долго рассказывать. Но это касается только нас.

– Он мертв, – тихо проговорил сын. – Он умер без малого пять лет назад. Ты не можешь простить покойника?

В комнате повисло тягостное напряжение. Вошедшая Лейн не знала, что делать – подать ли Эми стакан с водой или остаться у двери. Эми поманила ее, Лейн отдала ей стакан, и все смотрели, как Эми залпом его осушила. Когда она поставила стакан на прикроватный столик, сын взял ее за руку:

– Прощу тебя, ответь. В чем он так провинился? Я должен знать правду. Мы оба должны. – Он оглянулся на сестру.

Джун Хви встала рядом с братом, совсем как в детстве, и Эми видела перед собой двух маленьких детей, дороже которых для нее не было никого. Это из-за них она всю жизнь терпела свой несчастливый брак. Это они укрыли ее от прошлого. Да, она задолжала им правду, но как же

страшно предъявить ее.

– Я никогда не рассказывала, как умерла ваша бабушка.

– Мама...

Но Джун Хви тут же шикнула на брата.

– Давай, мама, расскажи нам сейчас. – Дочь присела на край кровати.

– Это было перед самой Корейской войной. Мы с вашим отцом недавно поженились, но он не доверял бабушке, считал ее красной.

– Красной? Вы имеете в виду коммунисткой? – спросила Лейн.

– Да. Считал, что она из сочувствующих Северной Корее.

– Но ведь отец был простым рыбаком? – растерянно пробормотал сын.

– Нет, сначала он служил в полиции, – ответила Эми. – Рыбаком он стал позже, и не очень хорошим.

Джун Хви о Корейской войне знала все. Она преподавала корейскую литературу, и военная тема в литературе была ее коньком. Она молчала, но Эми понимала, что дочь перебирает в памяти факты из военной истории.

– Так как умерла бабушка? – поторопил сын.

– Красные повстанцы обычно приходили по ночам или когда над сожженной властями деревней висел дым. Вербовали людей из погорельцев, собирали по домам продовольствие. Ваш отец как раз участвовал в рейдах, искал повстанцев и тех, кто помогал им. Он никогда не доверял вашей бабушке и не сомневался, что она помогает красным, сколько бы я ни твердила, что это не так. Постоянно называл ее бунтовщицей и коммунисткой, порой – в лицо.

– А это было так? – перебил сын.

Эми заворочалась на неудобной больничной койке. Сейчас, когда она наконец позволила себе воспоминания, ей казалось, будто все произошло только вчера. С воспоминаниями пришла и боль. Эми словно взлетала на самолете над полем скорби. Взлетная полоса – больничный пол – темнела внизу, усеянная черными курганами, под одним из которых лежала и ее мать.

– Не знаю. Я много времени проводила в море. Ваш отец не отпускал со мной бабушку, он ей не верил. Так что я работала в море одна, к ночи валилась с ног и спала как убитая. И вдобавок я была молода, многого не понимала, а еще больше не замечала. Однажды я вернулась домой, а матери нет. Ваш отец не сказал, где она. Я обошла всю деревню, расспросила всех жителей, но никто ничего мне не сказал. Все боялись моего мужа.

– Я помню, – вдруг сказала дочь. – Помню взгляды людей, на него странно смотрели. Я была маленькая, не понимала... но теперь... Его боялись.

Эми больно было видеть ее лицо. Столько тайн, столько лжи. Жаль, что сердце у нее не как у Чин Хи, в котором хватало места не только для боли, но и для радости.

– Он сдал ее властям? – спросила Джун Хви.

Вернее, констатировала факт, будто знала это всегда, хотя ее тогда и на свете-то не было.

– Мне он не признался. Даже на смертном одре, – сказала Эми, подняла голову и посмотрела дочери в глаза. – Но в глубине души я знала, что это он. Знала всегда. Мы поженились не по любви. Вы это, конечно, заметили. Меня принудили. Он был полицейским и попросту взял меня в жены, не спрашивая, хочу я того или нет.

Эми надеялась, что дети не станут расспрашивать, как это произошло. Правда будет слишком болезненна для них. Сын ласково сжал ее дрожащие руки. Его сердечность придала ей храбрости.

– Мне было четырнадцать, я только что вышла замуж, вот-вот могла начаться новая война. Ваша бабушка пропала без вести всего через несколько месяцев после начала моей новой жизни. Я тосковала, оставшись одна с этим чужаком, которого до смерти боялась. Мне так не хватало ее. Я сбилась с ног, разыскивая мать. Время шло – недели, месяцы, год, а о ней – ничего. Она будто испарилась.

Эми замолчала, вспоминая, сколько усилий ей потребовалось, чтобы не сойти с ума. Японцы забрали сестру. Корейцы – отца. Затем кто-то лишил ее матери. И она осталась совсем одна.

– Я была беременна тобой, когда наконец узнала, что мою мать казнили, – сказала она, быстро глянув на сына. – Два года о ней не было известий, а потом однажды пришла подруга и рассказала, что всех политзаключенных, сидевших в тюрьме, убили. Я бросилась в полицейский участок разузнать, нет ли ее среди мертвых. Там мне ничего не сказали, но я потребовала список заключенных. Власти всегда обожали канцелярскую писанину. Записывалось все. Но следом за мной явился и ваш отец. Он запретил им показывать мне список. Тогда я пригрозила убить и себя, и его нерожденного ребенка, если не выясню правду. Так он и узнал о моей беременности.

Эми не могла смотреть на сына. Она тонула в чувстве вины, ее словно судили за то, что она была дурной матерью. Окажись она перед присяжными, сочувствия не видать.

Мужа тогда будто ударили под дых.

– Ты беременна? – спросил он, не веря ушам.

В участке стало тихо, полицейские все как один уткнулись в свои бумаги. Эми не сумела выдержать его взгляд. Она уставилась в стол, и до нее дошло, что это тот самый стол, за которым она подписалась под свидетельством о браке с Хён Мо.

– Да.

– И давно?

Он смотрел нежно, но Эми не верила в его любовь, ведь он женился на ней ради ее земли. Муж потянулся к ней, но она отстранилась. Ночами он пользовался своим супружеским правом, но днем не мог к ней прикоснуться вопреки ее воле, такова была сделка, которую они заключили. На этих условиях она смирится, и они сравнительно сносно, пусть и несчастливо, заживут.

– Пару месяцев. Мне нужна мать. Без нее мне не справиться.

Эми устремила на него умоляющий взгляд, не умея выразить словами, как остро нуждается в матери. Ей было всего шестнадцать, она боялась рожать, боялась материнства, но больше всего боялась растить ребенка, чувствуя себя заложницей жизни, которая ей больше не принадлежит.

– И ты угрожаешь нашему ребенку?

В голосе его прозвучала настоящая боль, но Эми было все равно. Он первым ее предал. Украл ее землю, невинность, свободу, а теперь не дает узнать правду о судьбе матери.

– Да.

Плечи Хён Мо поникли. Помолчав, он открыл дверь кабинета, позвал полицейского:

– Покажи ей список.

– Но как же, господин... – запинаясь, начал полицейский, глядя то на Эми, то на Хён Мо.

– Покажи.

Не сказав больше ни слова, Хён Мо вышел из участка. Эми раньше не видела его таким – сломленным. Это было в первый и в последний раз. С того дня они жили вместе, но каждый сам по себе. Он принимал решения, ни в чем не советуясь с ней. Например, отправил дочь учиться, даже не сообщив об этом жене. Случалось, он пытался приблизиться, но Эми тут же отступала, ускользала. Свое насильственное замужество она могла простить, но не исчезновение и смерть матери.

– Он не остался со мной в полиции тогда, так как отлично знал, что в списке есть ее имя, – сам же его и вписал. Мне даже не понадобилось смотреть, чтобы это понять. Но я все равно посмотрела, прочитала сотни имен, пока не нашла ее. Все это время мать держали в тюрьме. А потом казнили.

Из полиции Эми побрела к морю, чтобы броситься с самой высокой скалы. Мало того, что она осталась одна во всем мире, так еще и понесла от человека, которого ненавидела. Но, стоя на порывистом октябрьском ветру, она не решилась. Она уже любила ребенка, растущего в ее чреве.

– Ты спас меня, – сказала она, посмотрев наконец на сына. – Не будь я беременна тобою, вряд ли бы осталась в живых. У меня появилась цель – ты, в ком будет частица меня, матери, отца и даже сестры. В тебе их кровь. В тот день я похоронила их, попрощалась с ними окончательно. Ради тебя и себя. Вернулась к твоему отцу и больше никогда ни с кем об этом не говорила... до сих пор.

– Мама, – прошептал сын, глаза у него были влажные. Уже много-много лет, с тех пор как он стал взрослым, Эми не видела столько нежности в его взгляде. – Я не знал.

– Конечно, откуда. Он был твоим отцом, и ты любил его. А он любил тебя. Я не могла лишиться тебя отцовской любви.

– Но он убил твою мать... нашу бабушку...

Эми угадала, о чем он думает. После ее признания для детей многое встало на места: ее холодность к отцу, равнодушие к его проявлениям нежности, даже ночью. Дети часто заставляли ее сидящей за полночь на крыльце, и она всегда отделялась общими словами на их вопросы, почему ей не спится. Принимая свой брак, скрывая правду о прошлом, она защищала детей. Ей хотелось, чтобы на долю детей не выпало то, что довелось испытать ее семье. Держать их в неведении – в этом состояла ее материнская самоотверженность. В это вылилась ее любовь.

– Да, это он погубил бабушку, но и сам он был жертвой, марионеткой властей, он исполнял приказы. Время было военное. Зверства творились повсюду, в те годы погибло много людей, слишком много. А те, кто выжил, так или иначе остались калеками.

Корейская война была вовсе не войной, а резней. Сосед шел на соседа еще задолго до того, как началась сама война, люди спешили обвинить друг друга в шпионаже. Сколько погибло ныряльщиц, подруг матери, не перечесать. Сыновей лишились почти все матери, многие дочери тоже погибли, или исчезли, или вышли замуж против своей воли. На долгие годы остров накрыла черная скорбь.

Скорбь Эми была погребена под нынешним международным аэропортом Чеджу. На его месте прежде находился военный аэродром, брошенный японцами, когда те покинули остров после Второй мировой. На аэродроме, как позже узнала Эми, держали более семисот политических диссидентов, среди них была и ее мать. Расстрельный взвод казнил всех узников, а тела свалили в огромную яму, вырытую на взлетном поле.

Когда аэродром разросся до нынешнего международного, власти об этом словно забыли, но не те, кто пережил бойню на острове. Поэтому Эми и не могла летать. При мысли о том, что самолет покатится по материнской могиле, у нее сводило желудок.

В шестнадцать лет она осталась полной сиротой, любить ей было некого, но внутри нее уже зрела надежда. Сын родился в год официального начала Корейской войны – в пятидесятом, а дочь – три года спустя, когда война завершилась. Хён Мо и Эми пережили войну и последующие годы, ни разу не поговорив начистоту.

Свои подлинные чувства он открыл только на смертном одре. Он умирал от рака. Легкие и печень были изъедены метастазами. Он всю жизнь курил, не вынимал трубку изо рта даже в море, когда забрасывал сеть. К концу жизни он весил не больше девяноста фунтов и еле мог поднять голову, чтобы посмотреть на детей и единственного внука.

– Спасибо тебе за детей, – выдавил он, дыша мелко и часто.

Эми вытирала ему лоб влажной тряпицей. Она задержала руку и посмотрела ему в глаза, чего не делала с тех пор, как дочь отказалась стать хэнё. Молочная пленка катаракты почти целиком заволокла правую радужку, белки пожелтели и пошли сеточкой кровеносных сосудов. Он выглядел много старше своих лет. Эми уже не знала, кому пришлось тяжелее.

– Я всегда тебя любил, – прошептал Хён Мо.

Он хотел взять ее за руку, но она привычно отдернула ее.

– По-своему, – добавил он и уронил руку на костлявую грудь.

Эми смотрела на него и не понимала, когда он успел превратиться в старика.

– Умерь свою ненависть, когда помру, – прохрипел он и рассмеялся

при виде ее удивления, но смех быстро перешел в кашель.

Эми осторожно прижала ладони к его груди, чтобы тело не сотрясилось слишком сильно. Когда кашель прошел, он взял ее за запястья и слабо сжал.

– Разожги курения моим предкам, если сможешь простить.

Красные глаза смотрели с мольбой, словно просили вдохнуть жизнь в иссохшее, костлявое тело. Она ответила на его взгляд. Резко и горько спросила:

– За что простить? За мою мать?

Хён Мо выпустил ее запястья, руки упали вдоль тела. Он медленно моргнул, и секунды между смыканием и поднятием век были подобны вечности. Его снова сотряс нутряной кашель. Он выплюнул черную кровь, больше похожую на машинное масло. Эми вытерла ему рот.

– Прости меня... за много большее, чем я могу сказать... за все.

Это были его последние слова, обращенные к ней. Он провисел на волоске между жизнью и смертью еще две недели; боль изводила его так, как Эми не пожелала бы и злейшему врагу. Когда он наконец умер, это стало облегчением, но на похоронах Эми с удивлением поймала себя на том, что чувствует грусть. Возможно, причиной тому было горе ее взрослых детей, но она не была в том так уж уверена.

Даже сейчас, вспоминая мучительную смерть мужа, она сомневалась в своих тогдашних чувствах. Всматриваясь в прошлое, она ощущала лишь отчужденность, равнодушие к мужу. Она делала то, что была должна делать, только и всего. И подавляла свои чувства, пока не освободилась.

Когда-то сестра назвала ее танцующей бабочкой, свободной, полной жизни и смеха. Эми знала, что маленькая девочка в ней умирала медленно, постепенно, но превратилась она не в женщину, а лишь в ее подобие, в женскую оболочку. Это превращение свершилось окончательно в тот день, когда она пришла в полицию и отыскиала в списках заключенных имя матери. В тот день они умерли обе.

* * *

– Вы разожжете для бабушки благовония? – неожиданно спросила Эми.

– Что? – непонимающе прошептала Джун Хви.

– Я... ни разу не воздавала почести предкам... – Голос Эми угас. Она не знала, обрела ли мать покой по ту сторону жизни.

– Не беспокойся о таком сейчас, мама, – слегка негодуя сказал сын, уже немного пришедший в себя. – Главное для тебя теперь – поправиться. – Он криво улыбнулся.

Вытаскивать наружу секреты прошлого – тяжкий труд. Эми устала, сон манил ее, вечный сон, звал ее смежить веки и больше не открывать. Эми сдавила виски и давила, пока боль не разогнала сонный морок. Может, время ее и на исходе, но силы еще остались. Она не станет ждать, пока ее дети примирятся с отцовским преступлением, с ее скрытностью.

– Я хочу пойти к статуе. Мне нужно еще раз на нее взглянуть.

– Тебе нельзя покидать больницу, это слишком большая нагрузка для сердца, – ответила Джун Хви тоном скорее материнским, нежели дочерним. – Сходим через несколько дней, как наберешься сил.

– Нет, сегодня. Сейчас же. Сию минуту.

– Мама, хватит! – прикрикнула Джун Хви.

Лейн обняла ее, успокаивая. Ха Ён смотрел себе под ноги.

– Я тебя отвезу. – Сын произнес это шепотом.

– Не смей! – взвизгнула Джун Хви. – Она должна оставаться в больнице! Ей нельзя!

Дочь была на грани срыва. Лейн привлекла Джун Хви к себе, забормотала что-то утешающее, баюкающее.

Сын резко вышел из палаты. Джун Хви немного успокоилась, осознав, что не может ничего сделать. Отстранилась от Лейн, подошла к матери, поцеловала. Села рядом, взяла за руку. Они снова были мать и дочь, сидящие на крылечке скромного домика у моря. Они молчали, смотрели, как волны с грохотом разбиваются о скалистый берег.

– Мне следовало стать хэнё, как ты. Это был мой долг, а я тебя подвела.

По щекам Джун Хви катились слезы. Лейн вытерла их ладонью. Джун Хви прижалась к руке подруги. Их взаимная нежность тронула Эми. Сама она не знала такой близости за всю свою долгую жизнь. И вдруг она поняла, что все было не даром, что вся ее жизнь прошла не зря, если дочь встретила своего человека – ту, которую выбрала сама и которая выбрала ее.

– Ты последовала за своим сердцем, – сказала Эми. – Именно этого я вам и желала. Я горжусь вами... и вашим выбором. Я рада, что вы смогли решать сами. У вас есть то, о чем я даже не мечтала.

Ха Ён вкатил в палату кресло, бережно усадил в него Эми и повез к лифту. Джун Хви и Лейн шли следом. Но Эми уже не видела ничего, кроме лица – лица, зовущего ее вернуться. Что, если сестра жива, что, если

сходство не случайно? Всем своим нутром Эми чувствовала, что статуя имеет к ней некое отношение, но, чтобы убедиться в том, надо сначала еще раз ее увидеть.

Хана

Монголия, осень 1943

Глухое рычание пса разбудило обитателей гэра. Монгол – *аав ни*, отец, еще одно слово, которое выучила Хана, – зажег масляную лампу. Его жена беспокойно заворочалась. Хана притворялась спящей, наблюдая за мужчиной сквозь ресницы. Пес за стеной надсадно лаял. Поспешно одевшись, монгол легонько пнул Алтана. Мальчик мгновенно подскочил. Они быстро обулись, взяли лампу и вышли. Полог упал, и Хану снова окутала тьма. От ночного воздуха, ворвавшегося в гэр, стало зябко. Хана натянула одеяло до подбородка.

Пес умолк, и теперь были слышны звонкие птичьи трели. Застучали копыта. Стараясь не разбудить мать Алтана, Хана подобралась к пологу и прислушалась. Отец Алтана крикнул что-то приветственное, и ему отозвался голос, от которого Хана окаменела. Сердце замерло на середине удара, кровь отлила от головы. Хана в панике хватала ртом воздух, не в силах вдохнуть.

Моримото вернулся.

Хана еще долго стояла на коленях, уткнувшись лбом в ковер, задыхаясь. Она ничего не видела, не слышала, вокруг разлилась безвоздушная пустота.

Затем так же резко, как вспыхнула паника, морок рассеялся. Легкие медленно наполнились кислородом. Как только дрожь унялась, она приникла ухом к пологу.

Мужчины разговаривали по-монгольски. Хана чуть-чуть отвела полог, в щелку проник свет от масляной лампы. Хана оглянулась на мать Алтана, та крепко спала.

Мужчины стояли неподалеку. Моримото пил из фляжки, в свете лампы белело голое горло. Он утерся и протянул фляжку отцу Алтана. Тот отхлебнул и сунул в нагрудный карман. Моримото чем-то зашуршал, Хана поняла, что это листок бумаги. Моримото поднес его к фонарю, что-то показывая. Что это – карта? Да все что угодно.

Подняв лампу повыше, отец Алтана склонился над бумагой. Моримото тыкал пальцем, говорил он теперь шепотом, будто о чем-то секретном. Увидев Алтана, который возвращался из загона, куда он отводил лошадь, Моримото быстро сложил листок и спрятал в карман штанов. Отец Алтана выпрямился и махнул в сторону гэра. Алтан направился к пологу.

Хана едва успела отпрыгнуть к ложу и нырнуть под одеяло. Алтан вошел, что-то бормоча, упал на свою шкуру, звучно зевнул, повозился, укрываясь одеялом, и затих. Хана ждала, что вот-вот войдет Моримото, но тот так и не появился. Вернулся отец Алтана, задул лампу и поставил ее подле жены. Через минуту уже раздался его храп.

Хана лежала в темноте, не сомневаясь, что Моримото вот-вот окажется рядом. Она поплотнее подоткнула под себя одеяло со всех сторон, завернувшись в него, будто в саван. Нет, даже на одну ночь он не оставит ее в покое. Минуты перетекали в часы, но Моримото все не появлялся. У нее отяжелели веки, вопреки всем стараниям не заснуть.

Сон уносил ее в безоблачное синее небо, к парящим птицам. Храп отца Алтана раздавался громче обычного, будто он лежал к ней впритык. Хана уже не сопротивлялась мягкому обволакиванию сна. И вдруг что-то выдернуло ее из забытья. Хана ощутила, как сильные руки разводят ей ноги. Она открыла глаза: Моримото.

– Тебя брали? – шептал он, царапая ей щеку щетиной.

Она молча затрепыхалась, пытаясь вырваться, но он прижал ее к полу, прохрипел:

– Щупали тебя?

Она мотнула головой.

– Точно?

У Ханы перехватило горло от злости. Он надругался, он продал ее в рабство, а теперь смеет чернить этих добрых людей – первых хороших людей, что встретились ей за долгое-долгое время? Она напряглась всем телом и громко проговорила:

– Меня никто не трогал. Это хорошие люди, не как солдаты... не такие, как ты.

Его пальцы замерли. Он убрал руку. Хане и в темноте было ясно, что он взбешен. Она поспешно запахнула дил, двойным узлом завязала пояс. Моримото молча встал и вышел из гэра. О сне можно было не думать. Прислушиваясь к храпу, дыханию хозяев, Хана представляла, как все сложилось бы дальше, если бы он не вернулся.

* * *

Утром отец Алтана поднялся, против обыкновения, первым. Растолкал сына, и они ушли. Хана проводила их взглядом, заметила, как оглянулся на нее Алтан. Она быстро закрыла глаза. Мать Алтана все спала. Хана гадала,

что задумал Моримото – увезти ее сегодня же или остаться еще на несколько дней. Перед глазами возникло его лицо – злобный дух, грозный и безжалостный. Она резко села, отгоняя видение, и решила, что станет вести себя как обычно, будто ничего не случилось.

Растопив печку, она скатала постели. Мать Алтана тоже проснулась, приподнялась и улыбнулась Хане. В этом простосердечном приветствии было столько тепла, что Хана едва не разрыдалась. Но вместо этого она поклонилась – ритуальным корейским сэбэ почтила хозяйку за доброту. Женщина что-то удивленно сказала. Хана поклонилась еще трижды, а когда распрямилась в последний раз, мать Алтана благодарно кивнула. И Хана приступила к ежеутренним делам, как будто Моримото и не вернулся за ней.

Подоила буйволицу, принесла сразу оба ведра, вылила молоко в чан. Затем пошла в загон покормить пони яблоками. Всем этим она занималась под пристальными взглядами Моримото, отца Алтана, самого Алтана, Ганбаатара, безымянного парня и матери Алтана. Кажется, даже пес следил за каждым ее движением. Словно все знали, что ее пребывание здесь на исходе.

Алтан не присоединился к ней в загоне, как у него вошло в привычку, держался на расстоянии. Ходил вокруг гэра, собирал принесенный ветром хворост. Ганбаатар играл со своим орлом. Время от времени Хана перехватывала взгляд Алтана, но мальчик быстро отводил глаза. Моримото, сидя на стуле, разобрал пистолет и принялся его чистить, методично протирал каждую деталь и аккуратно клал к остальным на коврик.

Ганбаатар отпустил орла, и тот с победным клекотом взмыл в небо. Все наблюдали за птицей. Благоговейную тишину нарушил Моримото:

– Правда, замечательное создание?

Он говорил по-японски. Хана знала, что он обращается к ней, ждет ее реакции, но она не сводила глаз с орла.

– Он взял его птенцом, – продолжал Моримото, ничуть не обескураженный ее молчанием. – А теперь это его глаза, его оружие – охотник, который кормит их в лютые холода.

Орел описывал концентрические круги, все шире и шире. Он мог бы улететь навсегда, но не делал этого. Впору подумать, что его держала невидимая веревка, которую медленно приспускал Ганбаатар.

– Он спит с птицей в шатре, кормит с руки, баюкает. Это член семьи, важнее даже жены и ребенка.

При этих словах Хана все-таки посмотрела на Моримото. Ей странно слышать, что птица ценится выше жены и детей. Она не понимала, правда

это или Моримото просто хочет выставить монголов дикарями. Но тут вспомнилось их нежное отношение к пони, как животные трусят за человеком, будто утята за мамой-уткой, как ласково и заботливо обращается с живностью по утрам Ганбаатар. Наверное, все-таки правда.

Ганбаатар позвал орла, и тот, издав пронзительный крик, послушно сел ему на руку. Парень почесал орлу грудь и унес в гэр.

Остальные монголы кивнули Моримото и направились в сторону макового поля. Хана торопливо подхватила следом, чтобы не оставаться наедине с Моримото, но тот заступил ей дорогу:

– Куда это ты? – От него пахло железом и смазкой.

– У меня дела в поле. – Она смотрела через его плечо на затылок Алтана, мечтая, чтобы тот остановился и подождал ее.

– Твои дела тут закончились. – Моримото подтолкнул Хану ко входу в гэр.

Ей было понятно, чего он хочет, – только об этом и думал, пока ехал назад. Если не возражать, то он управится быстро, насытится и она сбежит от него в поле.

На пороге она задержалась, ухватившись за стойки, ногти впились в дерево. Моримото откинул полог и попытался втолкнуть Хану внутрь. Она все цеплялась за дверную раму.

– Разве ты не скучала по мне? – Моримото улыбался – явно искренне, словно и не был ее врагом. Она не понимала выражения его лица. – Ну? – Очевидно, он ждал ответа.

Хана облизнула губы, прикидывая, что сказать. В голову ничего не шло. Она тупо смотрела на него. Моримото потемнел лицом. Дернул ее за руку и тычком втолкнул в гэр.

Там он швырнул ее на земляной пол и развязал шелковый пояс, подарок Алтана. Хана лежала неподвижно, привычно ускользая в безжизненность. Покорность – не главный ли инструмент всех проституток? Он целовал ее в шею. Не сопротивляется – значит, согласна.

Чутье подсказывало Хане лежать смирно, иначе он сделает ей больно, а то и убьет. Задушит, и родных она так и не увидит. Перед глазами всплыло лицо Алтана. Его она тоже не увидит. Она ощутила странную грусть.

Моримото впился в губы, но отклика не нашел. – Я думал, ты по мне больше изголодалась, – буркнул он.

Хана закрыла глаза, не желая его видеть.

– Я тебе кое-что привез, – прошептал он в ухо. – Отдам после.

Моримото не пропустил ни дюйма ее тела – с таким же тщанием он

чистил пистолет. Все это время Хана не открывала глаз. Она установила новый рекорд: задержала дыхание, досчитав до ста шестидесяти трех, и чуть не потеряла сознание.

* * *

Пока она одевалась, он раскуривал трубку. Взгляд его остановился на поясе. Не желая привлекать внимания еще больше, Хана не стала завязывать тщательно, двойным узлом, но предосторожность не помогла.

– Откуда это?

– Монголка дала, у меня одежды не было. Она сожгла тряпье, в котором ты меня привез.

Отвернувшись, она быстро натянула сапоги.

Он пососал трубку.

– Я не про платье. Про пояс. Это шелк?

Он поманил ее к себе.

Хана медлила. Он повел бровью. Глядя в пол, она приблизилась. Опустилась перед ним на колени. Моримото потер в пальцах шелковую ткань, словно оценивая качество. Затем пристроил трубку на колено и принялся развязывать пояс. Хана испугалась, что он снова на нее накинется. Моримото развернул пояс, разглядывая.

– Это почетный узор, – сказал он задумчиво. – Так кто тебе это дал?

– Разве важно?

– Да. Это подарок. И ценный.

– Наверное, они щедрее, чем ты думал.

Он опустил пояс и изучающе посмотрел на Хану. Она поежилась под его хищным взглядом.

– Женщины не носят пояс. Так они доступнее, – ухмыльнулся наконец Моримото. – Поэтому кто бы тебе его ни дал, он сделал это неспроста.

– Монголка носит.

– Да, но у нее он специальный, для инструментов. А этот... скорее для украшения, да?

Он замолчал, хотя его глаза изобличали ее во лжи. Молчание пугало Хану. Наконец Моримото рассмеялся и швырнул ей пояс. Тот упал на пол. Хана не подняла. Моримото пыхнул трубкой, выпустил в девушку струю дыма. У Ханы заслезились глаза, она закашлялась.

– Так кто-то тут на тебя глаз положил? И кто же? Приятель Ганбаатара? Или мальчишка? Кому вдруг захотелось тебя загрести?

Хана лихорадочно соображала. Она боялась за Алтана. Придется рассердить Моримото – тогда он, может, направит гнев на нее.

– Они не такие, как ты. Ты один считаешь меня своей вещью, хотя знаешь, что я готова на все, только бы от тебя избавиться.

Моримото резко выпрямился. Хана замерла в ожидании удара. Но он улыбнулся – змея, готовая к броску.

– Мы пробудем тут с тобой весь день, если хочешь. Или скажи, кто тебе это дал.

Она все смотрела на лазоревое и золотое шитье. Сердце разрывалось от внезапной острой тоски по дому.

– Утром мы уедем, – сказал Моримото. Так и не получив ответа, добавил: – Пусть помечтает еще ночку о вашем будущем, которому не бывать.

Слова его сокрушили Хану. Внутри все оборвалось. Внешне она осталась бесстрастна, но сердце будто вспыхнуло огнем.

– Почему я должна ехать с тобой?

Если внезапный вопрос и застиг его врасплох, Моримото не подал виду. Он невозмутимо выпустил клуб дыма, снисходительно повел рукой.

– Ты мне нужна. Только с тобой я забываю про мое горе.

Про его горе?! Ночами напролет в борделе он заставлял ее слушать его нытье, а ей хотелось одного – уснуть. Моримото являлся призраком, выдергивал ее из забытья, требовал, чтобы она его обслужила. А потом заставлял слушать. Хана с трудом сдержалась, чтобы не плюнуть ему в лицо. Моримото коснулся ее щеки. Опять примется рассказывать свою историю, а ей снова придется слушать.

– Американцы убили мою семью, – лицо у него сделалось отрешенным, – жену и маленького сына. Перед войной я отправил их в Калифорнию, чтобы они там были в безопасности.

Плечи его поникли. Ничего такого он прежде не говорил, ни разу о семье не рассказывал.

– Как они умерли? – вырвалось у Ханы.

Моримото глубоко вдохнул и медленно-медленно выдохнул. Хана испугалась, что все-таки разозлила его.

– Япония нанесла по Америке бомбовый удар. Ты знала об этом? Потопила их корабли на гавайской военно-морской базе. Удар был оборонительный, чтобы вывести их из войны, но это не помогло. В отместку всех японцев, что жили в Америке, объявили шпионами и предателями. Согнали в лагеря, лишили имущества и домов, заставили жить в этих свинарниках. Мой сын умер от голода, а жена с горя

повесилась. Я оставил свою семью ради императора.

Хана пыталась представить скорбь, что охватила его при известии об их гибели. Моримото отправил семейство в Америку, чтобы спасти, а получилось, что тем самым обрек их на смерть. Она вгляделась в его лицо, но, как ни старалась, не увидела человека, достойного жалости. В нем не было ничего человеческого, все давно умерло.

– Увидев тогда тебя на берегу, я понял, что это дар богов. Я уверен, что они послали тебя мне, чтобы ты родила мне нового сына.

Он никогда ее не отпустит. Хану замутило от осознания этой неотвратимости. Но она сбежит, когда он будет этого ждать меньше всего. Картины замелькали в голове – вот она убегает с ребенком на руках. Его ребенком. Нет, она скорее умрет, чем родит это дитя. Или убьет Моримото.

Он положил на колено трубку и достал из кармана кошелек. Следя, как он его открывает, Хана вообразила, что внутри ее фотография. Мысль была глупая, но она помогла изобразить заинтересованность.

– Это тебе. – Моримото с гордостью жениха вынул два золотых браслета.

Хана с досадой смотрела на украшения. Моримото надел браслеты на ее худые запястья. Они щелкнули, и звук напомнил Хане кандалный звон.

– Нравится? – спросил Моримото.

Хана знала, что его устроит простой кивок. С огромным трудом она дернула головой.

* * *

На маковом поле Хана держалась особняком. Боялась, что Алтан и другие учуют запах недавнего соития. Вдруг они тоже обратятся в животных, если поймут, кто она для Моримото? Нож, вчера легкий, налился тяжестью, рукоять впивалась в ладонь, когда Хана рассекала маковые коробочки. Моримото болтал с отцом Алтана, но то и дело поглядывал в ее сторону.

Мимо прошел Алтан. Его тень коснулась ее, но Хана даже не повернула головы. Она быстро двинулась в противоположную сторону. Начав идти, она все не могла остановиться. Ноги жили собственной жизнью, и вскоре Хана вышла из макового поля, направляясь к горам. Необъятный скальный массив манил, и она не в силах была игнорировать его зов. Моримото следовал за ней, но Хана не останавливалась.

Моримото ехал верхом на пони. Он обогнал ее, перегородил путь, она

обогнула его, но он опять повторил маневр. Это была игра в кошки-мышки, но Хана не собиралась исполнять роль жертвы. Она не побежит. Она снова и снова терпеливо обходила пони. Моримото надоело играть, и он спешился. Пони тут же повернул назад, в маковое поле, к хозяевам. Моримото схватил девушку за локоть, потащил назад. Она упиралась. Он обхватил ее. Хана забилась, как рыба в уверенных руках рыбака, но тщетно, потому что рыбак всегда голоднее рыбы, у нее нет шансов. Вот так же голоден был Моримото, ей от него не уйти.

– Не заставляй меня связывать тебя у них на глазах. Я свяжу, но мне не хочется. – Он прерывисто дышал ей в ухо.

– Мне все равно. Пусть видят, кем ты меня считаешь. Животным.

– Нет, не животным, а женой. Еще не поняла? – Он хотел ее поцеловать, но Хана увернулась.

– У тебя была жена. Она умерла. Ей повезло.

Он ударил, и она упала. Кровь хлынула из носа, затекая в рот. Хана слизнула ее с губ. Вкус напомнил, что в ней снова есть сила.

– Я никогда не стану твоей женой. – Она сняла браслеты и швырнула ему в лицо.

– Ты посмотри вокруг, – он раскинул руки. – Куда ты денешься?

Моримото засмеялся, запрокинув к небу лицо. Затем покачал головой, будто жалея Хану за бестолковость. Подобрал браслеты, протянул ей раскрытую руку. Она плюнула в нее. Он помедлил, выпрямился. Не сводя с нее глаз, слизнул плевок. Затем направился к маковому полю.

Хана не сразу последовала за ним. Долго смотрела на горы, размышляя. Утром он ее увезет, а потом они заживут как муж и жена. Начнется жизнь в клетке. Алтан неподвижно стоял среди маков, выражения лица не различить, но смотрел он на нее. Он не двигался, пока Хана не вернулась к остальным. В глазах его она прочла вопрос, но промолчала. Этот мальчик слишком юн и невинен, чтобы понять происходящее. Он прожил на свете меньше, чем пережила за последние месяцы она. Не поднимая глаз, Хана принялась методично надрезать маковые головки.

* * *

Вечером в гэре не пели. Отец Алтана и Моримото обсуждали какие-то планы, а Алтан сидел, нахохлившись, в углу. Хана перебирала события последних дней. Они листьями кружили по бесконечной спирали. Хана была воронкой, которая затягивала их. Уж если ей не суждено увидеть дом,

она могла бы обрести счастье здесь, и эта мысль ее напугала. Она готова пожертвовать матерью, отцом, даже сестрой – только бы никогда не видеть ни Моримото, ни ему подобных.

Когда принялись укладываться спать, Хана поразились тому, что Моримото пригласили в семейный гэр. Он улегся рядом с Алтаном по другую сторону печки. Его присутствие угнетало. Оно нарушило покой, который Хана обрела среди этих людей. Она попробовала восстановить то первое чувство, но память отказывала, будто воспоминания стерли. Хана смотрела в темноту гэра, в голове набирала силу мысль, и вот она уже пульсировала, заглушая все:

“Я знаю, где мать Алтана держит ножи”.

Хана отчетливо видела нож, который ей нужен. Короткий, с костяной рукояткой и самый острый – им пользуется Алтан. Он одолжил его в первое утро на маковом поле. Лезвие взрезает маковы коробочки легко, быстро, точно. Нож отлично лежал в руке, его и не сразу заметишь. Можно подобраться к Моримото, спрятав оружие в длинном рукаве, опуститься подле него на колени – он ничего не заподозрит, а потом будет поздно. Трудностей не возникнет – это как срезать с рифа моллюска. Один аккуратный разрез, глубокий и выверенный, – и она обретет свободу.

Хана представляла, как вонзает лезвие в горло, как оно скользит слева направо. Прикинула, с какой силой надо нажать, чтобы разрезать плоть. Она рисовала себе эту картину, пока рука не начала летать, отрабатывая быстрые, уверенные удары.

Хана беззвучно оттолкнулась от мягкой меховой подстилки, и вот она уже на коленях. Выждала – вдруг кто-то уловил ее движение. Мужчины похрапывали, между руладами слышалось ровное дыхание матери Алтана. Сам Алтан лежал у стены неподвижно. Хана встала, обвела взглядом круглое помещение. Храп обнадежил ее. Сама она дышала тихо и глубоко, умирняя барабанный бой сердца. Обогнула мать Алтана и осторожно пробралась к стене.

Ножи хранились в деревянном ящике у короба с продуктами. Она знала, что петли скрипят, и смочила их слюной. Крышка поднялась почти беззвучно. Маленький нож с белой костяной рукояткой блеснул в темноте, будто знал, что он избран. Хана вынула его из ящика, и от прикосновения гладкой кости по руке распространился жар, поднялся по плечу, проник в грудь, укрепляя ее решимость.

Закрыв ящик, она сжала нож и взмахнула для пробы. Движение получилось стремительное, уверенное. Чтобы добраться до Моримото, нужно было перешагнуть через голову отца Алтана. Хана ступала

осторожно, медленно, чтобы дуновение воздуха не потревожило и волоска у его щеки. Шажок за шажком она миновала монгола, чуткая к малейшему шороху. Храп заглушал шелест ее платья. Еще один шаг, два. Три – и она на месте, над Моримото. Прислушалась. От хорошо знакомого храпа внутри всколыхнулась ярость. Она покрепче сжала нож, уже видя, как скользит поверх горла рука – плавно и с силой.

Сделав глубокий вдох, она опустилась на колени. Сколько раз ей приходилось лежать рядом с ним! Она знала, когда он засыпает, знала, когда можно отойти и подмыться или облегчиться. Хана смотрела в его лицо, освещенное отсветами красных углей, прогорающих в печи. Его веки чуть подрагивали. Ее захлестывала ненависть. Пора.

Нож ожил, став будто сам по себе, завис над беззащитным горлом. Кисть покалывало, словно она затекла. “Один разрез. И все. Давай же”. Отцовский голос. Эхо из детства. Так он сказал, когда она впервые потрошила рыбу. Та была мокрая, скользкая и билась в руке, пытаясь вырваться. И с умирающей буйволицей было так же. Ужасно, но необходимо. Чтобы выжить, она должна избавиться от него.

Хана чуть прижала лезвие к шее Моримото. Затаив дыхание, она рассчитывала силу нажима, которой хватит рассечь трахею, чтобы он не вскрикнул. Выдохнув, она напрягла мышцы живота и плечевого пояса, кисть заскользила слева направо – в точности так, как виделось в мыслях. Но вдруг ее рука взмыла в воздух. Тело резко повалилось назад. Растерянная, изумленная Хана упала навзничь. Через миг она поняла, что упала не на пол, а на кого-то. Они боролись за нож. У напавшего были сильные и уверенные руки. Она извернулась, чтобы увидеть лицо. Алтан.

Он нажал на болевую точку на запястье. Хана выронила нож. Алтан быстро схватил его и сунул себе за пояс. Оба задыхались. Она была готова заорать на него, но нельзя, проснутся другие. Алтан молчал, но выражение его лица было красноречиво. Он не верил в происходящее, а может, чувствовал отвращение.

Хана яростно смотрела на него. Но как бы ей ни хотелось все объяснить, ему не понять. Она попросту не знает слов.

Алтан встал и быстро вышел из гэра. Хана за ним не последовала. В ящике есть еще ножи. Она может взять новый и завершить начатое, но воспоминание о лице Алтана удержало ее. Он не простит. Она повернулась к Моримото – человеку, который унизил ее до того, что она готова была стать убийцей. Если она не откажется от задуманного, то станет такой же, как он. Но стоит ли оно того – быть лучше?

Глядя на Моримото, она почти скрипела зубами – от досады, гнева,

ненависти. Сжала кулаки, обрадовалась боли, когда ногти впились в мясо. О да, боль – она породнилась с этим чувством. Боль вырвала ее из пелены ненависти. Перед глазами снова всплыло лицо Алтана. В его взгляде больше не было невинности. В кого же она превратилась?

Моримото так и не проснулся. Хана в последний раз представила, как перерезает ему горло, и вернулась на свое место. Тело налилось слабостью, как после долгого похода. Можно проспать целый день и все равно не восстановить силы, которые уйдут на то, чтобы лежать смирно и ждать, когда Моримото ее увезет.

Она больше не увидит Алтана, и последнее, что останется от него в памяти, – ужас на лице. Хана представила, как он наблюдает за ней, крадущейся во тьме. Теперь он наверняка считает ее достойной лишь презрения. Она закрыла глаза. Пусть его отвращение будет столь велико, что он не вернется в гэр до ее отъезда. Ей все равно.

* * *

Внезапно ее разбудили. Хана испуганно подскочила. Еще не рассвело. Кто-то цепко держал ее за плечо. Моримото? Она попробовала вывернуться, но в темноте сердито шикнули. Голос молодой. Алтан, прижав палец к губам, указал на выход. Он был полностью одет, на плече висела кожаная сума. Хана встала. Не глядя на нее, он подал замшевые сапоги, которые ей выделила его мать. Хана обулась, и они выскользнули из шатра.

Сразу за порогом стоял Ганбаатар. Хана обмерла. Он, как Алтан, приложил палец к губам. Она не понимала, что они задумали. Алтан потянул ее за руку прочь от гэра. Ганбаатар двинулся следом. Они направлялись к малому гэру, и до Ханы дошло, что это может быть опасно.

С Алтаном она справится, но Ганбаатар идет сзади, то и дело подталкивая в спину. Хана попыталась увернуться от его рук, но он что-то зашептал ей в шею. Поняла она лишь одно – ждать, когда их намерения прояснятся, нельзя. Поэтому она ударила его затылком. Ганбаатар выпустил ее и уже сделал шаг в сторону, но Алтан ухватил ее за шелковый пояс. Хана замолотила руками в попытке вырваться. Но Алтан, уворачиваясь, медленно покачал головой. Лицо у него было не злое, но озабоченное. Он то и дело поглядывал в сторону гэра.

– Хана, – произнес он и отпустил ее.

Она перестала брыкаться, замерла, ожидая, когда он растолкует, что

ему надо. Он показал на малый гэр. К шесту были привязаны два пони – оба оседланы, как для долгой езды. Алтан поднял суму и открыл. Хана увидела внутри свертки – явно с едой – и большую флягу. Он помогает ей сбежать.

Ганбаатар потер щеку, улыбнулся и показал на ее голову. Хана ответила улыбкой и тоже потерла затылок, признаваясь, что и ей больно. Они в молчании подошли к пони. Ганбаатар посадил ее на белого с черными бабками. Алтан вынул из-за пояса нож и протянул ей. Потом что-то сказал Ганбаатару, тот кивнул, хлопнул его по плечу и отвязал пони. Алтан вдруг запрыгнул на пони позади нее. Она оглянулась, но он уже направил пони прочь от лагеря. Второй пони затрусил следом.

За маковым полем Алтан пустил пони галопом. Вскоре они уже стремительно мчались сквозь тьму. Ландшафт изменился. Алтан подбадривал пони ударами пяток в бока, если тот замедлял бег. Его тревога передалась Хане, и она тоже подгоняла пони – мысленно. Они одолели каменистый подъем. Хана решила – взбираются по подножию той огромной горы, что видна из лагеря.

Над ними сияли звезды. Она прислушивалась, не стучат ли сзади копыта, от образа преследующего их Моримото охватывал ужас. Не раз ей казалось, что она уже слышит топот его черной лошади, но это была лишь игра воображения.

Когда солнце решило пробудить землю, глаза Ханы наконец различили впереди дорогу. Вдоль скальных выступов вилась узкая тропа. Хана оглянулась. Они одолели не больше четверти подъема, и за деревьями и валунами мало что можно было разглядеть. Желание выяснить, нет ли погони, сделалось нестерпимым.

Успокаивала лишь близость Алтана, который, обхватив ее сзади, сжимал обеими руками поводья. Она не знала, куда они направляются, надолго ли Алтан с ней останется, она просто радовалась тому, что он рядом. Память подсунула то выражение отвращения, с каким он посмотрел на нее в гэре. От угрызений совести и стыда ей захотелось провалиться сквозь землю. Одно утешение – Алтан не знает, что ей пришлось испытать благодаря Моримото. Он понятия не имеет, какое ей уготовили будущее. Сумей она объяснить, он, может быть, не отвел бы ее руку с ножом, зависшую над горлом Моримото, и им не пришлось бы бежать. Все это снова и снова проносилось у нее в голове.

Солнце поднималось все выше, пони начал уставать, и они остановились. Алтан помог ей спешиться, снял седло и перенес его на второго пони. Уставшему он дал напиться из бурдюка, затем усадил Хану

на второго и устроился сзади. Они продолжили быстрое восхождение по тропе. Хана думала, что слишком мала вероятность того, что Моримото проспал до утра и только сейчас проснулся и обнаружил, что она исчезла. Но она и вправду исчезла благодаря Алтану. Радость от осознания случившегося заглушила страх, но Хана постаралась загнать надежду как можно глубже и сосредоточилась на восходящем солнце, цокоте копыт и руках Алтана, что обнимали ее и направляли пони через рассветный туман.

Тропа достигла вершины, и пони сам нашел спуск, тут же пустившись едва ли не галопом. Он ловко огибал камни, Хане оставалось только держаться. Алтан, догадавшись, что ей не по себе, прижал ее крепче. Они летели с горы единым целым. Впереди зеленым океаном открылась степь. Здесь можно жить, подумала Хана.

Сзади застучал катящийся камень. Решив, что это второй пони, Хана оглянулась, и у нее перехватило дыхание, легкие сжало тисками. За ними мчалась черная лошадь. В тумане щелкала плеть. Алтан тоже слышал и замолотил пятками по бокам пони. Коренастый конек повиновался, и вскоре они уже мчались по степи.

Они неслись так быстро, что Хана не могла оглянуться, но приближение черной лошади угадывалось по свисту плети. Расстояние явно сокращалось. Два ездока – чрезмерная ноша для пони. Он старался изо всех сил, но этого было недостаточно, чтобы уйти от скакуна Моримото.

Алтан что-то выкрикнул. Наверное, ругательство. Он подгонял и подгонял пони, но тот уже начал уставать. Внезапно Алтан упал. Хана оглянулась. Алтан лежал на земле. Моримото заарканил его, как дикого жеребца. Лошадь остановилась рядом с Алтаном. Пони продолжал скакать, Хана подобрала поводья, собираясь подстегнуть его, но снова оглянулась. Моримото уже спешил и накинута на Алтана. Ясно, что он убьет юношу.

У Ханы вырвался вопль ярости и отчаяния. Эхо, отразившееся от скал, разнесло ее крик по степи, и пони встал на дыбы. Она развернула его и погнала обратно, в плен – или на смерть.

Моримото оседлал Алтана, его кулак так и мелькал, нанося удары по распростертому телу. Хана боялась, что не успеет. Она уже слышала звуки, с которыми кулак Моримото впечатывался в лицо мальчика, их не заглушал даже стук копыт. Внезапно Хана вспомнила про нож, спрятанный за поясом. Она быстро коснулась рукояти – на месте. Пони занесло, когда он резко остановился, Хана приземлилась на ослабевшие ноги.

Моримото оглянулся, слез с Алтана, дернул его вверх, ставя на колени.

Он смотрел прямо на Хану – одна окровавленная рука сжата в кулак, другая лежит на рукояти висящего на ремне меча. Хана снова коснулась ножа. Гладкая костяная рукоятка успокоила, Хана была готова принести себя в жертву.

Лицо Алтана распухало прямо на глазах, правый глаз уже заплыл. Он осыпал Моримото словами, точно пулями, но они не достигали цели. Внимание Моримото было приковано к приближающейся Хане. Черные глаза горели, в их черноте отражалось низкое солнце. Хана вспомнила тот день, когда он ее похитил, – вот так же стоял на камнях, скрывающих от него сестру. Тогда она тоже пошла к нему добровольно. Похоже, ей суждено ему сдаться.

На миг она представила, как возвращается к пони, взлетает на него и исчезает в облаке пыли. От перспективы захватило дух. Но этому не бывать. Жизнь лишится смысла, если Алтан погибнет из-за нее. Он продолжал выкрикивать проклятья – мальчишеские угрозы в адрес матерого вояки. Когда Хане оставалось преодолеть считанные шаги, Алтан встал и указал на меч Моримото.

– Перестань! – крикнула Хана.

Алтан выставил руку – не подходи. Она медленно покачала головой.

– Не трогай его.

– Это почему?

Лицо Моримото было такое же сумрачное, как глаза. Хана видела, что он хочет убить Алтана. Одно стремительное движение – и голова мальчика покатится по степной траве, он не увидит больше синего монгольского неба, не улыбнется невинной улыбкой, от которой солнце кажется ярче.

– Потому что я вернулась. Я здесь.

– Может, я вас обоих убью.

Моримото расплылся в ухмылке, лицо его напоминало сейчас маску злодея в танце тальчум^[14]. Это злое божество явилось из загробного мира покарать ее за грехи.

– Убей меня, но он еще ребенок и ни в чем не виноват.

Моримото взвешивал “за” и “против”, не сводя с нее глаз. Хана приблизилась к ним вплотную, коснулась разбитого лица Алтана.

– Прости, бедный мой, – прошептала она, сознавая, что он не поймет.

Алтан вдруг вывернулся из хватки Моримото, попытался увлечь Хану за пони. Она упиралась, ноги приросли к земле. Его слезы мешались с кровью. Он тщетно пытался усадить Хану на пони, что-то кричал. Но она не сдвинулась с места. Алтан поскользнулся, упал в сухую траву. Лежа, он схватил ее за ноги, потянул к пони. Их борьба напоминала пантомиму на

пустой сцене, а единственный зритель зло и радостно скалился. Алтан встал на колени, уткнулся лбом ей в бедро. Сквозь всхлипы он бормотал слова, понятные только Моримото. Хана в упор смотрела на японца, пока он не отвел взгляда. Тогда она наклонилась к Алтану, бережно взяла ладонями его лицо. Она гладила его по щекам, нежно целовала в лоб. Затем взяла за руки и помогла встать. Алтан взывал к ней, все указывал на пони. Хана отрицательно покачала головой. Из последних сил выдавила улыбку и прошептала:

– Ничего он мне не сделает. Возвращайся домой, Алтан.

Он продолжал что-то говорить, сжимая ее руки. Посмотрел через ее плечо на Моримото и зашелся в яростном крике. Хана снова заглянула ему в глаза.

– Возвращайся домой, Алтан, – повторила она. Подвела его к пони. Он упирался, но она не сдавалась, пока он не залез в седло. Посмотрел на нее сверху.

– Прощай, Алтан. – Хана поклонилась.

– Хана, – произнес он надтреснутым голосом. Она показала на тропу, убегавшую вверх, за скалы, к родным, туда, где покой и безопасность. Мальчик посмотрел на Моримото, и Хана испугалась, что он сейчас набросится на японца. Она обошла пони, чтобы Алтану пришлось ее обогнуть. Но он снова перевел взгляд на нее. Потом развернул пони и с силой ударил пятками. Пони сорвался в галоп, унося всадника.

Хана всё смотрела и смотрела Алтану вслед, как будто от этого зависела его жизнь. Вот он исчез в тени от горы. Она напрягала зрение, пытаясь высмотреть точку среди далеких камней. Рука сжала спрятанный в поясе нож.

По ломкой траве захрустели шаги Моримото. Он приближался, но Хана не обернулась. Перед глазами все еще стоял уносящийся вдаль Алтан. Плечи ее поникли, от недавней смелости не осталось и следа. Она ждала Моримото. Он остановился прямо у нее за спиной. Пальцы впились в рукоять ножа, Хана повернулась к японцу.

– Ты опозорила меня, сбежав с этим мальчишкой. Ты все испортила. Я больше не могу тебе верить. Неужели не понимаешь?

Его лицо искажала ярость. Он хотел взять девушку за руку, но Хана была быстрее. Выхватив нож, она замахнулась, целя в сердце. Моримото перехватил ее руку. Хана боролась как могла, проталкивая лезвие к его груди. Ошарашенный Моримото быстро пришел в себя и вывернул ей запястье. Хана уронила нож в траву, пока Моримото не сломал руку. Японец снова заговорил, но Хана с силой ударила коленом его в пах и

высвободилась.

Японец согнулся пополам, и Хана отскочила. Она понимала, что ей от него не убежать, но ноги уже несли ее прочь, к горам, за Алтаном.

Моримото обошелся без лошади. Он кинулся за Ханой, и вскоре его пальцы схватили ее за волосы, дернули, опрокинули девушку. От удара о каменистую землю перехватило дыхание. В полубеспамятстве Хана закричала, когда он поволок ее за волосы к лошади. Она вцепилась в его руку, но он не отпускал. Ноги оставляли бороздки в твердой почве. Вдруг он резко остановился и отпустил ее. Хана распласталась на земле, прикрыла голову руками. Он пнул ее в живот.

– Я убью тебя.

Она свернулась клубком, он снова пнул, и еще раз. Затем схватил руки и оторвал их от лица. Хана брыкалась, но Моримото был сильнее. Он оседлал ее, прижал руки к земле. Она бешено извивалась под ним, точно зверь, угодивший в капкан.

– Хватит! – заорал он, рывком дернул ее за руки и снова впечатал в землю так, что Хана ударилась затылком. Перед глазами взорвались звезды. Небо закружилось, опускаясь на землю. Под тяжестью Моримото Хане казалось, что она тонет, захлебывается вязким воздухом. Вдохнуть не хватало сил.

– Почему ты бежишь от меня? После всего, что я тебе сказал, после всего, что для нас придумал?

Он рухнул на нее, уронил голову на ее лицо. Влюбленные на природе. Лошадь и второй пони мирно щипали траву поодаль. Идиллическая картинка. Она могла бы обрести здесь дом. Все ее существо тосковало по уюту гэра. Ветер ласкал волосы. Пахло теплой землей. Это доброе место, как и ее дом. Хана закрыла глаза и увидела улыбку сестры.

– Я жила мирной жизнью, ты ее отобрал. Я никогда этого не забуду.

Он напрягся. Она ощутила это всем телом. Открыла глаза, готовясь к очередному натиску. Взгляд Моримото был пуст.

– Мне уже наплевать.

Он оттолкнулся от земли и встал на колени рядом с ней. Хана подобралась в ожидании его следующего шага. Он смотрел мимо нее, прикрываясь ладонью от солнца, словно выглядывал что-то в степи. Неожиданно вскочил. Когда Моримото посмотрел на Хану, ей почудилось, будто он в панике. Он снова уставился вдаль, будто что-то решая, а после свистом подозвал лошадь. Та подошла. Моримото запрыгнул в седло, и Хана решила, что он хочет ее затоптать.

Что ж, подходящий конец – умереть в этом месте после недолгой

встречи с добром. Она не шевелилась. Растрепанные волосы закрывали лицо. Прямо над ней раздалось короткое ржание, а затем послышался стук копыт. Он удалялся. Не веря глазам, Хана смотрела, как Моримото скачет обратно к горе. Топот копыт затих, растворился в шуме ветра.

Он оставил ее в покое. Земля поплыла под ней, когда Хана осознала, что свободна. Сердцебиение отзывалось в затылке. Глубоко дыша, Хана села в траве. Он уехал. Ей не верилось, что его больше нет. Что он отказался от безумного своего замысла и отпустил ее. Она свободна. Хана улыбнулась, и улыбка ей далась легко.

Второй пони по-прежнему пощипывал неподалеку траву. Они знают дорогу домой, эти монгольские пони. Он отвезет ее в гэр, к Алтану и остальным. Хана видела лицо юноши, всматривалась в него. Она не слышала нарастающий гул. По степи ехали грузовики.

Хана поднялась, залезла на пони и чуть толкнула его ногой, но тот не двинулся с места. Вывернув голову, он смотрел куда-то в степь. Хана тоже оглянулась. В их сторону двигалась колонна. И тут она поняла, что Моримото вовсе не оставил ее в покое, не освободил. Он сбежал. К ней приближались тяжелые грузовики, танк и конный отряд. На танке развевался флаг – алый, с желтыми серпом и молотом. Советский патруль. Моримото просто бросил ее.

Хана принялась неистово лупить пони в бока, пока тот не тронулся с места. Сперва он двигался медленно, потом перешел на галоп. Она оглянулась. От колонны отделились четыре всадника. Ей не уйти. Далеко на горизонте Хана видела крохотное пятнышко, темнеющее на фоне ясного неба. Моримото.

Пони замедлил шаг. Она пришпоривала его, кричала в ухо, обнимала за шею, умоляла бежать, не сдаваться. Сзади уже грохотали копыта. Всадники обогнали маленького пони, но пролетели мимо, не задерживаясь. Они неслись по равнине, словно Хана – невидимка. Но только для трех всадников.

Четвертый возник рядом, его гнедая лошадь была в мыле. Белая пена падала с ее губ. Советский солдат забрал у Ханы поводья и перевел пони на рысцу. Оба животных тяжело дышали. Хана посмотрела на солдата. Какое странное лицо. Круглые карие глаза, почти белые волосы и нос крючком. Он ничего не говорил – только показал на кобуру. Погрозил пальцем и улыбнулся. Затем развернул ее пони в сторону колонны.

Хана оглянулась. Три темных пятнышка уже приблизились к четвертому. Он не уйдет. Слишком резвые кони. Моримото тоже угодит в плен. Ей-то не страшно, ничего нового с ней не сделают – разве что убьют,

а это ее сейчас не трогало. А вот Моримото будет в новинку все, что над ним учинят. Боль, пытки, унижение – теперь испытает все это на себе. От этой мысли во рту стало сладко, как от спелого, согретого солнцем абрикоса.

* * *

Советский солдат подвел пони с Ханой в седле к последнему грузовику. Пленные сидели в кузове буквально друг у друга на головах. Большинство – китайцы в стеганых куртках с высокими воротами, но Хана заметила и пару девушек-кореенок, сидевших рядом и державшихся за руки. Они не оглянулись на нее, но она поняла, что они ее рассмотрели. У борта сидели два вооруженных солдата. Стараясь ни на кого не наступить, Хана пробралась меж пленных, чтобы устроиться как можно дальше от охраны.

Одна из кореенок подвинулась, освобождая ей место, и Хана втиснулась рядом. Девушки молчали. Они сидели понутив головы, взгляды прикованы к коленям. Хана всматривалась вдаль. Тройка всадников возвращалась. Когда они подъехали ближе, она поискала Моримото, вот он – сидит на лошади позади одного из солдат. Он не ушел.

Сердце Ханы забило быстрее. Руки Моримото были связаны за спиной, губа разбита, левая брючина пропитана кровью. Он не посмотрел на Хану, когда они проезжали мимо. Он сидел очень прямо, глядя перед собой – словно ему не грозила никакая опасность, словно он ничего не боялся. Но его неподвижность выдавала страх. Хана знала, что он в ужасе от ждущей его неизбежности. Его будут допрашивать, пытаться, а когда он выложит все, что знает или выдумает, – убьют. Хану распирало от радости.

Кавалеристы поехали дальше вдоль колонны, и Моримото исчез из поля зрения. Оглянувшись на горизонт, Хана удивилась: а где его чудо-лошадь? Не могли же они бросить такое замечательное, сильное животное. Хана представила, как играют мускулы под черной блестящей шкурой, как лошадь мчится во весь опор к горам, к Алтану, к сытой жизни подальше от этих людей. Она цеплялась за эту картину, но постепенно видение рассеялось, и Хана начала дрожать – как дрожали в кузове остальные пленники.

* * *

Ветер донес далекий волчий вой. Одинокий голос плыл, отражаясь от холмов, которыми заканчивалась степь. Колонна ехала целый день. Далеко позади остался голубой горный кряж, напоминавший Хане о родной горе Халла. Небо окрасилось в закатные цвета, оранжевые отсветы играли на облаках. Хана смотрела на угасающий свет, будто выжигая в памяти красоту этих сверкающих завитков. Тьма населена ужасами. Мать постоянно твердила, что после заката нырять нельзя. В этот час просыпаются порождения черных глубин.

– С ночью приходят ужасы бездны, они ищут свет, – сказала она Хане как-то вечером, когда они плыли к берегу.

Это был самый долгий заплыв на памяти Ханы. Солнце уже садилось, но ей не хотелось выходить на берег. Она нашла всего пару раковин.

– Чжин Сук вчера добыла четыре. Я не могу вернуться с двумя, она же на год младше.

– Чепуха! Радуйся, что нашла две. Солнце заходит, день кончился.

Мать продолжала плыть к берегу. Хана послушно следовала за ней, но упорно канючила:

– Ну еще немножко, а? Я точно знаю, что найду еще две! У старого якоря, где густые водоросли. Наверняка там есть!

У берега мать сняла маску и заглянула дочери в глаза. Хана мигом умолкла.

– Ты не обрадуешься, когда тебя схватят эти ночные твари.

Хана не сомневалась, что мать дразнит ее, выдумывает – только бы вытащить ее из воды.

– Не беспокойся за меня. Они и не заметят, я не свечусь, а они тянутся к свету, – ответила она.

– Еще как светишься, – вскинула брови мать.

– Я? Каким местом?

– Кожей.

Хана скептически скривилась, но мать продолжила:

– Белая, как молоко, светлая, как пух на гусиной грудке. Самый яркий маяк в темнейшем море. – И она дотронулась до ее щеки.

Хана взглянула на свои руки. Не очень-то и белые. Наоборот – дотемна загорелые.

– Это Эмико белая, а я уже коричневая. – Хана показала на сестру, которая ждала их у ведер.

– Я отгоняла птиц. Они сегодня такие голодные! – От усердия у малышки разругались щеки, волосы прилипли ко лбу взопревшими завитками. – Смотри, одна меня в руку клюнула. – На руке была небольшая

царапина.

– Которая? – спросила Хана, мгновенно забыв про раковины. Сестру обидела какая-то наглая чайка! Надо ее проучить, чтобы было неповадно другим.

– Вон та, с серыми кругами вокруг глаз.

Птица вразвалочку ковыляла поодаль, заприметив что-то в песке, не подозревая об угрозе. Хана подобрала небольшой камень. Прищурилась, прицеливаясь. Камень ударил птицу в спину. Та заорала, и через миг ее след простыл.

– За ней! – завопила Хана и бросилась вдогонку по длинной полосе суши, тянувшейся за их укромным местом. – За мной, сестренка, бежим!

– Подожди меня! – крикнула сестра, не поспевая за Ханой. – Берегись, птица! – прокричала она в небеса.

Они бежали, пока не рухнули на песок, глотая соленый морской воздух. Хана уставилась в небо, наблюдая, как чайки описывают под облаками невидимые круги. Рука сестры скользнула в ладонь Ханы, и они замерли, глядя на плывущие облака. Когда обе отдышались, сестра вскочила на ноги:

– Я первая добегу до дома!

– Эй, так нечестно! – крикнула Хана, но Эмико залилась смехом.

Она хохотала до самого дома, а когда Хана стрелой пролетела вперед, сорвалась на радостный детский визг.

* * *

Смех Эмико звучал в ушах Ханы – звук чистой радости. Кто-то тронул ее за руку, и она вздрогнула.

– О чем ты думаешь? – прошептала сидящая рядом девушка.

– Что? – Хана в панике смотрела на советских солдат. Один охранник заснул, второй протирал оружие промасленной ветошью.

Девушка быстро прикрыла ей рот ладонью.

– Ты улыбалась, – сказала она шепотом.

– Правда?

– Да. Будто тебе вдруг вспомнилось что-то дорогое, что-то очень хорошее.

Смех Эмико рассеялся. Она попыталась вызвать его снова, но тщетно.

– Да, очень хорошее, – призналась Хана, глядя на девушку.

Она чувствовала на себе взгляд девушки. Чувствовала ее тоску.

Сколько она уже ездит с этими русскими, если ее так будоражит чужая улыбка? Хана посмотрела на нее. Печальные глаза, белки налиты кровью. Руки в пожелтевших синяках. На щеке лиловый рубец.

– Я вспоминала, как смеется моя младшая сестра. Ей всего девять.

– А у меня брат, ему пять. Я по нему скучаю.

– Я тоже по сестренке скучаю.

– А как она смеялась?

Хана задумалась. Рокот мотора хоронил всякую надежду восстановить смех сестры в памяти, но девушка заслужила каплю радости, коль скоро Хана в состоянии поделиться. Глядя в вечернее небо, на проступающие первые звезды, она сказала:

– Ее смех был похож на птицу, которая порхает на летнем ветру. Он поднимался и опадал, щекотал верхушки деревьев. В нем звучала... свобода.

Девушка молчала. На Хану она не смотрела. Когда грузовик с надсадным стоном остановился, девушка торопливо вытерла щеки до того, как солдат велел всем вылезать. Нескольких он рывком поднял на ноги, борт упал, и еще двое русских солдат знаками велели пленникам спрыгивать. Хана помогла своей соседке встать.

– Прости, что расстроила, – быстро прошептала она.

Та оглянулась:

– Я ее слышу.

Ее недолгая радость согрела на миг и Хану. Она спрыгнула на землю и пошла за остальными. Радость быстро сменилась страхом. Двое солдат вели их сквозь мрак. Варвары, высокие и сильные. Они могут разорвать ее надвое. Воображение услужливо нарисовало картину: солдаты хватают ее за ноги и тянут в разные стороны, выигрывает тот, кто оторвет половину с головой. Ну по крайней мере, она будет мертва. И тогда точно станет легче.

Вдалеке пылали костры. Хана снова вспомнила слова матери: “С ночью приходят ужасы”. Смех сестры невозможен в таком месте, и все же ей хочется еще разок услышать его. Девушка, идущая позади, всхлипывала, но никто не пытался ее успокоить. Хана шла молча. Они были похожи на призраков, бредущих к миру по ту сторону жизни.

Солдаты остановились перед большой, песочного цвета палаткой и жестами велели пленным заходить внутрь. Те подчинились, смиренно пригибая головы в низком проеме. Когда настала очередь Ханы, один из конвоиров придержал ее за плечо. Она боялась взглянуть ему в лицо, а потому упорно смотрела на тех людей, что уже находились в палатке. Он что-то сказал, затем повторил громче. Ей пришлось взглянуть на него.

Солдат изучил ее лицо и выдернул из очереди. Другим он помахал, чтобы не задерживались.

Он крикнул что-то другому часовому и встал рядом со входом в палатку. Хану увели тем же путем, что привели. “Ну вот и все”, – думала она. Сейчас ее “вскроют”, как сделал на пароме Моримото. В темноте она спотыкалась о камни. Руку словно сжимали тиски – солдат не даст ей ни упасть, ни сбежать. Ее снова похитили, но теперь мужчина, который вдвое больше и в десять раз сильнее.

По пути к грузовикам они миновали множество солдат. Мужчины ходили по двое, по трое. Некоторые обращали на Хану внимание, другие были слишком заняты. Чем дальше ее уводили от палатки, тем сильнее ощущалось напряжение, разлитое в воздухе. Хана не замечала его, когда сидела в тесноте среди пленных. Но теперь она была одна и чувствовала, что военные на взводе.

* * *

Конвоир остановился перед танком, входившим в состав колонны. Красный флаг обвис в неподвижном ночном воздухе. На железном чудище стояли двое солдат, оружие их было направлено на человека, замершего на коленях перед танком. Горевший рядом костер освещал полукруг людей в форме. Лицо человека распухло и казалось вдвое больше нормального. Одна бровь рассечена, кровь почти скрыла его черты, как боевая раскраска. Он устался в землю, и Хана сомневалась, что заплывшие, залитые кровью глаза вообще видят.

От полукруга отделились двое. По виду офицеры. Один произнес несколько слов. Другой, высокий и мощный, перевел на японский:

– Скажи то, что нам нужно, и избавь себя от мучений.

Переводчик говорил на японском с сильным и странным акцентом. Первый офицер, явно главный, посмотрел на Хану, и ее затрясло. Человеком на коленях был Моримото. Хана глядела на его неузнаваемое лицо, и ее трясло все сильнее. Его вид вовсе не принес удовлетворения. Напротив, Хану охватил ужас. Зачем ее сюда привели? Тоже будут бить?

– Если не скажешь ты, скажет она.

Советский офицер кивнул на нее. Солдат заломил Хане руку и заставил опуститься на колени. До Моримото шагов десять. Он не поднял головы, молчал, шумно дышал сломанным носом. Вымученное бульканье.

Офицер ударил Моримото, тот повалился. Двое солдат подскочили к

нему и быстро поставили на колени. Кровь, заливающая лицо, смешалась с землей и травой. Сейчас он походил на зверя, все человеческое из него выбили. Вот так поступают друг с другом мужчины в военные времена. Хана не знала, хуже ли эта участь, чем женская. Она не могла оторвать глаз от его изуродованного лица.

– Где твои сообщники? – заорал переводчик. – Мы знаем, что ты шпион и перешел границу, чтобы собирать сведения для твоего императора! Мы знаем, что тебе помогают монгольские предатели! Где они? Назови имена!

Алтан. Он в опасности. Если Моримото признается, их всех убьют – Алтана, мать и отца, Ганбаатара. Они не подозревают, что советские войска находятся всего лишь в одном дне пути. Много ли верности монгольским друзьям осталось у Моримото после того, как Алтан помог ей бежать? Выдаст ли он их в отместку?

Моримото вдруг поднял голову и посмотрел на Хану. Лицо обезображено настолько, что выражения не прочесть.

Она не шевелилась, боясь малейшим движением подтолкнуть его к признанию. Военные подкрадутся к монголам, застанут их ночью врасплох и уничтожат в мгновение ока – и повинна в том будет она. Офицер снова закричал на Моримото, высокий перевел, Моримото поднял руку. Сердце Ханы взмыло к горлу, в ушах зазвенело.

– Я уже сказал, – прохрипел Моримото. Он подавился с каким-то щелчком в горле и продолжил не сразу: – Я переправляю...

– Да, мы слышали, ты перевозишь женщин, – раздраженно оборвал его переводчик. – Скажи-ка, – русский повернулся к Хане, – он правду говорит? Ты проститутка для японских войск?

Вопрос был подобен удару ножом в живот. Моримото сообщил им, что она была лагерной шлюхой для императорских солдат. В памяти пронеслась череда событий: как он схватил ее на берегу, как в первый раз изнасиловал, длинная очередь мужчин, побои, принудительные медосмотры, голод, побег – и все взорвалось золотистой вспышкой, осветившей заботливые руки матери Алтана. И это напоминание о добре засияло в темноте точно добрый дух. Время будто сгустилось, Хане казалось, что она с десятков раз пережила случившееся, прежде чем ответила:

– Да.

Сознание вцепилось в образ Алтана. Моримото сплюнул в грязь кровь. Хана пожалела, что не может отвернуться и не видеть его разбитых зубов.

– И куда он тебя вез?

Она глядела на японца, и в голове всплыл рассказ девушки из борделя.

– Он сказал, что я рассчитаюсь с отцовскими долгами, если отработаю в Маньчжурии.

Переводчик заговорил, обращаясь к офицеру, пару минут они совещались, после чего снова взялись за Моримото.

– Как же ты очутился в Монголии?

Взгляд Моримото был прикован к Хане. Отвечая, он не шевелился. Голос его был бесцветен.

– Она сбежала... Я догнал ее здесь. Хотел отвезти обратно в Маньчжурию, но тут появились вы.

– Ты хочешь, чтобы мы поверили, будто эта голодная оборванка добралась сюда из Маньчжурии?

– Она прыткая, – ответил Моримото, и смешок смешался с кашлем. Он согнулся, его вывернуло кровью. Выпрямившись, он уставился на переводчика: – Я бы на вашем месте не спускал с нее глаз.

Переводчик повторил его слова по-русски. Хана почувствовала на себе оценивающие взгляды. Им было занятно, но любопытство этих русских военных не могло пересилить ненависти, исходившей от Моримото и адресованной ей. Если у нее и был шанс, он уничтожил его, раскрыв, чем она занималась в японской армии. Он позаботился, чтобы она страдала и впредь – уже от этих мужчин.

Офицер что-то сказал переводчику и ушел. Остальные негромко и возбужденно переговаривались. Переводчик медленно извлек клинок Моримото из ножен, висевших теперь на ремне у него самого. Хана удивилась, что не заметила их раньше. Металл сверкнул в свете костра. Этим мечом Моримото грозился отрубить Алтану голову. Переводчик бросил меч на землю перед Моримото и отступил на шаг.

– Подними.

Моримото не двигался. Хана решила, что он не может шевельнуться от боли. Куда уж там браться за меч.

– Мы слышаны о ваших удивительных самурайских обычаях, – снова заговорил переводчик, – но ни разу не видели. – Он оглянулся на солдат, которые уже столпились у него за спиной и подбадривали его возгласами. – Итак, у тебя есть выбор. Ты можешь выполнить этот древний ритуал и умереть с достоинством, сам, – или тебя убьют мы. Даю тебе слово, что это произойдет как угодно, только не достойно.

Моримото медленно потянулся к мечу и чуть не повалился лицом вперед. Хана подавила вскрик. Он восстановил равновесие, выпрямился и положил меч на колени. Хана видела, что силы его на исходе. Моримото

прерывисто вдохнул, воздух заклокотал в груди.

Моримото расправил плечи, поднял меч и осмотрел лезвие. Провел пальцем по острой кромке. Хана разглядела в сумраке, как сталь покраснела. Она сморщилась, не желая видеть дальнейшего, но и не в силах отвернуться.

Он смотрел в ее сторону, но лицо его полностью заплыло, и догадаться, о чем он думает, было невозможно. Хана подозревала, что он улыбается, наслаждаясь своей последней подлостью – тем, что передает ее врагу.

– Ну, что решил? – резко спросил переводчик. И тут Моримото пырнул себя в живот. Все застыли.

Хана приросла к земле. Меч проник глубоко. Не издав ни звука, Моримото рассек свои внутренности слева направо. Его разбитое лицо исказилось. Мерцающий свет костра выхватил белый оскал. Окровавленное, распухшее лицо казалось уродливой маской. Хана сбежала бы, умчалась в ночь, и будь что будет, но рука солдата держала крепко, и ей оставалось в ужасе наблюдать за сэппуку Моримото.

Переводчик поспешно отвернулся, его вывернуло. Моримото был еще жив. Дрожащими руками он медленно вытащил меч и одним быстрым движением рассек себе горло. Безжизненное тело повалилось, вокруг по траве разлилась чернота. Моримото больше не был божеством смерти. Наоборот, Гангним явился по его душу.

Воцарившаяся тишина была густая, как жизненные соки, вытекающие из тела Моримото. Хане, вопреки ее ожиданиям, вовсе не стало легче от этой смерти. Ее охватило опустошение. Душу заполняло ничто, непроницаемое даже для страха перед будущим, словно насилие, учиненное Моримото над самим собой, проникло и в нее.

Солдаты один за другим расходились. Исчез даже тот, что удерживал ее на коленях, – не иначе, всем любопытно было взглянуть, как она себя поведет, оставшись наедине с мертвецом. Хана встала, подошла к безжизненному телу, снова опустилась на колени и замерла, глядя на жалкие останки того, кто мучил ее одним своим присутствием. Мундир, в свое время хрусткий, пропитался кровью. Избитое лицо напоминало в смерти морду животного. Глаза блестели, точно плоть гниющей рыбыны. Неподвижность японца обескураживала Хану. Теперь он был лишь грудой окровавленной плоти на монгольской равнине.

Не заботясь о зрителях, Хана сунула руку в его карман. Вынула фотографию себя прежней. Снимок был перепачкан кровью Моримото. Она быстро вытерла фотокарточку о дил и спрятала в карман. Наконец

подобие легкости настигло ее – у Моримото ничего от нее не осталось.

После долгой паузы она наконец отвернулась от тела Моримото. Рядом стоял переводчик. Он изучал ее лицо, словно пытался прочесть мысли. Хана упростила ему задачу.

– Я его ненавидела, – сказала она ровно, гадая, заметил ли тот, как она взяла фотографию.

Ее голос был сер, как и чувства. Переводчик не ответил. Он повел ее обратно в лагерь, к палатке, где разместили остальных пленных. Часовой отступил, пропуская ее. Хана в последний раз оглянулась на переводчика и нырнула внутрь. Если он и знает про фотографию, ему все равно.

Внутри Хану встретили десятки лиц. Кто-то беззвучно плакал, уткнувшись в ладони и боясь произвести шум; кто-то смотрел перед собой пустым взглядом. Палатку освещала масляная лампа, и Хана искала корейнок из грузовика. Они забились в дальний угол, укрывшись за двумя китайцами, руки которых были связаны за спиной. Хана протолкнулась к ним и села рядом.

– У тебя платье в крови, – сказала старшая девушка.

Хана скосила глаза на дил – темные пятнышки веером разлетались по груди. Она потерла их рукавом.

– Что они сделали? – Взгляд девушки был чист.

– Убили человека, который меня похитил. Японского солдата.

Хана так долго воображала смерть Моримото, а в гэре почти воплотила мечту. Алтан сберег в ней человечность – по крайней мере, напомнил о ее существовании. Его отвращение отвело Хану от края пропасти. Он может и ненадолго, но спас ее от самого худшего, что в ней заложено. В степи, когда Моримото превратил лицо Алтана в кровавое месиво, она повторила попытку, но снова потерпела фиаско.

– Никто не заслуживает такой смерти, – сказала Хана.

Девушка кивнула и дотронулась до пояса на талии Ханы:

– Красивый.

Хана провела пальцами по шелку. Казалось, будто красные и желтые цветы, высвечивающие извивы черных и зеленых лоз на темно-голубом фоне, двигались – цветущая красота в сплетении ужаса.

Моримото сказал переводчику, что Хана была проституткой. Понятно, что тот рано или поздно за ней придет. Ее судьба предрешена. Внезапно она ощутила бесконечную усталость. На этот раз она даст отпор, и тогда все закончится смертью.

– Я должна кое-что рассказать, – торопливо зашептала Хана. – Хочу, чтобы обо мне знали, если за мной придут и я не вернусь.

Обе кивнули.
– Меня зовут Хана...

* * *

Она начала с самого начала. Рассказала о том, как была хэнё, плавала у своего острова и заметила японского военного, который направлялся в сторону ее сестры, – слова слетали с губ, как водный поток со скалы. Мысль о скорой смерти раскрепостила ее. Хана рассказала о борделе, о других девушках, о Кейко. Описала монгольское семейство, загон с животными и орла, рассказала о своем друге Алтане, но на всякий случай добавила, что покинула их больше месяца назад. Замолчав, она почувствовала себя полностью опустошенной, словно отторгла лучшее, что в ней было.

Кореянки рассказали о себе. Они сестры, жили на севере Кореи, в деревне на границе с Маньчжурией. Однажды вечером, когда они закончили собирать яблоки, их обманом заманили местные полицейские – предложили подвезти. Посадили в грузовик, отвезли к границе и сдали японцу. Тот посадил их в поезд вместе еще с пятью девушками, поезд следовал на самый север Маньчжурии. Ночью, не дожидаясь станции, сестры ухитрились прыгнуть и прошли, сколько сумели, пешком. Они одолели горный перевал и не поняли, что пересекли монгольскую границу. На рассвете их схватили – за несколько дней до того, как наткнулись на Хану.

Три девушки взялись за руки, образовав в тесном пространстве кружок. Они глядели друг на друга, запоминали лица, не скрывали слез. Полог палатки взлетел, вошел переводчик. Ближайшие ко входу пленные отползли назад. Переводчик, не обращая внимания на поднявшуюся суету, всматривался в толпу, пока не отыскал Хану.

– Эй, ты! Иди за мной.

Все оглянулись на нее. Даже сидевшие впереди связанные китайцы обернулись. Лица у них были виноватые. Они понимали, что пришел ее черед подвергнуться пыткам. Хана встала. Посмотрела на сестер, прошептала:

– Не забывают меня!

Она достала из кармана фотографию девушки, которой когда-то была и которой мечтала стать снова.

– Пошевеливайся!

Хана отдала фотографию старшей сестре и быстро отвернулась.

– Мы никогда тебя не забудем, – донеслось сзади, когда она была уже у выхода.

* * *

Хана брела за переводчиком, все дальше в лагерь. Наконец он втолкнул ее в маленькую палатку – очевидно, свои личные апартаменты. Указал на походную койку: сядь. Снаружи стоял приглушенный шум – голоса солдат, урчание грузовиков, и все же Хана различала тихое шипение, с каким горела керосиновая лампа на столике.

Переводчик встал у двери, копаясь в кармане. Он был высокий, массивный, а потолок в палатке – низкий, и ему приходилось чуть пригибать голову. Хана в жизни не видела таких великанов, как эти русские. Настоящие медведи. Она смотрела, как офицер насыпает табак из маленькой жестянки на квадратик белой бумаги. Он умело скатал папиросу, старательно облизнул краешек листка и склеил. Затем закурил и затянулся. Он курил, будто не замечал Хану, будто впереди у него была вечность. Наконец уронил почти невидимый окурок и подступил к девушке. Еще шаг – и окажется вплотную. Лицо у него было серьезное.

– Почему ты одета как монголка?

Хана поглядела на свой перепачканный кровью и грязью дил, затем подняла глаза на русского. Она прикидывала, как ответить, не подвергнув опасности семью Алтана.

– Ведь ты японка? А ходишь в этом нелепом костюме, – сказал переводчик и расстегнул две верхние пуговицы кителя.

Хана не ответила, не призналась, что она кореянка. Его рука исчезла в нагрудном кармане и вновь появилась с коричневой металлической фляжкой.

– Водка. Боюсь, закончилась, я ведь тут уже давно. Экономил как мог в этой богом забытой дыре, и вот почти ничего не осталось. – Он приложился к горлышку, погонял жидкость во рту, проглотил и удовлетворенно выдохнул. – Говори правду. Я пойму, если солжешь.

Хана выпалила скороговоркой:

– Когда я переходила через горный кряж, мне встретились монголы, я была почти голая, потому что в борделе не выдавали одежду, вот они это и дали.

– Сколько ты у них пробыла?

– Несколько дней.

– И где их стан?

Она колебалась.

– Не думай, просто отвечай.

– Не знаю.

– Лжешь.

– Я не лгу. Я просто не знаю.

– Сказал же, не лги. – Он сунул фляжку в карман и шагнул к Хане, отведя руку, словно для затрешины.

– Я говорю правду. Когда... когда я узнала, что солдат... – Она сбилась. Перед глазами встало окровавленное лицо, пришлось встряхнуть головой, чтобы его отогнать. – Когда я узнала, что он тоже у монголов, я взяла пони и сбежала. Скакала во весь опор, не зная куда. Было темно. Я ничего не видела. Просто хотела оказаться подальше от него. Иначе он вернул бы в бордель. А мне лучше умереть...

Хана ждала удара, но ничего не происходило. Переводчик стоял перед ней, спрятав руки за спину.

– Я не сомневаюсь, что он был шпионом, – сказал он. – Или же перевозил опиум. Ведь откуда у вашего императора деньги на эту войну. Ты знала об этом? О том, что великий император Хирохито занимается контрабандой опиума, как грязный наркоделец? Запад все это скупает и превращает в героин, в особый чай... В пожитках у этого типа мы нашли опиум. – Переводчик достал из-под столика котомку Моримото. Она тоже была в крови. – На армию не хватит, но стоит изрядно. Ты знала, что он это вез?

На Хану вдруг навалилась усталость, она осела на койку. Сколько времени длится этот кошмар? Кажется, что прошла уже тысяча лет, а беды все не иссякают. Наверное, Моримото хотел продать опиум и на вырученные деньги начать с нею новую жизнь. А может, и правда был контрабандистом. Теперь уже неважно.

– Я ничего про это не знаю. Я знаю одно: он похитил меня и продал в бордель. Мне больше нечего вам сказать.

Она поняла, что у нее закрыты глаза, когда почувствовала, как он развязывает ее пояс. “Простите меня”, – мысленно прошептала Хана родным; она видела Эмико, одиноко стоящую на церемонии посвящения в хэнё. Из последних сил Хана толкнула русского в грудь. Не готовый к нападению, он упал. Хана прыгнула сверху, выхватила из кобуры пистолет. Встав над офицером, навела на него оружие.

– Ты покойница, если выстрелишь. И с тобой обойдутся не так

ласково, как мог бы я.

Она рассмеялась – горьким, трескучим старческим смехом:

– Ласково? Вы не знаете, что такое ласка! Вы зовете нас собаками. Все вы – солдаты, все вы – поганые твари, чума. От вас только ненависть и боль! Я презираю вас всех!

Не дав ему ответить, она нажала на спуск. Выстрела не последовало. Хану прошиб пот. Она еще раз, сильнее, надавила на спусковой крючок, и снова ничего. Переводчик приподнялся. Она отшатнулась, отчаянно ища предохранитель. Русский вскочил, бросился на нее. Хана упала. Она извивалась под тяжестью его тела, но он был слишком велик и силен. Переводчик выкрутил ей кисть, вырвал пистолет и ударил стволом по голове. Рот Ханы наполнился кровью.

– Встать! На колени! – приказал русский.

Она подчинилась. Он щелкнул предохранителем. Хана смотрела на его сапоги, кровь капала у нее с подбородка. Она находилась за сотню миль отсюда, на черном каменистом берегу. Солнце согревало ее распущенные длинные волосы. Журчащими волнами накатывал смех сестры.

– Скажешь что-нибудь напоследок? – Он тяжело дышал.

– Я никогда не была проституткой.

– И все? Кому какое дело, кем ты была? Ты ничто!

– Я хэнё! И моя мать хэнё, и ее мать, и моя сестра тоже станет хэнё, а когда-нибудь – и ее дочери. Я была женщиной моря и больше никем. Ни тебе, ни кому другому этого не отнять.

Он фыркнул, но Хана уже ничего не слышала. Ее здесь не было. Она чувствовала вкус солнечного луча, касавшегося ее губ. Волосы трепал ветер. Внизу волновался океан, шепча ее имя: “Хана”.

Боль пронзила тело раньше, чем она поняла, что произошло. Сквозь красную пелену она успела увидеть, как переводчик замахнулся. Последовал еще один удар. Хана рухнула. Последнее, что она увидела, – носок солдатского сапога.

Сеул, декабрь 2011

Очутившись перед японским посольством, Эми не захотела сидеть в кресле-каталке, но сын и слышать не желал о том, чтобы она шла к статуе сама. Слишком большая нагрузка на сердце и больную ногу.

– Или в кресле, или возвращаемся в больницу. Выбирай.

Эми не помнила, чтобы сама так разговаривала с сыном, когда тот был ребенком, но, наверное, так и было. Она любила детей, но показывать свою любовь ей было тяжело. Муж тогда потребовал бы и своей доли. А потому любовь свою она укрывала поглубже в себе, таков был ее способ выжить.

После рождения сына муж ни разу не обошелся с ней грубо. Возможно, потому что они вообще мало разговаривали. Будучи не слишком удачливым рыбаком, муж предпочитал присматривать за детьми, пока Эми промышляла в море. Он приводил их на рынок, где она продавала дневной улов. Дочь сидела у него на плечах и хлопала в ладоши, глядя на людей. Сын всюду следовал за отцом, они были неразлучны. Наверное, поэтому Ха Ён ожесточился после его смерти. Лишился отцовской тени, оказался под палящим солнцем.

Эми уступила, и сын выгрузил коляску из багажника машины. Они пересекли проезжую часть и двинулись к мемориалу. Когда шли мимо посольства, кирпичное строение показалось Эми маленьким и ничуть не страшным. Окна уже не походили на пустые глазницы. И тут она увидела статую.

Девушка – не скажешь, сколько ей лет, – сидит на стуле с высокой спинкой. Рядом стоит еще один стул, пустой. На девушке традиционный ханбок, босые ноги немного не достают до земли. Кто-то укутал бронзовую девушку пледом, надел на голову вязаную шапочку, обмотал шею шарфом.

Эми остановила сына, когда до статуи оставалось несколько ярдов.

– Дальше я хочу пешком.

Он начал возражать, но она подняла руку. Сын замолчал. Вцепившись в подлокотники, Эми поднатужилась и встала. Медленно, как обычно утром шла к воде, она заковыляла к сидящей девушке.

Больная нога волочилась. Сын хотел поддержать, но Эми оттолкнула его руку. При каждом шаге ей казалось, будто она вязнет в глубоком иле. Глаза не отрывались от лица девушки. В Эми перетекала сила этого бронзового лица – мудрость, боль, терпение, прощение. Лицо выражало

бесконечное, мучительное ожидание.

Эми опустилась на пустой стул, перевела дух. Отдышавшись, дотронулась до бронзовой руки. Она была холодна, и Эми бережно растерла руку девушки, согревая ее теплом своей морщинистой ладони. Было тихо. Эми все посматривала на профиль девушки. Это она – та, кого она помнит из детства. Хана.

Сын, стоявший в нескольких шагах, закурил, пару раз неловко кашлянул, бросил недокуренную сигарету. Затаптал носком ботинка. Эми улыбнулась ему и перенеслась в те дни, когда ничего не знала о войне. Когда была невинна, жила в семейном коконе у моря, гонялась по берегу за чайками. У нее имелась одна забота – не подпускать птиц к улову. Сидя рядом с сестрой, она наслаждалась солнцем, легким бризом, на губах солонела морская вода. Стояло лето, день, когда еще ничего не случилось и они были единой семьей.

– Почему для тебя так важна эта статуя?

Вопрос дочери долетел словно из-за океана. Эми попыталась сфокусировать взгляд на Джун Хви, но путешествие в прошлое требовало чересчур много сил – из того солнечного дня.

– Мама, скажи! – не отставала дочь. Голос прозвучал неожиданно громко, будто она говорила ей прямо в ухо.

– Это Хана, моя сестра. Я наконец ее нашла, – прошептала Эми.

– Ты хочешь сказать, что она напоминает тебе сестру?

Голос стал еще ближе, словно раздавался в голове Эми, словно это она сама спрашивала. Солнечный свет померк, теплый бриз уже не ласкал лицо.

– Это Хана, – уверенно повторила она. – Моя сестра, это она.

Сердце колотилось часто-часто. Эми прижала руку к груди, в рукав потек зимний холод. Открыв глаза, Эми поняла, что вернулась. Дочь стояла рядом на коленях и держала ее за плечо. Как холодно.

– Мама?

Дочь снова маленькая, ей страшно, она ничего не понимает. Эми подалась к дочери и поцеловала в лоб. Джун Хви подняла голову, и Эми узнала материнскую плавную линию подбородка. Странно, но привычная грусть при воспоминании о матери не навалилась. Она ощущала только покой. Как жаль, что этого момента пришлось ждать целую жизнь, но прошлого не изменишь. Осталось лишь настоящее.

– Я всегда гордилась тем, что ты поступила в университет, – хриплым шепотом сказала Эми.

У Джун Хви сморщилось лицо, и она уткнулась ей в колени. Слезы

дочери намочили грубое шерстяное пальто.

– Я гордилась вами обоими. – Эми посмотрела на сына. Он тоже был тут, стоял перед ней на коленях, сдерживался из последних сил, чтобы не заплакать.

Эми улыбнулась и перевела взгляд на статую.

“Я тебя не забыла”, – думала она, пусть даже долгие годы убеждала себя в обратном. Сестра была рядом – терпеливая, прощающая. Хана не переставала ждать, она знала, что Эми ее найдет.

Эми хотелось, чтобы эта минута длилась вечно.

Хана

Монголия, осень 1943

Хана то погружалась в забытие, то всплывала. Когда ей удалось разлепить веки, она увидела только землю, черную и твердую. Попробовала поднять голову, ногу, руку – что угодно, только бы убедиться, что она еще не покинула мир живых, но ничего не получилось. Возможно, она уже мертва и тело ждет, когда дух покинет его, покинет окаянную жизнь.

В сознании мелькали воспоминания детства; отголоски счастья то умолкали, то набирали силу. Хана видела над собой лицо матери, сиявшее солнцем. Жар касался щек, и по онемевшей коже растекалось тепло. Она поворачивалась к сиянию, как цветок, что тянется к солнечному свету. Свет звал: “Хана, открой глаза!”

Она послушалась – и тут же зажмурилась от слепящих лучей. Далекий крик. Голос мужской. Хана осознала, что лежит, связанная по рукам и ногам. Она снова разлепила веки. Русские снимали лагерь, готовясь к отбытию. Она все еще жива. Он ее не застрелил.

Она ждала, сама не понимая чего. Когда последняя палатка была свернута, рядом возник переводчик, в руке охотничий нож.

– Очухалась. – Ухмылка этого чужеземца до боли напоминала ухмылки остальных солдат, которых она повидала за недолгую жизнь.

Хана не отозвалась. В голове пульсировала боль. Русский присел и перерезал веревку, освобождая ее руки. Затем освободил ноги и рывком усадил ее.

– Достигнута договоренность о твоём освобождении. – Голос у него был странный.

Хана проследила за его взглядом и вздрогнула. К ней направлялся Алтан, следом – отец и Ганбаатар. Они пришли за ней. Сдавило горло, стало нечем дышать. Она боялась за них и радовалась тому, что они здесь. Неужели они и вправду уговорили русских ее отпустить?

– У тебя щедрые друзья, – сказал переводчик. Алтан быстро поклонился офицеру, тот козырнул в ответ и рассмеялся. Монголы не смотрели на Хану, словно не замечали ее. Все трое молчали. По их примеру молчала и Хана, но не сводила взгляда с заплывшего, в кровоподтеках лица Алтана.

Вперед вышел отец Алтана, что-то сказал переводчику. Негромко,

Хана не расслышала, но поняла, что они говорят на японском. Переводчик оглянулся на Хану и опять усмехнулся.

– Ты свободна, – сказал он и зашагал прочь.

Только тогда монголы будто увидели Хану. Алтан с отцом взяли ее под руки, помогли встать и быстро понесли ее, держа на весу между собой, мимо остатков советского лагеря. Знакомые пони сгрудились за пределами лагеря. Хана обрадовалась, увидев черную лошадь Моримото. Алтан посадил Хану на пони и сам сел сзади. Они пустились вскачь, и вдруг сквозь топот копыт прорвался крик орла.

Хана оглянулась. Вслед им смотрел русский переводчик, а на руке у него сидела птица Ганбаатара. Орел закричал снова. Ганбаатар заплатил за ее свободу самым ценным, что у него было. Моримото сказал, что для монголов орлы важнее жен и детей, но Ганбаатар отдал своего добытчика и друга за девушку, которую толком и не знал.

Не оборачиваясь, Ганбаатар мчался вперед, увлекая маленький отряд в горы. Алтан подгонял пони. Хана не знала, чего ему стоило уговорить Ганбаатара обменять свое сокровище на девушку. Но она знала другое: им обоим она обязана жизнью.

Джун Хви

Остров Чеджу, февраль 2012

– Я знаю, тетушка. Не беспокойтесь, – ответила Джун Хви и опустила старую маску матери. Трещина на стекле мешала видеть, но это и не так важно. Она нырнет не очень глубоко – главное, вспомнить, что значит быть хэнё.

Чин Хи кивнула и тоже опустила на лицо маску. Это был сигнал остальным ныряльщицам: пора. Они устремились в море, а заплыв достаточно далеко, скрывались под водой, устремлялись ко дну, на поиски сокровищ, которые прокормят их, позволят отправить в школу детей и сохранят память о юной хэнё – исчезнувшей, но не забытой.

Джун Хви нырнула, и ее обожгло холодом зимнего моря. Она задержала дыхание, заработала руками и ногами, сопротивляясь течению, которое толкало ее обратно на поверхность. Постепенно, выпуская через нос воздух, она погрузилась на глубину, в ушах запульсировало дыхание океана. Подводный мир приветственно раскрывался навстречу, рыбы сновали меж колышущихся водорослей. По дну полз краб, собирая мусор. Поблизости притаился красный осьминог – выжидал, когда краб окажется поближе. Кислород в легких закончился, и Джун Хви медленно всплыла, глядя вниз на осьминога, медленно скользившего по дну.

Наверху ее ждала Чин Хи.

– Для первого раза неплохо.

– Похоже, кое-что еще помню, – улыбнулась Джун Хви, отдышавшись.

Она была довольна, что не забыла уроки матери. Остров она покинула совсем еще девочкой, а теперь уже и немолода. Почему же она так долго не могла найти дорогу домой?

– Она гордилась тобой, – сказала Чин Хи.

– Я знаю.

Джун Хви оглянулась на берег. С камней ей махали руками самые старые ныряльщицы. Их хрупкие тела уже не могли погружаться в ледяную февральскую воду, но все они пришли из уважения.

Перед отъездом из Сеула она впервые после смерти матери навестила статую. С нею пошли Лейн и племянник. На месте, где мать утешилась последними минутами покоя, Джун Хви накрыла глубочайшая печаль. Слезы на январском ветру высыхали почти мгновенно, и Джун Хви не пришлось прятать лицо от племянника. Мальчик сильно вытянулся за

последние месяцы, он стоял перед статуей и смотрел на нее так, будто ждал, что бронзовая девушка сейчас встанет и поприветствует гостей.

Джун Хви удивилась, когда мальчик вдруг поклонился статуе, низко, почтительно. Склонился почти до самой земли, выпрямился и поклонился еще дважды. Джун Хви вцепилась в руку Лейн, наблюдая за племянником, изумленно и с гордостью. А когда потом он вдруг ссутулился, поник – то ли от скорби, то ли от смущения, – прониклась к нему глубочайшей нежностью. Мальчик по-детски вытер ладонью нос и повернулся к тетушке:

– Смотрите, кто-то принес цветы.

Из-под вязаного пледа, который продолжал укрывать плечи статуи, выглядывали белые цветы. Джун Хви приподняла плед. На коленях у девушки лежал траурный букет белых хризантем. Лепестки были совсем еще свежие, и она нагнулась, чтобы коснуться их щекой.

После похорон матери Лейн разыскала скульпторов. Завязалась электронная переписка, и они поделились источником вдохновения. В пансионат, расположенный в Кёнгидо^[15] – одновременно и обитель, и музей, где бывшие “женщины для утешения” жили под присмотром медперсонала и делились своими историями с посетителями, – попала потрепанная временем и испачканная кровью черно-белая фотография. В музей снимок передала дочь женщины, попавшей в годы Второй мировой войны в плен к советским солдатам. На обороте имелась надпись: “Девушка-хэнё, 1943”. Лицо привлекло внимание скульпторов. Волосы у девушки были собраны узлом на затылке, а не острижены, как на большинстве других фотографий. Прическу для статуи они, конечно, изменили, чтобы она соответствовала облику “женщин для утешения”, но печальное лицо было лицом с той фотографии.

Джун Хви вглядывалась в лицо, что принесло покой ее умиравшей матери.

“До свидания, тетя Хана, – прошептала она. – Жаль, что мы не встретились раньше”.

* * *

Лейн, уже успевшая подружиться со старушками-хэнё, тоже стояла на берегу. Она энергично замахала, увидев в воде голову Джун Хви, та взмахнула в ответ. Расстояние до берега было невелико, и она различала старые женские лица, напоминавшие лицо матери, усталые, добрые. Мать

словно и сама была среди этих женщин. Джун Хви собиралась задержаться на острове. Будет жечь священные благовония, пока не уверится, что материнский дух нашел дорогу на родной остров.

Джун Хви повернулась к закадычной подруге матери, обе нырнули и устремились на глубину, где океан стучал в барабанные перепонки в унисон с ритмом сердца.

Хана

Монголия, зима 1943

Холодный воздух обжигал кожу. На языке ощущался вкус мерзлой травы. Разлетающиеся волосы щекотали лицо. Алтан убрал их за уши. Его прикосновения были бережны. Затем подтянул меховую шкуру, плотнее укутывая Хану.

– Холодно?

Хане уже известно это слово по-монгольски, ее словарный запас растет. Она мотнула головой.

Пес пристроил свою тяжелую морду у нее на коленях. От него пахло сыростью, утренней росой. Мокрая шерсть терлась о руки Ханы. С тех пор как она вернулась, пес не отходил от нее ни на шаг, словно удочерил ее. Завел привычку класть голову ей на руки, лежащие на коленях, и острые костяшки погружались в мягкие складки под мордой. Пес вскинул глаза, будто проверяя, все ли у Ханы хорошо. Она склонилась, заглянула в золотистые собачьи глаза, и пес заморгал. После возвращения Хана купалась в любви и заботе. Она заново родилась.

Алтан отошел. Снова сборы. Они в четвертый раз меняли место стоянки, с тех пор как покинули советский лагерь. Хана подозревала, что монголы боялись – вдруг русские передумают? А может, бежали от японцев. Ей они ничего не говорили.

Пес лизнул Хане руку. Пора в путь. Пони уже ждал ее. Алтан помог ей встать. После ее возвращения он обращался с нею, как с больным ребенком. Туман перед глазами исчез через несколько дней, но головные боли порой возвращались – мучительные мигрени, от которых она часами лежала неподвижно. С лицом у Алтана все в порядке, ссадины заживали быстро благодаря примочкам, которые ежедневно делала мать. Синяки поблекли. Он снова был прежним Алтаном.

Хана взобралась на крапчатого пони. Он зафыркал, дернул головой, стряхивая с глаз челку, Хана ласково зачесала гриву на сторону. Жесткие конские волосы скользили меж пальцев и напоминали о другом, из иной эпохи, – о крепких водорослях, скользящих по рукам, о темной воде. Пони еще раз тряхнул головой и неспешно двинулся вперед. Темная вода перед глазами исчезла, сменившись необъятной синевой над головой и морем бурых трав, колышущихся точно волны.

Их маленький отряд двигался внутри пейзажа невероятной красоты –

они словно были вписаны в картину. Школьный учитель как-то показывал картинку в книге – на ней караван брел по степи в поисках новой родины.

Хана помнит, как порадовалась, что уж ей-то не придется вот так брести неведомо куда, она ведь хэнё, ее дом – океан. Она вырастет, станет кормилицей, хозяйкой дома и своей судьбы. Никто и никогда не разлучит ее с морем. Хана встряхнула головой, в точности как пони, изгоняя эту картину.

* * *

Монгольскую степь укрывал первый снег. Они разбили лагерь у подножия невысокой и рваной цепи голых холмов. Невдалеке переливалось зеленью и синевой большое озеро.

– Море, – сказала Хана, забыв, что находится от моря в тысяче миль.

– Озеро. Называется Убсу-Нур. Когда-то оно и правда было огромным морем, но суша его окружила и отделила от океанов. Но оно соленое, как море.

Хана, не слушая, уже спешила к манящей синеве. Алтан позвал ее, но Хана шла, будто притянутая магнитом. Сзади послышался быстрый топот, на талию легла рука.

– Куда ты? – спросил Алтан. Не получив ответа, попробовал иначе: – Нельзя далеко отходить от лагеря. Здесь хищные звери есть. Их приманивают водоплавающие птицы.

Словно по сигналу, в воздух с криком взмыла стая белых чаек, вспугнув странного зверя, Хана такого никогда не видела. Она замерла, глядя на удивительное животное, помесь овцы и оленя.

– Привет, дружок! – рассмеялся Алтан, и существо опрометью унеслось прочь. – Это джейран. Вкусный, если поймашь!

И он засмеялся своей шутке, не уверенный, что Хана поняла.

Она смотрела, как джейран, почти слившись с бурыми стеблями, скачет по степи. Затем ее внимание снова сосредоточилось на озере, и Хана двинулась к изумрудно-синему блеску за камышовыми зарослями. На водной поверхности дрейфовали чайки, окликали товарок, парящих на холодном зимнем ветру. На ресницах Ханы таяли снежинки, сапоги вязли в рыхлом влажном песке. Она снова на берегу. Ветер трепал волосы, меховая накидка щекотала шею. Хана с наслаждением втягивала соленый воздух. Первый вкус моря, первый нырок, материнский свист – *сумбисори* – после каждого погружения, пузырьки воздуха, поднимающиеся к поверхности,

смех Эми, танцующей на берегу.

Хана развязала пояс и начала снимать дил.

– Что ты делаешь? – переполошился Алтан. – Хочешь в воду? Замерзнешь!

Зов моря пересиливал все, Хана забыла об Алтане. Она не стеснялась своей наготы, сейчас для нее существовала лишь эта морская равнина. Сбросив одежду, она оттолкнула Алтана и устремилась к воде. Юноша кинулся следом, схватил за руку, но Хана высвободилась и с разбегу бросилась в озеро. От ледяной воды перехватило дыхание. Алтан мельтешил на берегу, не зная, что делать. А Хану неумолимо гнал инстинкт, и вот она нырнула и исчезла под водой.

Дом навсегда останется мечтой. Даже если ей удастся проделать обратный путь, покой не вернется. Ее внезапное появление породит вопросы. Война не закончилась, и русские дали это понять, а в Корее по-прежнему хозяйничают японцы. Хану могут вернуть в маньчжурский бордель или отправят в место похуже. Она останется в Монголии с Алтаном и его родными. Хана смирилась с этим. Она даже была рада. Тоска больше не изводила ее. Напротив, у нее вырастали крылья, когда представляла свою новую жизнь. Алтан был буюм в океане, указывавшим путь к поверхности. Хана оттолкнулась от илистого дна и взмыла за спешащими к солнцу пузырьками воздуха.

Памяти любимой сестры **(Чже манг ме га)**[\[16\]](#)

*Ты испугалась дороги жизни и смерти,
И вот ты ушла, не сказав куда,
Как сухая листва, уносимая ветром осенним
С ветви родной, никто не знает куда.
В молитвах ища просветления,
Буду я ждать нашей встречи в Мичашале*[\[17\]](#)!

От автора

По подсчетам историков, во время японской оккупации Кореи в сексуальное рабство было похищено, продано или обманом завлечено от пятидесяти тысяч до двухсот тысяч корейских женщин и девушек. Японские войска сражались за мировое господство начиная с 1931 года, когда Япония вторглась в Маньчжурию, что привело ко Второй японо-китайской войне в 1937-м. Война закончилась лишь в 1945-м, когда японцы признали свое поражение.

Из многих десятков тысяч женщин и девушек, поработанных японскими военными, на момент работы над этой книгой в живых осталось всего сорок четыре жительницы Южной Кореи. Они одни могли поведать миру о том, что перенесли, как выжили и вернулись на родину. Мы никогда не узнаем, что произошло с остальными, с теми, кто погиб и не вернулся. Многие умерли на чужбине, и их родные, как Эми, так и не узнали об их трагической участи.

По возвращении на родину многие *хальмони* (“бабушки”), пережившие рабство, не смогли рассказать правду. Корейское общество было патриархальным, опиралось на конфуцианскую идеологию, и женское благочестие имело первостепенную важность. Выжившим пришлось страдать молча. Многие страдали от болезней, от посттравматического расстройства, многие оказались неспособны заново встроиться в общество. Большинство жили в крайней нищете, не имея родственников, и в старости были предоставлены сами себе. Сразу после Второй мировой проблема “женщин для утешения” даже не поднималась, так как очень скоро разразилась Корейская война между Югом и Севером, которая унесла еще больше жизней. Тридцать восьмая параллель разделила Корейский полуостров надвое. Южнокорейскому правительству пришлось восстанавливать разрушенную экономику страны, и о несчастных женщинах никто не вспоминал. Понадобилось еще сорок лет, чтобы о “женщинах для утешения” заговорили. В 1991 году перед прессой выступила со своей историей Ким Хак Сун. Ее отважный поступок побудил к откровенности и других – более двухсот женщин решились рассказать о себе.

В декабре 2015-го Южная Корея и Япония достигли договоренности по проблеме “женщин для утешения”, обе страны выразили надежду, что конфликт будет раз и навсегда разрешен и это позволит наладить более

теплые отношения. Япония, подобно капралу Моримото из моего романа, не собиралась признавать вину. Она выдвинула Южной Корее ряд условий. И одно из главных сводилось к тому, чтобы демонтировать статую Мира, установленную на частной территории напротив японского посольства. Это требование было наглядным подтверждением того, что Япония отрицает истории южнокорейских женщин. *Хальмони* отвергли эту “договоренность”, и сейчас продолжаются поиски более достойного решения проблемы. Выжившие женщины считают, что Япония попросту хочет стереть из памяти неблагоприятную страницу военной истории, как будто не было никаких зверств и двести тысяч женщин не стали рабынями.

В марте 2016-го я побывала в Сеуле, чтобы своими глазами увидеть статую Мира. Для меня это было своего рода паломничество: посмотреть на символ насилия над женщинами, не только над кореянками, но и над женщинами в других странах – в Уганде, Сьерра-Леоне, Руанде, Мьянме, Югославии, Сирии, Ираке, Афганистане, Палестине и так далее. Список женщин, изнасилованных в войну, длинен и будет пополняться, если мы не опишем эти несчастья в учебниках истории, не увековечим память в музеях, если не будем помнить сгинувших женщин и девушек.

Работая над книгой, я полюбила Хану, которая воплощает для меня всех женщин, разделивших ее судьбу. Я не смогла оставить ее умирать в монгольской степи от руки солдата, хотя, конечно, реальных шансов вырваться на свободу или хотя бы выжить у нее было немного. Но финал романа – это мое личное пожелание Хане и остальным. История Эми была для меня убежищем, где я скрывалась и отдыхала от ужасов, которые описывала, рассказывая историю Ханы. Эми – моя любимица, и мне показалось, что после всего, что выпало на ее долю, она заслужила, чтобы статуя и правда воплощала образ Ханы. В реальности у статуи не было конкретного прототипа. Свою книгу я посвящаю всем женщинам мира, кто пострадал от войны и продолжает страдать сегодня.

* * *

История любого межгосударственного конфликта нередко теряется в хитросплетениях правды и фальсификаций. Японо-корейский конфликт не исключение. Я постаралась сосредоточиться на историях отдельных людей, не рассматривать целиком народ. Я также хотела подчеркнуть, что военные действия в Корее имели глобальный характер, в них участвовали не только основные воюющие стороны – Япония и Корея. Поскольку это

произведение художественное, в нем могут встретиться исторические неточности, порой умышленные. Моя мать родом из Южной Кореи, я выросла в корейской диаспоре, и меня всегда поражала способность моих соотечественниц преодолевать боль от воспоминаний о тяжелой юности. Отдавая должное этим женщинам, я включила в книгу песню (*ga si ri*) и лирическое стихотворение (*чже манг ме га*) в переводе моего друга и учителя Чжон Сук Ли. Песня принадлежит неизвестному автору, написана она между X и XIV веками, но южнокорейские школьники ее хорошо знают. Мне хотелось, чтобы в миг неуверенности Хана немного развеселилась, вспомнив отца, который дурачился так, что стены их лачуги сотрясались от хохота ее обитателей. Лирическое стихотворение написано на смерть любимой сестры и выражает упование на встречу с ней в мире загробном. Мы все теряем близких, и бывает, что боль никогда не проходит. Я знаю, что боль моей матери и ее подруг не затихла, не исчезла. Но то, что их истории будут помнить, хоть немного облегчит ее.

Война ужасна, жестока и несправедлива. По ее окончании должны звучать извинения, выплачиваться репарации, а выжившим нужно ставить памятники. Германия подала хороший пример, признав свои преступления против евреев в годы Второй мировой войны и выплатив компенсации, обязавшись помнить об этой черной странице своей истории. Я надеюсь, что по ее стопам последуют и правительства других стран. Наш долг – донести до будущих поколений жестокую правду о любой войне, не скрывая случившегося и не прикидываясь, будто ничего не было. Мы обязаны напоминать об этом, чтобы не повторять ошибки прошлого. Учебники, песни, романы, пьесы, фильмы, памятники – все это помогает не забывать о случившемся ужасе и сохранять мир.

Мэри Линн Брахт

Памятные даты

1905

Корея становится японским протекторатом, и Корейской империи наступает конец.

1910

Япония аннексирует Корею; корейские традиции и культура подавляются.

1931

Япония вторгается в Маньчжурию и оккупирует ее, создавая марионеточное государство Маньчжоу-го.

1932

Марионеточное государство Маньчжоу-го создано.

1937

Начинается Вторая японо-китайская война. Китай получает помощь от Германии, Советского Союза и Соединенных Штатов. Готовится почва для перерастания конфликта в часть Второй мировой войны.

1938

Япония начинает программу активной ассимиляции колонизированных корейцев; корейские обычаи, включая язык, религию,

изобразительное искусство и музыку, запрещаются.

1939

Япония мобилизует корейских мужчин и женщин.

1941

Япония атакует Перл-Харбор. Вторая японо-китайская война становится частью Тихоокеанской и Второй мировой.

1945

Август: США сбрасывают атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки.
Советский Союз объявляет Японии войну, его войска входят в Маньчжурию, затем в Северную Корею.

Япония безоговорочно капитулирует перед союзными силами.

Вторая мировая война заканчивается.

По условиям капитуляции Японии Корея разделяется на Север, контролируемый СССР, и Юг, контролируемый США, по тридцать восьмой параллели. В Южную Корею прибывают американские оккупационные войска.

Декабрь: США, Великобритания, Советский Союз и Китайская Республика вводят в Корею четырехстороннее внешнее управление до тех пор, пока в ней не появится единое правительство. В дальнейшем надежды на создание такого правительства испаряются, так как холодная война увеличивает раскол между СССР и США.

1948

Апрель: восстание и резня на Чеджу.

Август: после свободных демократических выборов 10 мая на Юге образуется Республика Корея с Ли Сын Маном в качестве первого президента.

Сентябрь: на Севере образуется Корейская Народно-Демократическая

Республика во главе с председателем Ким Ир Сеном.

Октябрь: Советский Союз объявляет правительство Ким Ир Сена общим для Северной и Южной Кореи.

Декабрь: ООН объявляет правительство Ли Сын Мана единственным законным; США отказываются предоставить военную помощь Югу, а Советский Союз активно укрепляет Север.

Советские войска покидают Корею.

1949

Январь: китайский националистический лидер Чан Кайши подает в отставку.

США выводят войска из Кореи, оккупация Кореи союзными силами заканчивается.

Октябрь: Мао Цзэдун объявляет о создании Китайской Народной Республики.

1950

Июнь: начинается Корейская война – Северная Корея пересекает тридцать восьмую параллель и вторгается в Южную. Северную Корею поддерживают Советский Союз и Китай, Южную – США и остальные члены ООН.

В ходе конфликта погибнут более 3 миллионов человек.

1953

Корейская война заканчивается; разделение Кореи на Корейскую Народно-Демократическую Республику на Севере и Республику Корею на Юге сохраняется. Поскольку Южная Корея так и не подписала мирный договор, формально эти государства по-прежнему находятся в состоянии войны.

1991

Ким Хак Сун дает пресс-конференцию, рассказывает о себе как о жертве японского сексуального рабства и подает иск японскому правительству.

1992

Январь: первая из “демонстраций по средам” в Сеуле.

Декабрь: избран первый гражданский президент Южной Кореи – Ким Ён Сам.

1993

Август: в “Заявлении Коно”, выпущенном японским правительством, подтверждается факт принудительного набора “женщин для утешения”.

2007

Японское правительство отзывает заявление.

2011

Декабрь: в Сеуле проводится тысячная по счету “демонстрация в среду”; открытие статуи Мира.

2015

Японское и южнокорейское правительства объявляют об “исторической договоренности” по проблеме “женщин для утешения” – убрать статую Мира и больше не возвращаться к этой теме.

фотография: shutterstock.com

notes

СНОСКИ

Национальный костюм жителей Кореи. Традиционный женский ханбок состоит из чогори – блузки, рубашки или жакета – и чхима – длинной юбки. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Хэнё (женщина моря) – ныряльщица, зарабатывающая на жизнь добычей моллюсков и других деликатесов с морского дна.

Особый звук, который издают хэнё во время кратковременного отдыха между погружениями. Это специальная техника восстанавливающего дыхания, которая позволяет быстрее очистить легкие от углекислого газа и наполнить их кислородом.

Она же – Халласан, потухший вулкан на острове Чеджудо (Чеджу), Южная Корея, самая высокая горная вершина в стране.

Популярное блюдо корейской кухни – роллы из риса с добавлением квашеных овощей, рыбы, морепродуктов, ветчины, яиц, завернутые в сушеные листья морской капусты.

Китайский баскетболист, президент Китайской баскетбольной ассоциации. Играл за команду “Хьюстон Рокетс” на позиции центрового.

Цубаки – камелия, хината – подсолнух, кику – хризантема, аямэ – ирис, рико – жасмин (*яп.*)

Блаженство (яп.).

Общее название различных закусок и салатов в Корее, которые подаются как аккомпанемент к основному блюду и рису в небольших тарелках.

В Корее с 1990 г. действует Совет по делам женщин, угнанных японской военщиной в сексуальное рабство. С 1992 г. эта организация добивается извинений и компенсации со стороны Японии. Основные и регулярные мероприятия совета – это так называемые демонстрации по средам.

Сложное корейское понятие, приблизительно означающее “бессильный гнев, причиненный страданием”.

Синтоистское святилище, расположенное в Токио. Выполняет функции центра религиозных церемоний религии синто.

Специальный поклон, который делают старшим на Новый год по лунному календарю. Ритуал совершения этого поклона родителям в первый день нового года сохранился и по сей день.

Тальчум – вступительный танец корейского театрализованного представления, в котором участвуют персонажи в масках.

Речь идет о пансионате жертв сексуального рабства “Нанумый Чип” в городе Кванчжу провинции Кёнгидо.

Песня буддийского монаха VIII в. мастера Вольмёна, переведенная Чжон Сук Ли, корейским переводчиком и преподавателем школы восточных и африканских исследований при Лондонском университете. Это лирическое стихотворение было сложено в стиле народной песни *hyangga* после кончины сестры мастера Вольмёна. Я часто перечитываю его, напоминая себе о том, что не одной Хане выпала столь тяжкая доля. – *Примеч. автора.*

Рай или недостижимая монашеская обитель.